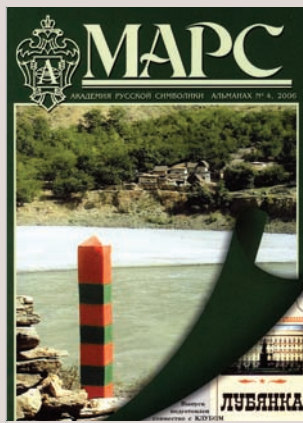

• По страницам редких изданий

ПОГРАНИЧНИКИ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

У нас в гостях журнал-альманах
«МАРС»

Обложка
журнала

Новые разработки Академии
русской символики «МАРС»

УВИДЕЛ свет 4-й номер журнала-альманаха «МАРС». Номер посвящен Пограничной службе нашего Отечества. Выпуск открывает приветственное слово первого заместителя руководителя Пограничной службы ФСБ России Владимира Рожкова.

Граница — одна из важнейших основ нерушимости территориальной целостности государства. Символика пограничников имеет давнюю историю и богатые традиции. Образ воина-пограничника, стоящего с оружием в руках у красно-зеленого пограничного знака с изображением Государственного герба Советского Союза, а сегодня — Российской Федерации, давно стал узнаваемым всеми символом и олицетворением надежно охраняемой государственной границы. В специальном выпуске альманаха охвачена лишь небольшая часть обширнейшей темы о российских пограничниках, их истории, традициях и символике.

Редакционная коллегия журнала-альманаха с благодарностью отнесётся к отзывам и предложениям по концепции, тематике и содержанию публикуемых материалов, а также приглашает к сотрудничеству заинтересованных лиц, коллекционеров, любителей и специалистов, занимающихся изучением вопросов геральдики и символики Погранвойск.

Журнал издается РОО Академия русской символики «МАРС».

Адрес редакции: Москва, 127106, а/я 3;
e-mail: mars@oss.ru, almanah-mars@mail.ru,
www.simvolika.org; тел./факс: 8-501-485-22-02, (495)477-04-16.

Медаль
«Чернобыль.
1986—2006»

Нагрудный знак
Краснознаменного
Райчихинского
погранотряда

Знак
«Почетный
сотрудник
погранслужбы»

Знак Московского
пограничного
института

Развитие
униформ
прусской
и австрийской
пограничной
стражи
(слева
направо:
конный хорват-
граничар
на австрийской
службе, 1650 г.;
прусский гусар
5-го полка,
1744 г.;
австрийский
солдат-
пограничник,
1760 г.)

ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ 3
1-80 2007

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

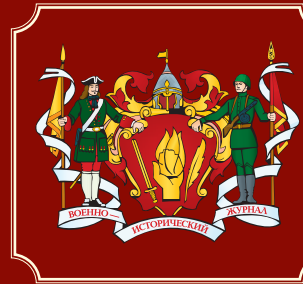
Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу во втором полугодии 2007 года — 39 рублей. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 157-84-50

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и интернет — приложений «Военно — исторического журнала» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

Ежемесячное издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Март
№ 3
2007 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Участие женщин
в разминировании
Карелии.
1944—1945 гг.

И.В. Сталин:
«Армия должна
не только
обороняться,
она должна
наступать,
защищать
интересы
государства всеми
способами»

Академическая
наука в годы
Великой
Отечественной
войны
1941—1945 гг.

Возвращение
генерала
от инфантерии
графа
А.И. Остермана-
Толстого
(1772—1857)
в Россию

Генерал-майор
А.Т. Григорьев:
«Нельзя
под видом борьбы
с едоками
уничтожать
систему
управления
в Красной Армии»

Подвиг гренadera Коренного под Лейпцигом в 1813 году

Фрагмент картины художника П.И. БАБАЕВА
Неизвестный копиист

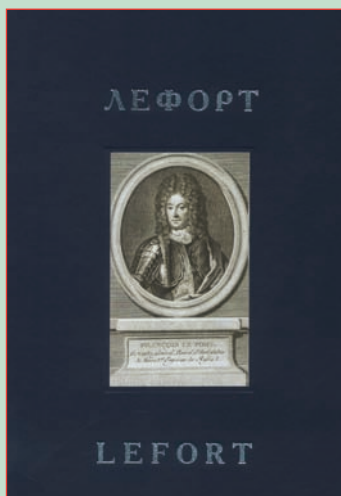
Военно-исторический журнал 2007 № 3 март

ISSN-0321-0626

8 марта — Международный женский день

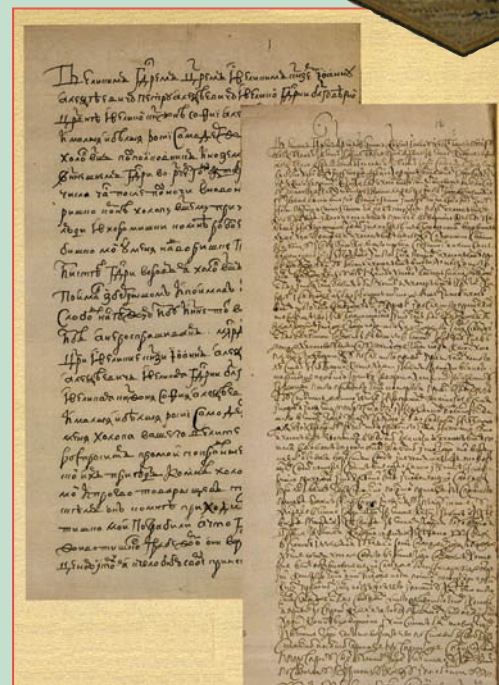
ШВЕЙЦАРСКИЙ «ОХОТНИК»

К 350-летию со дня рождения Ф. Лефорта

Обложка книги

Родовой герб Ф. Лефорта и гербы, пожалованные ему за военные заслуги

Челобитная Ф. Лефорта о проведении «розыска» по поводу «воровских людей», проникших на его двор 1686 г.

Обложка «Военно-исторического журнала»

№ 12 (декабрь) 2003 г.
Ф. Лефорт
Реконструкция портрета А.С. Летина
Из собраний РГВИА
(Москва)

Читайте в номере

Портрет Ф.Я. Лефорта в адмиральском мундире
Литография. Вена, 1864 г.

Серебряное позолоченное блюдо с гербом Ф. Лефорта
Из собрания Государственного исторического музея (Москва)

ИСТОРИЯ официальных двусторонних дипломатических отношений между Россией и Швейцарией не столь уж древняя: первое швейцарское консульство открылось в Санкт-Петербурге в 1816 году, а двусторонние контакты установились с 1906 года. Однако взаимосвязь двух стран продолжается уже несколько столетий. Швейцарское присутствие в России наиболее ярко проявилось в деятельности уроженцев Швейцарии, чья жизнь в той или иной степени была связана с нашей страной. При этом одно из имен заслуживает особого внимания – это Франсуа Лефорт. С него началась история швейцарцев в России в эпоху великих преобразований Петра I.

Франсуа Лефорт родился в Женеве 2 января 1656 года. Отец, торговец

аптекарскими товарами, пророчил сыну ту же карьеру. В 14 лет юноша, бежав от своего наставника, поступил кадетом в марсельский городской гарнизон, но по воле отца был вынужден вернуться в Женеву. Однако после приезда в 1673 году младшего брата принца Курляндского Карла Якоба Лефорт добивается у родителей разрешения поступить в полк принца и отправиться на войну в Нидерланды. К концу войны Лефорт оказался в трудном положении: не имея постоянной должности в армии, он остался без средств к существованию. В это время молодой офицер встретил голландского полковника Якоба ван Фростена, набравшего от имени царя Алексея Михайловича «охотников для

«ВЕРУЙ, ЧТО ЖИЗНЬ НАША ПРИНАДЛЕЖИТ ДЕРЖАВНОМУ ОТЦУ ТВОЕМУ И ТЕБЕ...»

Холодное оружие российских цесаревичей

Цесаревич Алексей Николаевич

Цесаревич Николай Александрович в форме Атаманского полка 1889 г.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ императорской фамилии получали немало подарков от дворянства, чиновничества, офицерства, купечества. Так как многие из них являлись шефами воинских частей, среди этих подарков было художественно украшенное холодное оружие, которое полагалось носить в строю и вне строя при парадной и повседневной военной одежде.

Холодное оружие, подаренное цесаревичам, отличалось малыми размерами. Например, казачья шашка (детская) образца 1881 года была поднесена 12-летнему цесаревичу Николаю II в ноябре 1881 года по случаю его назначения атаманом Казачьих войск России. Она соответствовала стандартному образцу, за исключением размера: длина шашки – 76,5 см, клинок – 67 см. На обухе тушированной золотом надпись – Мастер Романь Алексеев, СПб 1881 г.; в нижней части тушированный золотом стилизованный растительный орнамент; на пяте с обеих сторон врезаны 2 золотых медальона, на одном из которых – изображение казака на лошади, на другом – резной вензель с буквами «Н» и «А» под императорской короной.

Сын Николая II цесаревич Алексей Николаевич числился на военной службе с первого дня жизни. Ему принадлежал детский клыч офицерский лейб-гвардии Казачьего полка, общей длиной 75,7 см, длина клинка – 63 см, ширина – 2,5 см.

Одну из офицерских шашек преподнесли цесаревичу нижние чины лейб-гвардии Семеновского полка. Она была изготовлена в мастерской «Шаф и сыновья» и отличалась довольно скромным декором. Общая длина – 98 см, длина клинка – 83,5 см, ширина – 3,3 см. Главное в ней – надпись, наведенная золотом на правой стороне клинка: «Ангел наш, родимый красавчик, великий государь цесаревич, клянемся тебе быть всегда и везде достойными милости твоего батюшки. Веруй, что жизнь наша принадлежит державному отцу твоему и тебе, так будем заветать и детям нашим – нижние чины семеновцы», на левой – «Завещаю сыну моему так же любить Семеновский полк, как я верю вам, семеновцы дорогие мои».

Золотой медальон на пяте казачьей шашки великого князя Николая Александровича с изображением казака на лошади

Шашка офицерская пехотная образца 1881 г. цесаревича Алексея Николаевича

Клыч офицерский лейб-гвардии Казачьего полка (детский) цесаревича Алексея Николаевича

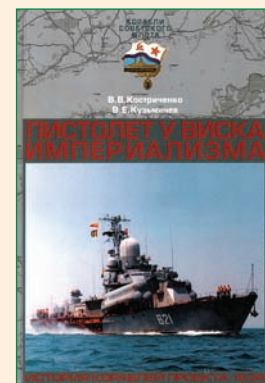

Шашка драгунская офицерская образца 1881/1909 г. цесаревича Николая Александровича

«ВОЕННАЯ КНИГА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

ВИТАЛИЙ Васильевич Костриченко – известный историк советского флота и Виктор Евстафьевич Кузьмичев – катерник с тридцатилетним стажем, отдавший службе на «Оводах» более двадцати лет, являются авторами книги «Пистолет у виска империализма. История кораблей проекта 1234»* посвященной малым ракетным кораблям (МКР) проекта 1234 (шифр «Овод»), кораблям, несущим службу в составе Военно-морского флота РФ четвертое десятилетие.

В издании представлен обширный материал

* Костриченко В.В., Кузьмичев В.Е. Пистолет у виска империализма. История кораблей проекта 1234. М.: ООО «Военная книга», 2006. 44 с., ил.

Обложка книги

по истории создания кораблей, их строительству, конструкции, вооружению. Широко освещена служба черноморских и тихоокеанских МРК, приведены некоторые аспекты их тактического предназначения. Книга составлена по материалам отечественной и зарубежной печати насыщена воспоминаниями ветеранов отечественного флота, иллюстрирована большим количеством уникальных фотографий и содержит схемы всех модификаций проекта.

Эту книгу, а также номера «Военно-исторического журнала» за 2005, 2006 и 2007 годы можно приобрести в магазине «Военная книга».

Адрес магазина «Военная книга»: 123308, Москва, ул. Зорге, 1 (метро Полежаевская). Тел.: (495) 195-24-90, тел./факс. (495) 195-24-14. www.voenkniga.ru; e-mail: voenlit@bk.ru.

Основан
в августе 1939 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Март
№ 3 (563)
2007 год

- ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ** **3** **DOCUMENTS AND MATERIALS**
М.А. ГАРЕЕВ — И.В. Сталин: «Армия должна не только обороняться, она должна наступать, защищать интересы государства всеми способами»
М.А. ГАРЕЕВ — J.V. Stalin: "Army must not only defense, it must offense, protect interests of the state by all means"
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.** **10** **THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945**
Г.А. БЫКОВСКАЯ — «Положить все силы на то, чтобы безумный и опасный враг был уничтожен»
Г.А. BYKOVSKAYA — "Employ all the strength for destroying reckless and dangerous enemy"
- Л.Н. ЮСУПОВА** — Участие женщин в разминировании Карелии. 1944—1945 гг. **14** **L.N. YUSUPOVA** — Participation of women in mine clearing of Karelia. 1944—1945
- ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ** **20** **MEMOIRS AND ESSAYS**
В.И. ПОПОВ — «Я поле жизни перешел...»
V.I. POPOV — "I have crossed the field of life..."
- ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ** **26** **FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT**
С.Н. АКСЕНОВ — Производство боеприпасов в Советском Союзе в предвоенные годы. 1937—1941 гг.
S.N. AKSENOV — Production of the ammunition in the Soviet Union in the years before the war. 1937—1941
- Т.В. АЛЕКСЕЕВ** — Центральная радиолaborатория: у истоков советской системы радиооружия. 1923—1929 гг. **30** **T.V. ALEKSEEV** — The Central radio-laboratory: near the source of the Soviet radio-armament system. 1923—1929
- ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО** **35** **MILITARY CONSTRUCTION**
Ю.П. ГОРИН, В.Г. КИКНАДЗЕ — Зарождение и становление системы подготовки специалистов радиоразведки отечественного ВМФ. 1895—1945 гг.
Yu.P. GORIN, V.G. KIKNADZE — Origin and formation of the radio-reconnaissance specialists training system of this country Navy. 1895—1945
- ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ** **40** **FROM THE MILITARY ARCHIVES FUNDS**
«Нельзя под видом борьбы с едоками уничтожать систему управления в Красной армии»
(Публикация А.П. ЖАРСКОГО)
V.I. KHONKLOV — Following traditions, Russian soldiers sacrificed their lives to the victory and love to their banners
- ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ** **45** **MILITARY PATRIOTIC EDUCATION**
И.В. ХОХЛОВ — Российские воины, следуя традициям, жертвовали собой ради победы и любви к своим знаменам
- ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ** **48** **FAMILY ARCHIVE**
А.А. УПОРНИКОВ — «Я ничего так сильно не боюсь, как... тихих дней на позиции»
(Публикация Е.Ф. КОЛПИКОВОЙ)
A.A. UPORNIKOV — "I am not afraid of anything more than tranquil days on the positions"
(Publication of E.F. KOLPIKOVA)
- А.В. ТОКАРЕВ** — Возвращение генерала от инфантерии графа А.И. Остермана-Толстого в Россию **54** **A.V. TOKAREV** — Returning of General of Infantry Count A.I. Osterman-Tolstoy to Russia
- ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ** **58** **EPOQUE, REFLECTED IN BIOGRAPHIES**
М.Р. РЫЖЕНКОВ — Франц Лефорт — друг и наставник Петра Великого
M.P. RYZHENKOV — Frants Lefort — Peter the Great's friend and tutor-guide
- ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ** **63** **MILITARY TRAINING AND EDUCATION**
М.В. ГАБОВ — «Развернуть в нашем флоте качественное обучение инструкторов физического воспитания»
M.V. GABOV — "Develop in our Navy a high quality training of physical education instructors"
- ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ** **64** **MILITARY HISTORIC HERITAGE**
В.И. ГУСАРОВ — События и образы Крымской войны в народной памяти
V.I. GUSAROV — Events and images of the Crimean war in the folk memory
- ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ** **66** **HISTORY OF THE MILITARY MEDICINE**
Н.Г. ЧИГАРЕВА, М.Д. БЕРГМАН, Д.А. БУДКО — Вклад С.П. Боткина в привлечение женщин к уходу за ранеными и больными
N.G. CHIGAREVA, M.D. BERGMAN, D.A. BUDKO — S.P. Botkin's contribution to attraction of women for treating of the injured and sick people
- МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ** **★** **THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE**
- ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ** **71** **MILITARY PATRIOTIC EDUCATION**
Н.С. ВАТНИК — Школьная молодежь помогла сражающейся Родине в Первую мировую войну. 1914—1917 гг.
N.S. VATNIK — School youth helped the fighting Homeland in World War I. 1914—1917
- ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ** **75** **MILITARY HISTORIC HERITAGE**
В.И. ДАЛЬ — Сержант Щепотьев с товарищами. Матросские досуги
(Публикация С.К. ДАРКОВА)
V.I. DAL — Sergeant Shchepotiev with his friends. Seamen's leisure-time
(Publication of S.K. DARKOV)
- В.И. ДАЛЬ** — Турецкий флот в 1829 году. Матросские досуги
(Публикация С.К. ДАРКОВА) **75** **V.I. DAL** — The Turkish Navy in 1829. Seamen's leisure-time
(Publication of S.K. DARKOV)
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ** **78** **CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY**
Р.А. АЛИЕВ — Ликвидация гауляйтера В. Кубе
R.A. ALIEV — Liquidation of Gauleiter V. Kube
- А.Н. ЧАБАНОВА** — О жизни и деятельности генерала армии А.Н. Комаровского **78** **A.N. CHABANOVA** — About life and activities of General of the Army A.N. Komarovsky
- В.Л. ГЕРАСИМОВ** — Морские крылья Отечества **79** **V.L. GERASIMOV** — Sea wings of the Fatherland
- НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ** — 9; **КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА** — 19, 34, 70; **ХРОНОГРАФ** — 22; **ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** — 65; **К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** — 75; **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ НОМЕРА** — 80
- SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION** — 9; **THE BOOKSHELF OF A MILITARY HISTORIAN** — 19, 34, 70; **CHRONOGRAPH** — 22; **THE EDITORIAL MAIL OF «VOENNO-IHISTORICHESKY ZHURNAL»** — 65; **TO THE READERS OF THE «YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE»** — 75; **INFORMATION ABOUT AUTORS AND REVIEWERS OF THE ISSUE** — 80

VOYENNO-
ISTORICHESKI
ZHURNAL

3 (563)

The Journal of Military History
2007 March

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
Founded in August, 1939

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Отстаивая принципы научности и объективности: критические мысли о некоторых книгах «нетрадиционных» военных историков

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков: «Генерал-майор Г.Ф. Воронцов... по характеру волевой, смелый и решительный»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

Стальной курянин «Борис Петрович»

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Украинские партизаны в сорок третьем

ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ

«Император всероссийский, как простой эскадронный командир, врубился в неприятельский строй»

ВОЕННАЯ РЕФОРМА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«Чтоб отставные от службы офицеры, унтер-офицеры и рядовые по отставке имели покой и пропитание»

ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА

Военнопленные-египтяне в России. 1877—1880 гг.

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Екатерина Великая и А.Г. Орлов не разглядели в российских адмиралах Эльфинстоне и Ноульсе шпионов Великобритании

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по истории

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», подполковник, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба — помощник начальника Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЫТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

В.В. МАСОРИН — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал, кандидат педагогических наук (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, кандидат экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

С.Е. РЫБАКОВ — начальник Управления информации и общественных связей МО РФ — заместитель начальника Аппарата министра обороны РФ, генерал-майор запаса, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофотодокументов, заслуженный работник культуры РФ (г. Красноярск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНОВ — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооруженных сил, полковник запаса (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Румынии (Бухарест)

РЕДАКЦИЯ: научные редакторы:

Р.А. АЛИЕВ;
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
В.Г. КИКНАДЗЕ, капитан 3 ранга, кандидат военных наук;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;
Ю.Л. КУШЕР, полковник запаса, кандидат исторических наук;

В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
Р.И. ПАРФЕНОВ, лейтенант;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке;
О.Р. СПИХИНА;
А.Н. ЧАБАНОВА
секретариат:
М.В. ЗАБРОДИНА (заместитель ответственного секретаря редакции);
К.Н. АГАФОНОВА;
Е.В. КРИГЕР;
Ю.В. СНЕГОВА;
А.С. ФИЛИППОВА

литературная редакция:

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
Е.С. ДАНИЛИНА;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

художественные редакторы:

Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией:

М.П. МОИСЕЕВА

И.В. Сталин: «АРМИЯ ДОЛЖНА НЕ ТОЛЬКО ОБОРОНЯТЬСЯ, ОНА ДОЛЖНА НАСТУПАТЬ, ЗАЩИЩАТЬ ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВА ВСЕМИ СПОСОБАМИ»

5 марта 1945 года при рассмотрении проекта приказа о задачах журналов «Военная мысль» и «Военный вестник» И.В. Сталин в присутствии руководства Генерального штаба Красной армии встретился с ответственными редакторами названных печатных органов. Запись состоявшейся беседы (она длилась чуть более часа — с 22 ч 40 мин до 23 ч 45 мин), сделанная ответственным редактором «Военной мысли» генерал-майором Н.А. Таленским, публикуется ниже. Эта запись — интересный исторический документ, который говорит сам за себя и вряд ли нуждается в подробном комментировании. Вместе с тем затронутые в нем проблемы являются злободневными и в настоящее время. В чем же состоит их актуальность с позиций сегодняшнего дня? Своими мыслями по этому поводу делится с читателями «Военно-исторического журнала» президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев.

Запись беседы И.В. Сталина с ответственными редакторами журналов «Военная мысль» и «Военный вестник» 5 марта 1945 года

О военной идеологии

Товарищ Сталин*, рассматривая задачи журнала «Военная мысль», задал вопрос: нужно ли нам ставить задачу разработки вопросов военной идеологии? Не ограничиться ли только вопросами теории? И положительно отвечая на этот вопрос, ставит другой — какая нам нужна военная идеология?

Основные мысли товарища Сталина:

Большевики не против войны, мы не пацифисты, мы за справедливые войны, против захватнических, империалистических.

Армия должна иметь военную идеологию. Мы начали войну, по- существу, не имея военной идеологии. У нас был лозунг: чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка

не отдадим никому. Это, в сущности, оборонческая идеология. Это идеология гражданского лица. Армия должна не только обороняться, она должна наступать, защищать интересы государства всеми способами. Такую идеологию мы создали во время войны. Теперь у нас есть своя военная идеология.

Затем товарищ Сталин сравнивает немецкую военную идеологию с французской:

Немцы создали военную идеологию нападения, идеологию наступательной войны, захвата, идеологию борьбы за мировое господство. Эта идеология им сильно помогала в войне. Но она была односторонней и привела их к краху.

Идеология обороны при одностороннем ее развитии ведет к предпочтению пассивных методов войны, к строительству линий Мажино и т.п. А в войне линия Мажино была расстреляна, не оправдала себя. Одной оборонной войну выиграть нельзя.

Нам нужна идеология готовности не только к обороне, но и к наступлению. Наша армия должна умело защищать любые интересы нашего государства всеми способами. Эти мысли товарищ Сталин в беседе повторил несколько раз.

О взаимодействии родов войск и о подготовке общевойскового командира

Товарищ Сталин лично вписал в приказ в качестве задачи журнала «Военная мысль» «разработку вопросов взаимодействия родов войск и подготовки общевойсковых командиров». При этом он высказал следующие мысли:

Современный бой и современная операция основаны на взаимодействии всех родов войск. Не может ныне один род войск решить все задачи в бою. Общевойсковой начальник должен хорошо знать все рода войск — и артиллерию, и танки, и авиацию, и инженерное дело. Общевойсковой начальник — это не пехотный командир. Это командир, который объединяет и руководит всеми родами войск. И в прошлом все великие полководцы очень внимательно изучали военную технику, инженерное дело. Общевойсковой начальник должен быть хорошо подготовленным в военно-техническом отношении. Он должен уметь правильно и грамотно поставить задачи начальникам родов войск, критически воспринимать их доклады и давать им авторитетные указания и замечания. Товарищ Сталин очень нелестно отозвался о тех круп-

* В публикации записи беседы сохранен стиль изложения автора.

ных военачальниках, которые не разбираются в калибрах артиллерии, для которых авиация — это просто самолеты без различия их технических и тактических особенностей. Товарищ Сталин подчеркнул, что нам нужно создавать, воспитывать общевойскового начальника нового, современного типа. До сих пор наши командиры изучали отдельно тактику, артиллерию, танки, инженерное дело и т.п. Задача заключается в том, чтобы правильно связать эти отрасли подготовки так, чтобы основная подготовка нашего командира проходила как подготовка общевойскового начальника, который на основе крепких знаний всех родов войск способен грамотно и умело организовать их взаимодействие в бою. Товарищ Сталин несколько раз подчеркнул мысль, что общевойсковой начальник должен хорошо знать все рода войск и умело, не формально организовывать их взаимодействие.

О подготовке наших кадров

Самое лучшее, самое важное, чего мы добились в этой войне, — указал товарищ Сталин, — это наша армия, наши кадры. В этой войне мы получили современную армию, и это важнее многих других приобретений. В войне сформировались хорошие кадры, и эти кадры сейчас обладают большим опытом, большой практикой. Нужно помочь им расширить кругозор, нужно подкрепить их теорией, помочь им осмыслить теоретически их большой практический опыт.

О разработке теоретического и практического наследства выдающихся русских полководцев и военных деятелей

Задача расширения кругозора наших кадров товарищ Сталин связал с задачей разработки теоретического наследства наших выдающихся полководцев. Для военных людей, отметил он, является провалом то, что наши офицеры знакомятся с выдающимися русскими полководцами из книг гражданских людей. Почему, — задал он вопрос, — никто из серьезных военных работников не занимается разработкой деятельности таких полководцев, как Петр I, Румянцев, Суворов, Кутузов, Брусилов? Ввиду того, что деятельность этих полководцев у нас по-настоящему еще не разработана, много есть неправильного в их оценке. О Кутузове, например, до сих пор многие говорят и пишут как о полководце, стоящем ниже Суворова, в то время как Кутузов командовал армией большей, чем Суворов, решал неизмеримо более сложные политические и стратегические задачи, успешно вел борьбу с более сильным противником. Теоретическое и практическое значение деятельности Кутузова много глубже и ценней, и стратегия его много умнее, чем составилось мнение в литературе. Нужно разбить ходячее мнение о том, что кутузовская стратегия была пассивной, что он был способен только отступать и хитрить. Стратегия Кутузова была умной, величественной, государственной. Товарищ Сталин оценил Румянцева, Петра I, Суворова и Куту-

зова как основоположников русского военного искусства. Практическое и теоретическое наследие их и Брусилова должно быть глубоко разработано. Для этого нужны серьезные статьи в «Военной мысли», книги и брошюры.

О воспитании наших кадров

У нас хорошие кадры, много героев. Нужно этих героев и дела их показать народу. На делах этих героев нужно воспитывать наших людей. Недостаточно напечатать портрет героя и корреспонденцию о нем в газете, нужно создавать брошюры для солдат и сержантов. Нужно создать библиотечку для них о выдающихся наших офицерах-героях, командирах рот, батальонов и полков, где написать биографии их и описать их боевые дела и боевой опыт. Это должна делать и «Красная звезда». Она должна создавать свою библиотечку. Кадры надо воспитывать — несколько раз подчеркнул товарищ Сталин. Нельзя одними приказами людей кормить. Надо что-нибудь сочное давать. Не нужно излишнего восхваления только. Дела сами за себя будут говорить.

Об изучении опыта войны

Мы получили огромный военный опыт, такой опыт, которого нигде нет. К этому опыту приковано внимание всего мира. Мы сидим на золоте нашего опыта, но порой его лучше и скорее изучают за рубежом. Нужно развернуть глубокое изучение нашего опыта в большом и малом масштабе. На этой работе вокруг нашего журнала «Военная мысль» и газеты «Красная звезда» будут собираться люди, организовываться. Нужно привлечь к изучению опыта внимание наших людей.

Как изучать, описывать опыт? Не заниматься восхвалениями, критически разбирать операции. Дела сами за себя будут говорить. Подхалимов подалеже держать от этой работы.

Историко-архивный отдел Генерального штаба ВС РФ. Ф. 19. Оп. 653. Д. 1. С. 86—89.

От армии 1941-го — к армии 1945 года

РЕЖДЕ всего обращает на себя внимание такое поражающее воображение обстоятельство: идет война, проводится крупнейшая Висло-Одерская стратегическая наступательная операция, возникают не только сложные оперативно-стратегические проблемы на фронтах, трудности в организации взаимодействия с союзными армиями, но и многие политико-дипломатические задачи, касающиеся послевоенного устройства Европы; в предсмертной агонии пребывает гитлеровская верхушка, стремясь склонить западных союзников СССР к сепаратному миру, и многое другое. Необходимо было проводить работу по мобилизации усилий народа и армии для окончательного решительного разгрома врага в его собственном логове. С учетом сказанного нетрудно себе представить огромную занятость руководителя страны, сосредоточившего в своих руках все нити ее политической, социально-

экономической жизни, а также все рычаги стратегического руководства Вооруженными силами.

И вот, несмотря на это, в столь непростых условиях Верховный Главнокомандующий, Наркомат обороны, Генеральный штаб не поглощены, оказывается, всецело текущей оперативной работой, а заглядывают уже далеко вперед, думают о будущей военной идеологии, необходимости обобщения и освоения богатейшего опыта еще идущей тяжелой войны, о подготовке военных кадров в послевоенное время в соответствии с выявленными новыми требованиями. В частности, Генштаб представил наркому обороны И.В. Сталину проект приказа о задачах журналов «Военная мысль» и «Военный вестник», а тот посчитал нужным не просто его формально рассмотреть и подписать, но обстоятельно побеседовать с их ответственными редакторами, поразмышлять вместе с ними о назревших проблемах, дать необходимые в новых условиях советы и рекомендации.

Нет надобности идеализировать И.В. Сталина, далеко не во всем с ним можно ныне согласиться. И вообще, как представляется, к подобным неоднозначным историческим личностям следует и относиться неоднозначно, по-разному: за что-то их можно и нужно порицать, но есть и чему поучиться. В частности, ради объективности, нельзя не обратить внимание на глубину и емкость высказанных Сталиным в приводимой выше беседе мыслей, на четкость и лаконичность их формулирования. Из вопросов, которые им затрагивались, наибольшую актуальность в наше время сохраняют проблемы военной идеологии, изучения боевого опыта, подготовки общевойскового командира, освоения наследия выдающихся полководцев.

Особого внимания заслуживает тезис И.В. Сталина о том, что «самое лучшее, самое важное, чего мы добились в этой войне, — это наша армия, наши кадры. В этой войне мы получили современную армию, и это важнее многих других приобретений» (подчеркнуто мною. — М.Г.). И сказанное им не является большим преувеличением. Безусловно, Победа достигнута усилиями всего советского народа. Но судьба Отечества, быть или не быть ему решалась все же на полях сражений. И в реализации усилий народа, экономических и духовных возможностей страны решающую роль сыграли воины армии и флота, прежде всего офицерские кадры.

К концу войны Советские Вооруженные Силы обладали такой несокрушимой мощью, таким военным профессионализмом, были настолько слаженным во всех отношениях организмом, что никто им противостоять в Европе уже не мог. В связи с этим возникает один из самых глубинных и сокровенных вопросов военной истории. Чем же наша армия 1941 года, терпевшая тяжелые поражения в начале войны, отличалась от армии 1945-го, уверенно и блистательно завершившей войну?

Люди (солдаты, офицеры) летом 1941 года формально были даже лучше (по возрасту, физическим данным, общей военной подготовке), вооружение за время войны, конечно,

качественно изменилось, но не столь существенно, не было особенной ломки и организационной структуры армии, системы военного управления (кроме ВВС и организации Ставки ВГК), да и в отношении некоторых других параметров. И в целом, с точки зрения потенциальных возможностей (боевой выучки личного состава и его укомплектованности, вооружения и иных показателей), боеспособность Красной армии к началу войны была выше, чем ее непосредственная боевая готовность к отражению вражеской агрессии. Из-за известных просчетов политического руководства и высшего военного командования войска к началу нападения противника не были приведены в полную боевую готовность, их оперативное развертывание не завершено, дивизии первого эшелона в большинстве своем не успели занять предназначенных оборонительных рубежей. Поэтому они оказались в тяжелейшем положении и не смогли в полной мере реализовать свои боевые возможности. Уже к осени 1941 года была потеряна основная часть кадровой армии, и ее пришлось воссоздавать в ходе военных действий. Тем более значим качественный скачок боеспособности советских войск, совершенный за годы войны.

ЧТО ЖЕ превратило армию 1941 года в армию 1945-го? Коренные качественные изменения произошли прежде всего внутри ее. Война встряхнула все общество, всех людей, и военных и гражданских, заставила совсем другими глазами взглянуть на судьбу страны и свои задачи по защите Отечества. Она вынудила всех, начиная от Верховного Главнокомандующего и кончая солдатом, стряхнуть с себя благодушие, привычки и настроения мирного времени, мобилизовать до предела имевшиеся возможности, оттачивать свое управленческое и боевое мастерство.

Обстановка военного времени не прощала формализма, ошибок и просчетов. Она сурово наказывала за любые упущения, особенно на полях сражений, будь то в ведении разведки, огневом поражении противника, обеспечении войск всем необходимым. Отодвигала в сторону все надуманное, нежизненное, все артикулы, установления партократов и чиновников типа Л.З. Мехлиса¹. В частности, со всей наглядностью выявилось, что в определенной мере нужны и контроль, и догляд «сверху», но не может быть никакого эффективного управления без доверия к людям. Война вынудила ограничить существовавший беспредел и в этой области.

Непрерывная и напряженная вооруженная борьба на фронтах обогащала боевым опытом, закаляла военные кадры, делала их более стойкими, мудрыми и уверенными в своих силах, заставляла овладевать еще непостижимыми в 1941 году секретами воинского мастерства. Видимо, и в начале войны не было командира, который бы теоретически не знал о необходимости сосредоточения основных усилий на решающих направлениях, ведения непрерывной разведки и надежного огневого поражения противника. Но потре-

бывались большие жертвы и усилия, прошло немало времени, пока большинство командиров овладели искусством практического осуществления этих канонов военной науки. Со всей беспощадностью война показала, какая огромная дистанция между знанием теории и практическим овладением военным искусством. Достаточно напомнить и о том, что глубинная суть стратегической обороны не была уяснена и на самом «верху» не только в 1941-м, но и в 1942 году. Лишь при подготовке к Курской битве в 1943 году ее удалось до конца постичь. Немало было и других таких проблем, с которыми пришлось столкнуться и научиться решать их во время войны. Вот ведь как трудно раскрываются на практике таинства военного искусства.

Мужество и самоотверженный труд народа под лозунгом: «Все для фронта! Все для победы!» укрепляли армию не только все более совершенным оружием, материальными ресурсами, но и особой духовной силой. И помощь по ленд-лизу принесла свою пользу, особенно поставка сотен тысяч высокопроизводительных автомобилей, которые сделали советскую артиллерию и в целом войска более маневренными.

В мирное время 3—4-суточное учение считается большим событием и, конечно, многое дает для повышения боевой выучки и боевого слаживания соединений и частей. А здесь четыре года (1418 суток) непрерывной учебы, и не просто в условиях, «приблизженных к боевым», а действительно в боевых. Командиры, штабы и войска не только получали боевую практику, но и на протяжении всей войны в перерывах между боями занимались напряженной боевой подготовкой. Перед каждым боем и операцией соединения и части многократно тренировались в выполнении боевых задач, воссоздавая соответствующую оборону противника на местности, схожей с той, на которой предстояло действовать.

В О ВРЕМЯ войны все было отлажено и доведено до совершенства. Приведу маленький пример. Кто был на учениях, не мог не заметить, например, сколько бывает суеты и беготни, чтобы переместить на новое место командный или передовой командный пункт. Во второй половине войны командир дивизии, иногда не говоря ни слова, показывал начальнику оперативного отделения только точку на карте, в которую следует переместить тот или иной пункт управления. И уже без особых указаний заранее назначенные для этого оператор, разведчик, связист, сапер знали, на какой машине ехать, что взять с собой и как все подготовить на новом месте. И такая слаженность в действиях была во всех делах и во всех звеньях — от Ставки до подразделения. Все действия, функциональные обязанности каждого воина отрабатывались до автоматизма. Это обеспечивало высокую организованность, взаимопонимание и слаженность управления.

Разумеется, в мирное время невозможно постоянно с таким напряжением заниматься боевой выучкой, как во время войны. Вместе

с тем, не получая длительное время боевой практики, любая армия постепенно «закисает», механизмы ее функционирования начинают ржаветь. Германия во второй половине 1930-х годов постоянно «обкатывала» свою армию в различного рода вооруженных конфликтах и кампаниях, и до нападения на СССР она в течение двух лет участвовала в тех или иных военных действиях. Одним из подспудных мотивов затеянной И.В. Сталиным Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. также было стремление испытать свою армию в боевом деле. И многие послевоенные локальные войны и вооруженные конфликты, развязанные США и другими государствами, в том числе последняя военная акция Израиля в Ливане, имели помимо прочего ту же цель — дать органам управления и войскам боевую практику и испытать новые образцы вооружения.

Для того чтобы армия была и в мирное время в боеготовом состоянии, необходимо учения и тренировки проводить не только с соединениями и частями, но и с органами управления стратегического и оперативного звена. До Великой Отечественной войны почему-то считалось, что командир роты или батальона должен систематически тренироваться в управлении подразделениями, а в стратегическом звене это делать не обязательно. В результате именно органы оперативно-стратегического звена оказались наименее слаженными и подготовленными к решению возложенных на них задач с началом войны. Это существенно снизило боевые возможности Советских Вооруженных Сил в целом.

В свете этого очень важно и в мирное время ответственно относиться к каждому занятию и учению, максимально приближать их к боевым условиям. Следует сказать, что в первые послевоенные годы, особенно в период, когда министром обороны был Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, сохранялось еще весьма строгое отношение к подготовке организации учений. Проводились они в очень разнообразной и требовательной обстановке. Достаточно сказать, что после каждого фронтового учения по его итогам издавался приказ министра обороны, нередко не справившиеся со своими задачами и обязанностями лица отстранялись от должности, получали строгие взыскания. Все еще помнили, как тяжело на войне приходилось расплачиваться за малейшие упущения, и считалось большим грехом не вскрывать и не пресекать их.

В этом отношении характерны два эпизода, о которых рассказал Маршал Советского Союза И.С. Конев на разборе учения в Закавказском военном округе. Перед войной, будучи командующим войсками Северо-Кавказского военного округа, он проводил командно-штабное учение с 19-й армией, и в это время старшие начальники вызвали его к правительственному телефону. Иван Степанович прибыл с запозданием и получил за это серьезное внушение. Некоторые чиновники считали: «Какие там учения, когда вызывает Москва». В послевоенный период, когда И.С. Ко-

нев как главнокомандующий Сухопутными войсками руководил командно-штабным учением с Закавказским военным округом, позвонил И.В. Сталин. Оперативный дежурный доложил, что маршал Конев на учении. Сталин сказал: «Хорошо, не отрывайте т. Конева от этого важного дела, пусть он мне позвонит, когда у него будет возможность для этого». Вот так война сурово учила и меняла людей, в том числе их отношение к боевой учебе, даже на самом высоком уровне. В связи с этим приходится задуматься: неужели нужна еще одна война, чтобы руководителями всех уровней, особенно высшего, вновь уяснили роль и значение офицерских кадров в жизни государства, поняли, что главное предназначение армии, вообще военных людей — непрестанная подготовка к выполнению боевых задач. Если этого нет, армия теряет смысл своего существования. Как писал К.М. Симонов в романе «Товарищи по оружию»: «Для... военного человека война была экзаменом, который неизвестно когда состоится, но к которому надо готовиться всю жизнь»².

РАЗУМЕЕТСЯ, военные действия, боевая практика совершенствовали боевую выучку не только советских войск, но и противника, боеспособность которого к концу войны значительно снизилась. Противоборствующие стороны перенимали опыт друг у друга. И в этом процессе решающую роль сыграли такие факторы, как справедливые цели войны Союза ССР, завоевание его Вооруженными Силами стратегической инициативы и господства в воздухе и в целом преимущества советской военной науки и военного искусства. Например, в Красной армии была выработана более совершенная, чем в вермахте, система огневого поражения, осуществлявшегося в виде артиллерийского и авиационного наступления. В немецких дивизиях было примерно в 1,5 раза больше артиллерии, чем в советских. Но наличие в распоряжении Ставки мощной артиллерии резерва ВГК и маневр ею на решающие участки фронта способствовали тому, что с советской стороны постоянно участвовало в активных боевых действиях до 55—60 проц. всей артиллерии, в то время как в германских войсках — около 40 проц. Зародившись в Битве под Москвой, уже под Курском была доведена до совершенства эффективная система противотанковой и противовоздушной обороны. Понесшие большие потери соединения германское командование обычно расформировывало и создавало новые, что затрудняло их сколачивание. В Красной армии нередко сохранялись и вели боевые действия дивизии численностью 3000—5000 человек. Поэтому соответствующих войсковых организмов у нас было больше, чем у немцев. Но при сохранении костяка имеющего боевой опыт личного состава, особенно офицерского в дивизионном, полковом, а во второй половине войны и в батальонном звеньях, легче было доукомплектовывать их и вводить пополнение в боевой строй.

Немало было и других подобных организационных и оперативно-тактических нов-

шеств, приемов, которые приумножали боевую мощь Красной армии и делали ее военное искусство более эффективным.

Советское командование в период Великой Отечественной войны придавало большое значение своевременному обобщению и доведению до войск боевого опыта. Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб, Главное политическое управление, Наркомат Военно-Морского Флота, командование и штабы видов Вооруженных Сил и родов войск, объединений и соединений были не только органами практического руководства войсками, но и основными центрами развития военно-теоретической мысли. Успешные военные действия были немыслимы без творческой работы по подготовке новых уставов, инструкций и наставлений, обобщающих все передовое, появившееся в военном деле в ходе войны. С этой целью в Генеральном штабе было создано Управление по использованию опыта войны, в штабах фронтов и армий — соответственно отделы и отделения. Этими структурами, например, только в 1944 году были разработаны и переработаны Полевой и Боевой уставы пехоты, Руководство по форсированию рек, Руководство по действиям войск в горах, Наставление по прорыву позиционной обороны и другие. Всего же за 1943—1944 гг. издано вновь 30 уставов, наставлений и инструкций, связанных с ведением боевых действий и подготовкой войск.

Обращают на себя внимание конкретность и предметность военно-научных исследований, строгая подчиненность их интересам успешного ведения вооруженной борьбы на фронтах. В то время как армия Германии, не смотря на значительное несоответствие довоенных уставов опыту Второй мировой войны, особенно после нападения на Советский Союз, не переработала в ходе военных действий почти ни одного устава, хотя и вела их в течение шести лет. По захваченным трофейным документам, показавшим пленным офицеров и генералов вермахта установлено, что анализ и обобщение боевого опыта в немецко-фашистской армии велись лишь путем издания отдельных памяток и директив. Многие гитлеровские генералы в своих мемуарах называют одной из причин поражения то, что они и на Востоке воевали по тем же уставным документам, как и на Западе.

ВОЙНА еще раз подтвердила: даже хорошо разработанная теория сама по себе мало что дает, если ею не овладевают кадры. Для успеха требуются развитое оперативно-стратегическое мышление, целый ряд организаторских и волевых качеств, без которых нельзя проявить высокий уровень военного искусства. Неслучайно И.В. Сталин организаторские способности командного состава относил к постоянно действующим факторам, решающим исход войны.

Но и все сказанное выше далеко не полно отвечает на вопрос: откуда взялся феномен всесокрушающей победоносной армии к концу войны? Над этим таинством есть надобность задуматься более основательно,

особенно когда затеваются всякого рода реорганизации и реформы. Главный урок в этой области состоит в том, что всякие внешне эффективные преобразования, если они касаются только поверхностных сторон войсковой жизни и не затрагивают внутренних пружин функционирования армейского организма, не меняют суть существующей системы, то эти преобразования мало что дают для улучшения качественных параметров боеготовности и боевой готовности Вооруженных сил.

И.В. Сталин в ходе беседы говорил как об особо важной задаче о взаимодействии родов войск и подготовке общевойскового командира, способного объединять в своих руках усилия всех родов войск. Конечно, в наше время в общевойсковых училищах готовят уже не пехотного командира (он овладевает там и танками, и артиллерией, и саперным делом), но проблема, например, хорошо отлаженного взаимодействия с авиацией в общевойсковом бою и сегодня остается не до конца решенной. Есть и другие подобного рода вопросы.

Не теряют своего значения и суждения советского лидера о необходимости освоения офицерами военного наследия выдающихся полководцев прошлого и вообще об обобщении и изучении опыта войн. Существует в том числе еще непочтатый край работы по исследованию опыта войн в Афганистане, Чечне, в других локальных войнах и вооруженных конфликтах послевоенного периода. Беседу свою он заканчивает вопросом: как изучать и описывать опыт? И дает совет: «Не заниматься восхвалениями, критически разбирать операции. Дела сами за себя будут говорить. Подхалимов подальше держать от этой работы». Последнее пожелание труднее всего воплощается в военно-исторической работе, и не только в советское время. Ложь и фальсификации истории Великой Отечественной войны, дискредитация Победы в ней стали обычным делом в неолиберальной печати, на телевидении и в других СМИ. Этому особо удивляться не приходится: мировой закулисой поставлена задача — унижить достоинство России, в том числе и историческое, и люди, призванные сделать это, исправно отработывают свой хлеб. Но и печать, причисляющая себя к патриотической когорте, не всегда занимает правильную и принципиальную позицию. Например, сам И.В. Сталин после войны довольно самокритично отмечал, что у советского правительства в годы войны имелось немало ошибок, были моменты отчаянного положения. Но в той же «патриотической» печати об этом сегодня невозможно сказать. Вас могут даже оскорбить.

В ПОСЛЕДНИЕ годы выходит много разных книг о минувшей войне, формально плюрализм, казалось бы, беспредельный. Но антироссийские писания издаются и распространяются огромными тиражами, а для правдивых, честных книг эти возможности крайне ограничены.

С точки зрения содержательной направленности военно-исторической литературы (даже некоторых серьезных исследований)

больше всего губит дело чрезмерная ангажированность авторов, которые не считаются ни с какой объективной действительностью, ни с какими фактами, аргументами и доказательствами. Обычно в рамках заранее заданных схем, версий из всего многообразия фактов, суждений, высказываний выбираются только те, что подтверждают точку зрения авторов, а все остальные, в том числе опровергающие их суждения, не только не анализируются и не сопоставляются, но даже не упоминаются, они просто отбрасываются.

У одних авторов И.В. Сталин все делал только правильно и никаких огрехов и ошибок в его деятельности не было. Во всем, в том числе в событиях 1941 года, виноваты С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, Д.Г. Павлов и другие должностные лица. Последние объявляются даже чуть ли не предателями и изменниками. Хотя, очевидно, есть за что критиковать и Сталина. И нельзя огульно отвергать любые замечания по поводу его деятельности. Как уже говорилось выше, после войны И.В. Сталин по достоинству оценил значение военных кадров, многое сделал для повышения авторитета офицеров и их жизненного уровня. Но нельзя забывать и о том, как бесцеремонно и жестоко обошлись с командными кадрами перед войной.

Другие авторы, наоборот, во всем клянут сталинизм и не видят ничего светлого в деятельности И.В. Сталина или Г.К. Жукова. Утверждают, что народ одержал Победу вопреки сталинскому руководству. Народ, который потерпел поражение в Крымской, Русско-японской, в Первой мировой войнах, вдруг сумел победить в 1945 году? Так не бывает: каким бы героическим и самоотверженным ни был народ, без твердого и умелого руководства он не то что одержать победу (и какую!), элементарно организованно действовать не сможет. Тем более, что, как известно, вопреки Сталину ничего невозможно было сделать, без его ведома ни один мало-мальски серьезный вопрос нельзя было решить.

Подобные архиангажированные опусы не имеют ничего общего с исторической наукой. Они больше напоминают околоисторическое баловство, причем далеко не безвредное.

Любые исторические события или личности, в том числе и периода Великой Отечественной войны, должны изучаться во всей их противоречивой сложности, а последние, кроме того, строго измеряться меркой и 1941, и 1945 года.

Как писал К. Симонов в стихотворении «Зима сорок первого года»:

*Не чтобы ославить кого-то,
А чтобы изведать до дна,
Зима сорок первого года
Нам верно меркой дана.
Пожалуй, и ныне полезно,
Не выпустив память из рук,
Той меркой, прямой и железной,
Проверить кого-нибудь вдруг.*

О ПЫТ Великой Отечественной войны, локальных войн, в которых участвовало старшее поколение, нужно изучать и осваивать сугубо критически, творчески, с учетом современных условий, объективно

вскрывая ошибки прошлого. Без этого невозможно извлечь из опыта войн должных уроков, необходимых в современных условиях.

Вообще востребованность новых идей, достижений военной науки и внедрение их в практическую деятельность — это один из главных уроков из прошлого и наиболее острая проблема нашего времени. И в этом деле и сегодня важную роль призвана играть военная печать. После Великой Отечественной войны многие военачальники, а также историки сокрушались по поводу того, что в СССР неправильно предвидели ее начальный период. Но в 1940 году по опыту начавшейся Второй мировой войны профессор Г.С. Иссерсон издал книгу «Новые формы борьбы», где убедительно показал, что этот период будет иным, чем в 1914 году, обрисовал некоторые его характерные черты. Был и ряд других исследований по этой проблеме. Однако эти взгляды не были замечены и восприняты.

Как сделать, чтобы такое не повторилось? В настоящее время для руководителей, особенно высшего звена, важно быть не только ближе к науке, а стоять во главе научных изысканий, быть более доступными в общении с людьми, военными учеными, не спешить отвергать новые идеи. В свое время программу военной реформы, возглавлявшейся М.В. Фрунзе, обсуждала вся Красная армия. Нужен более широкий фронт военного творчества и сегодня.

Только на такой добротной, жизненной основе можно создать рассчитанную на длительный срок военную идеологию и военную доктрину, которые не только должны быть выработаны и внедрены сверху, их должен воспринять весь личный состав армии и флота и осознанно проводить в жизнь как свое кровное дело.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Мехлис Лев Захарович** (1889—1953) — генерал-полковник (1944). В 1937—1940 гг. — начальник Политуправления РККА (с июня 1940 г. — Главное управление политпропаганды), с 1940 по 1946 г. — нарком Госконтроля СССР и заместитель председателя СНК СССР. В Великую Отечественную войну, с июня 1941 г., — одновременно начальник Главного политуправления РККА и заместитель наркома обороны СССР. В мае 1942 г., являясь представителем Ставки ВГК на Крымском фронте, не сумел обеспечить организацию устойчивой обороны, за что был освобожден от занимаемых военных должностей и снижен в воинском звании до корпусного комиссара. Как политического и военного руководителя Мехлиса отличали прямолинейность и неразборчивость в выборе стиля и методов работы. В 1942—1945 гг. — член военного совета армии, а затем ряда фронтов. В августе 1945 — марте 1946 г. — член военного совета ПрикВО. В 1946—1950 гг. — министр Госконтроля СССР.

² См.: *Симонов К.М.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 3. С. 239.

Генерал армии М.А. ГАРЕЕВ

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Адмирал Ф.Ф. Ушаков — подвижник православной веры

ОЧИТАЕМЫЕ на Руси архистратиг архангел Михаил, святые: благоверный великий князь Александр Невский, Георгий Победоносец, Святитель Спиридон Тримифунтский были символом веры, духовной чистоты. Таковым стал и Федор Ушаков. Традиция прославления защитников и поборников православия продолжается и в наши дни.

Канонизация воина, защитника, благотворителя — адмирала Ушакова как итог его жития и деяний во благо Отечества состоялась в Санаксарском монастыре Саранской епархии и стала торжеством и для Военно-морского флота России. Сохранилось свидетельство настоятеля монастыря иеромонаха Нафанаила: «Адмирал Ушаков, сосед и знаменитый благотворитель Санаксарской обители, по прибытии своем из Санкт-Петербурга вел жизнь в собственном своем доме, в деревне Алексеевка, расстоянием от монастыря через лес версты три, который по воскресениям и праздничным дням приезжал для богомоля в монастырь к службам Божиим во всякое время. В Великий пост жывал в монастыре, в келье для своего лощения и приготовления к святым тайнам по целой седмице и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неупустительно и слушал благоговейно».

В 1944 году, при вскрытии могилы адмирала Ушакова останки флотоводца оказались нетленными. После возвращения Санаксарского монастыря Русской Православной Церкви, по словам его наместника архимандрита Варнавы, почитание святого праведника год от года возрастало. На его могиле постоянно служились панихиды.

Благодарная память о ратных деяниях человека, явившего образец служения воинскому долгу и подлинного патриотизма, пронесена русским народом через века. Адмирал Ушаков никогда не принимал монашеских обетов, но дух его был поистине монашеским. Поэтому и упокоил его Господь в стенах святой обители, воссозданной трудами его родного дяди, преподобного старца Феодора Санаксарского.

С тех пор День памяти праведного воина отмечается в Саранской епархии в день его кончины — 15 октября, а День прославления — 5 августа по новому стилю.

Частицы мощей святого адмирала Ушакова переданы на Балтийский флот. Движение православной веры происходило при передаче частиц святынь мощей и иконы святого воина адмирала Федора Ушакова в православные храмы и на все флоты России: Балтийский, Северный, Черноморский, Тихоокеанский, Каспийскую военную флотилию. Службы в честь православного святого воина адмирала Федора Ушакова проходят сегодня не только в России, но и на Украине, в Белоруссии, странах Прибалтики и других странах мира.

Федор Федорович Ушаков стал по праву общепризнанным святым православной веры. Святой воин адмирал Ушаков — это наш духовный наставник, покровитель, заступник, который должен быть близок сердцу каждого человека, для которого святые ушаковские слова: «Не отчаивайтесь, сии грозные бури обратятся к славе России!». Эти слова — напутствие, благословение Святого воина адмирала Ушакова на праведные дела во благо Родины!

*В.Н. РАССОХО-АНОХИНА,
кинорежиссер, генеральный директор ОАО «Морская
документальная видеостудия»*

«ПОЛОЖИТЬ ВСЕ СИЛЫ НА ТО, ЧТОБЫ БЕЗУМНЫЙ И ОПАСНЫЙ ВРАГ БЫЛ УНИЧТОЖЕН»

НАКАНУНЕ войны Академия наук СССР (АН СССР) в своем составе имела 118 действительных членов и 5 почетных, 182 члена-корреспондента и 4700 научных и научно-технических сотрудников. В АН СССР входило 76 институтов, из них 47 центральных и 29 при филиалах, 11 самостоятельных лабораторий, 42 сейсмологических, биологических и других станций, 6 обсерваторий¹.

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР (СНК СССР) был образован Государственный Комитет Оборонной (ГКО), который осуществлял высшее руководство, в том числе и всеми ключевыми направлениями академической науки, военной экономики и гражданского хозяйства. Эта жесткая централизация в чрезвычайной обстановке сыграла неоценимую роль в перестройке страны на военный лад. За годы войны ГКО принял 9971 решение, имевшее силу закона². В целях максимальной концентрации усилий специалистов на разработке проблем оборонного характера решением ГКО от 10 июля 1941 года был создан Научно-технический совет, обладавший огромными возможностями для привлечения исследовательских учреждений и вузов к разработке тем, продиктованных потребностями фронта и тыла³. Его председателем утвердили уполномоченного ГКО по науке С.В. Кафтanova. Для более тесного сотрудничества отраслей народного хозяйства с наукой ряд ведущих ученых был выдвинут на высокие государственные посты. Так, заместителем наркома черной металлургии назначили академика И.П. Бардина, заместителем наркома электростанций — академика Б.Е. Веденеева.

Академическая наука в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

НА ВТОРОЙ день войны В.Л. Комаровым — президентом АН СССР — была создана Академия наук и ее работа переориентирована на оборону⁴. Обращение советских академиков к ученым всего мира, напечатанное в «Правде» 29 июня 1941 года, гласило: «В эти дни, когда по вине фашистских правителей земля заливается все новыми потоками человеческой крови, Академия наук СССР обращается ко всем ученым мира, ко всем друзьям науки и прогресса с призывом сплотить все силы для защиты человеческой культуры от гитлеровских варваров... Фашизм — злейший враг культуры и науки. Фашизм — это перманентная война. ...Все, кому дорого культурное наследие тысячелетий, для кого священны высокие идеалы науки и гуманизма, должны положить все силы на то, чтобы безумный и опасный враг был уничтожен»⁵. Этот документ подписали академики В.Л. Комаров, А.Н. Бах, А.А. Богомолец, Н.Н. Бурденко, В.И. Вернадский, Н.Ф. Гамалея, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, Т.Д. Лысенко, В.А. Обручев, И.А. Орбели и др.

С началом войны СНК СССР постановлением от 29 июня 1941 года сократил расходы по государственному бюджету РСФСР и балансам доходов и расходов хозяйственных организаций РСФСР на 1941 год, в том числе и по Наркомпросу, но в то же время, насколько

это было возможно, поддерживал научные начинания и деятельность научных учреждений⁶. СНК СССР разрешил в пределах штатов, утвержденных для центрального аппарата Наркомпроса РСФСР на 1941 год, создать бюро по изобретательству в составе двух человек в самом центральном аппарате (23 июня 1941 г.)⁷.

ГКО, Наркомат обороны СССР и различные военные ведомства поставили перед учеными ряд неотложных научных задач. В августе—сентябре 1941 года в Академии наук после консультаций с военными и другими ведомствами выделили 200 крупных проблем, связанных с обороной. По заданию Госплана СССР в планы научных работ АН СССР были включены темы по удовлетворению первоочередных потребностей фронта, а также несекретные темы в интересах военного производства в области авиации, артиллерии, инженерного дела, связи, морского флота⁸. Самыми важными составляющими плана на 1943 год стали разработка методов радионавигации, схем автоматизированного управления военными машинами и механизмами, теории взрыва и брони, вопросы улучшения качества бомбометания с самолетов и стрельбы из артиллерий, видения в темноте. Важное место отводилось темам, связанным с расширением базы горючего и смазочных материалов и новыми методами определения свойств

бензинов. Раздел военной химии предусматривал получение новых химических веществ и разработку средств химической защиты (фильтры, дегазаторы).

Наряду с этим разрабатывались проблемы изыскания недефицитных заменителей сырья для производства пороха и взрывчатых веществ. Деятельность АН СССР в несекретной части плана была связана с обеспечением бесперебойного снабжения сырьем промышленности⁹. С этой целью велось изучение сырьевых ресурсов восточных районов страны, действовала, в частности, комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны¹⁰. Правительством и учеными уделялось большое внимание вопросам урожайности, плодородия почв, расширения пищевых запасов. Не менее важными стали медико-санитарное обслуживание, разработка новых технологических процессов, исследования в области службы широты и времени, теории чисел и др.

С начала Великой Отечественной войны главное внимание уделялось районам «второго Баку» — Урала, Казахстана, Алтая¹¹. В связи с изменением размещения важнейших промышленных центров выявилась потребность в повышении производительности и развитии энергетической базы восточных районов¹². 21 мая 1943 года АН СССР направила запрос в ЦК ВКП(б): «В целях более успешного развития народного хозяйства Западной Сибири, мобилизации науки и техники на службу обороны страны, изучения и использования богатейших ресурсов назрела настоятельная необходимость создания единого научного центра Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР»¹³.

Опыт показал, что создание филиалов (Уральский, Казахстанский, Грузинский)

Академии наук стимулировало исследовательскую работу, рост научно-технических кадров и изучение естественных богатств соответствующих районов¹⁴. Созданный в Западной Сибири филиал Академии наук направлял движение научного и хозяйственного роста региона. Филиал организовывался по разделам: геолого-географический (70 специалистов только в Томске, из них 14 докторов наук); физико-технический (база — Томский физтех); медико-биологический (Томский и Новосибирский медицинские институты)¹⁵.

УЗБЕКСКИЙ филиал АН СССР был создан в 1940 году. На его базе постановлением СНК СССР в августе 1943 года организована Академия наук Узбекской ССР¹⁶. Башкирский обком ВКП(б) и СНК БАССР обратились в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с просьбой об организации Башкирского филиала Академии наук с местонахождением его в г. Уфе. Однако в 1943 году АН СССР этот запрос не поддержала. Проектировался филиал АН СССР в Казани без ограничения его деятельности в рамках Татарской АССР. Постановлением СНК этот средневожский филиал был организован в 1943 году¹⁷.

СССР ходатайство поддержали. Тогда заведующий отделом науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) передал документы на утверждение секретарю ЦК Г.М. Маленкову¹⁹. Таковой являлась схема принятия решений об образовании филиалов АН СССР.

В годы войны условия, в которых работала академическая наука, оставались сложными. Большинство научных учреждений находилось в эвакуации (июль—октябрь 1941 г.). Президиум АН СССР во главе с его президентом в 1941—1942 гг. работал в г. Свердловске²⁰. Для руководства группами учреждений Президиум назначил ответственных уполномоченных академиков: в Казани — А.Ф. Иоффе, Л.А. Орбели; во Фрунзе — А.А. Борисяка; в Алма-Ате — В.Г. Фесенкова, И.И. Мещанинова; в Ташкенте — Б.Д. Грекова (до мая 1943 г.), В.Ф. Шишмарева²¹. На 1 января 1943 года учреждения АН СССР разместились в 12 городах Союза — Москве, Ленинграде, Казани, Елабуге, Свердловске, Миассе, Ульяновске, Ташкенте, Алма-Ате, Фрунзе, Пржевальске, Красноярске, но уже к четвертому кварталу того же года закончилась реэвакуация²².

К НАЧАЛУ 1942 года 35 научно-исследовательских учреждений и около 4000 научных сотрудников, 228 академиков и членов-корреспондентов АН СССР разместились в 45 пунктах, где создавались условия для комплексного решения оборонных проблем

О создании северокавказского филиала АН СССР ходатайствовали секретарь Североосетинского обкома ВКП(б), председатель СНК Северо-Осетинской АССР¹⁸. Председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С.В. Кафтанов и Президиум АН

27 декабря 1941 года на записке НКВД, подписанной Л.П. Берией и направленной на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова «О материально-бытовом положении эвакуированных академиков» последний написал: «Надо активно помочь академикам»²³. В марте 1942

года вновь обсуждался вопрос питания работников Академии наук в эвакуации. О неудовлетворительных жилищных условиях писали в правительство академики И.А. Орбели, А.Ф. Иоффе, непреходящий секретарь Академии наук Н.Г. Бруевич²⁴. В апреле 1942 года академики

мики и права); А.Е. Корнейчук (отделение русского языка и литературы); В.П. Потемкин, С.В. Бахрушин, В.И. Пичета (отделение истории), так и представители естественно-технического цикла наук: И.В. Курчатов, С.А. Христианович (физика); А.Н. Несмеянов (хи-

искусств, организовывался ряд новых лабораторий, в том числе лаборатория озераведения в Ленинграде с сохранением при ней Байкальской лимнологической станции, лаборатория вулканологии в Москве с сохранением при ней Камчатской вулканической станции. Новым научным учреждениям предоставлялись необходимые площади³¹.

В ГОДЫ войны продолжалась и издательская деятельность АН СССР. В 1943 году вышли в свет труды общим объемом более 1276 авторских листов (84,5 проц. годового плана по названиям и 80 проц. по объему), издавались 33 научных журнала

Е.А. Чудаков, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, Н.Н. Семенов и другие представили в правительство записку о сложностях проживания, недостатках снабжения и питания ученых в Казани (600 человек). Принятое правительством решение предписывало обеспечивать представителей академической науки по нормам для рабочих промышленности, транспорта и связи (т.е. по максимальным нормам), наладить их питание в закрытых столовых²⁵.

Летом 1942 года обсуждался вопрос о повышении оплаты труда ученых, в результате было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении оплаты труда работникам науки», которое распространялось и на не имеющих степеней работников высшего образования²⁶. Отметим, однако, что наряду с этим наблюдалось достаточно небрежное отношение к просьбам по поводу работы ряда зарубежных ученых в Советском Союзе²⁷.

Структура и организация аппарата Президиума АН СССР были упрощены в соответствии с требованиями военного времени²⁸.

В марте 1943 года прошли довыборы в Академию наук. Среди кандидатов были как гуманитарии: И.А. Вознесенский (отделение эконо-

мия); М.М. Дубинин, Д.С. Белянкин, Н.С. Шатский (геология); В.В. Шулейкин (создатель школы физики моря); А.А. Благоврахов (техника) и др.²⁹

В 1944 году заместителю председателя СНК СССР А.Я. Вышинскому сообщалось, что в военное время в сети учреждений АН СССР произошли изменения: «Некоторые комиссии прекратили свою работу, некоторые учреждения развились настолько, что превратились в НИИ. Часть лабораторий нуждается в их выделении из институтов в самостоятельные лаборатории»³⁰. Постановлением СНК СССР «О изменениях в структуре учреждений АН СССР», принятым 3 июня 1944 года и подписанным заместителем председателя СНК СССР В.М. Молотовым, учреждались Институт русского языка, Институт леса, Институт

О НЕОБХОДИМОСТИ основания Академии медицинских наук (АМН) академик Н.Н. Бурденко писал В.М. Молотову в 1944 году³². Он ссылаясь на опыт организации подобных академий за рубежом (Париж, Мадрид, Нью-Йорк). Предлагалась структура АМН, прилагались заключение Наркомздрава о целесообразности учреждения АМН и записка АН СССР с одобрением проекта³³. Проект постановления СНК о создании АМН завершил лично И.В. Сталин, а окончательно вопрос об учреждении АМН был решен постановлением СНК СССР от 30 июня 1944 года³⁴.

И.В. Сталин в телеграмме президенту АН СССР В.Л. Комарову 24 марта 1942 года писал: «Я выражаю уверенность, что, несмотря на трудные условия военного времени, научная деятельность академии будет развиваться в ногу с возросшими требованиями страны и Президиум АН под вашим руководством сделает все необходимое для осуществления стоящих перед академией задач»³⁵. Так и произошло.

Благодаря эвакуации правительству удалось в основ-

В ГОДЫ Великой Отечественной войны изменилось отношение к ученым, инженерам, техникам, преподавателям со стороны государственных структур: из собственнического и потребительского оно переросло в политику сотрудничества и уважительного использования их талантов и результатов изысканий

ном сохранить научный потенциал страны. Сеть учреждений Академии наук и ряда оборонных наркоматов почти не изменилась. К началу 1942 года 35 научно-исследовательских учреждений и около 4000 научных сотрудников, 228 академиков и членов-корреспондентов АН СССР разместились в 45 пунктах в промышленных районах Урала, Поволжья, Средней Азии и Казахстана, Западной Сибири, где создавались условия для комплексного решения оборонных проблем³⁶.

ВОЕННАЯ обстановка потребовала новых форм реализации научной деятельности, усиления координации исследований, которые позволили бы оперативно решать сложные научно-технические проблемы. Такую роль стали выполнять специальные тематические и комплексные комиссии при Академии наук, республиканских академиях, научно-технические советы при наркоматах, госпланах союзных республик, объединенные комитеты ученых при горкомах партии и исполкомах городских советов в крупных городах и другие организации ученых³⁷.

Значительную работу проделал Совет научно-технической пропаганды, руководимый академиками В.Н. Образцовым и А.Е. Ферсманом. За 1943 год было прочитано 6100 лекций (50 проц. в частях Красной армии), в том числе по радио³⁸.

Все годы войны крупные библиотеки страны не только работали, но и пополнялись: в библиотеке Академии наук насчитывалось 10 млн единиц хранения³⁹. В Ленинграде, несмотря на блокаду, сохранились все фонды библиотек, которые не прекращали работу по обслуживанию читателей, составлению библиографических справочников.

В годы войны продолжалась и издательская деятельность АН СССР. В 1943 году вышли в свет труды общим объемом более 1276 автор-

ских листов (84,5 проц. годового плана по названиям и 80 проц. по объему), издавались 33 научных журнала⁴⁰.

Промтоварное снабжение работников сферы науки осуществлялось через сеть Наркомторга путем выдачи ордеров, а в Москве через собственные (закрепленные за Академией наук) продовольственные магазины. Было организовано и лечебно-бытовое обслуживание — начал работать санаторий «Узкое». Дом приезжих и поликлиника были возвращены Академии наук военным ведомством⁴¹.

В годы Великой Отечественной войны изменилось отношение к ученым, инженерам, техникам, преподавателям со стороны государственных структур: из собственного и потребительского оно переросло в политику сотрудничества и уважительного использования их талантов и результатов изысканий. Деятели науки, техники, искусства и литературы представлялись к правительственным наградам и почетным званиям, ежегодно им присуждались Сталинские премии⁴². Еще в 1943 году Героями Социалистического Труда стали академики Н.Н. Бурденко и А.Н. Крылов, награждены орденами 28 действительных членов и 10 членов-корреспондентов Академии наук⁴³.

24 марта 1945 года была подготовлена записка АН СССР за подписью В.Л. Комарова и Н.Г. Бруевича «О награждении особо отличившихся ученых и работников АН в ознаменование 220-летнего юбилея АН СССР»⁴⁴, представлена сравнительная таблица награждения орденами и медалями СССР за выслугу лет военнослужащих и научных работников (1945 г.)⁴⁵. 10 июня 1945 года Президиум Верховного Совета СССР наградил 1465 сотрудников Академии наук. Целому ряду выдающихся ученых было присвоено звание Героя Социалистического Труда, присуждены Сталинские премии в области науки и техники⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 934. Л. 8, 8 об.

² Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1—463.

³ Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983. С. 8—32.

⁴ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 4а. Д. 45. Л. 196.

⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 946. Л. 14.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2655. Л. 141—150.

⁷ Там же. Л. 23—100.

⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 930. Л. 1, 1 об.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 399. Оп. 1. Т. 3. Д. 1306. Л. 8—10, 27—31, 77—90.

¹¹ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 45. Л. 66.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 201. Л. 115.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 3, 4.

¹⁶ Там же. Л. 14—23.

¹⁷ Там же. Л. 43, 44.

¹⁸ Там же. Д. 274. Л. 7—9.

¹⁹ Там же. Л. 20—23.

²⁰ Там же. Д. 201. Л. 72.

²¹ Там же. Л. 73.

²² Там же. Л. 75.

²³ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 931. Л. 52—54.

²⁴ Там же. Л. 78—88.

²⁵ Там же. Л. 60, 61.

²⁶ Там же. Л. 102, 103.

²⁷ Там же. Д. 930. Л. 46.

²⁸ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 38. Л. 15—18.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 930. Л. 4—19.

³⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 274. Л. 82—84.

³¹ Там же. Л. 90.

³² Там же. Л. 24—29.

³³ Там же. Л. 30, 34—36, 37—42, 44—46.

³⁴ Там же. Л. 47, 48, 48 об.

³⁵ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 946. Л. 5.

³⁶ РГАЭ. Ф. 875. Оп. 45. Д. 149. Л. 20.

³⁷ Шлыкова Л.А. Советская наука в годы Великой Отечественной войны // 50-летие Великой победы над фашизмом: история и современность. Смоленск, 1995. С. 281, 282.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 201. Л. 82, 83.

³⁹ Там же. Л. 83.

⁴⁰ Там же. Л. 84.

⁴¹ Там же. Л. 107.

⁴² Там же. Д. 400. Л. 1, 2; Д. 586. Л. 240, 241; Д. 585. Л. 1—323; Д. 589. Л. 1—207.

⁴³ Там же. Д. 201. Л. 66.

⁴⁴ Там же. Д. 942. Л. 71, 72.

⁴⁵ Там же. Д. 946. Л. 134.

⁴⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 398. Л. 1—271.

Г.А. БЫКОВСКАЯ

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В РАЗМИНИРОВАНИИ КАРЕЛИИ. 1944—1945 гг.

БОЕВЫЕ действия на Карельском фронте завершились к ноябрю 1944 года. В результате ряда крупных наступательных операций Красной армии в июне—ноябре 1944 года была полностью освобождена от оккупации территория Карело-Финской ССР. Началось восстановление разрушенных за годы войны городов и сел, объектов народного хозяйства и культуры, происходившее в сложнейших условиях, обусловленных последствиями нанесенного оккупантами ущерба. По данным Чрезвычайной республиканской комиссии, сумма материальных потерь на территории республики составила более 20 млрд. рублей. Две трети населения Карелии в период оккупации находилось в эвакуации или в действующей армии. Осенью 1944 года началась реэвакуация населения в республику, за октябрь и ноябрь численность реэвакуированных превысила 50 тыс. человек. Из 170 тыс. эвакуированных жителей республики после войны возвратилось свыше 127 тыс. человек. В целом за годы войны и послевоенных территориально-административных изменений численность населения Карелии сократилась в три с лишним раза, и составила на 1 января 1945 года 266 тыс. человек¹.

Возвращению к мирной жизни предшествовала масштабная работа по разминированию территории республики. Как свидетельствуют сохранившиеся архивные списки команд минеров, подавляющую часть гражданского населения, привлеченного к этой опасной работе, составляли девушки и молодые женщины. Их личный вклад как граждан в проведение восстановительных работ на территории Карелии во время еще продолжавшейся войны не был по достоинству оценен государством. Работа в составе команд по разминированию не засчитывалась в стаж трудовой деятельности и не записывалась в трудовые книжки. Полученные минерами нагрудные знаки «Отличный минер», грамоты Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР и Центрального совета Осоавиахима не давали права на социальные льготы, предусмотренные для ветеранов Великой Отечественной войны. Только спустя полстолетия после окончания войны минеров приравнивали к ее участникам. Тема участия женщин в разминировании ранее оккупированной территории, в частности Карелии, до последнего времени также не получила должного отражения в исследованиях по истории Великой Отечественной войны.

РАЗМИНИРОВАНИЕ освобожденной от оккупации территории Карелии началось в соответствии с постановлением ЦК КП(б) Карело-Финской ССР от 13 июля 1944 года «О подготовке минеров-разградителей в освобожденных районах и городах от немецко-финских оккупантов». В июле 1944 года был создан республиканский штаб по сплошному разминированию территории республики, который возглавил председатель Центрального совета Осоавиахима В.В. Ванидовский. До войны организации Осоавиахима в республике насчитывали 32 892 члена, на 1 января 1945 года в обществе на учете состояло 15 785 человек². Перед командами минеров ставилась задача освободить от смертоносного оружия территорию республики и сделать ее пригодной для мирной жизни.

Согласно утвержденному плану, при общей площади республики 168,6 тыс. кв. километров, территория для разминирования командами минеров Осоавиахима составляла 41 351 кв. километров, силами войсковых частей — 16 733 кв. километров³. Специфика работ по разминированию обуславливалась природными особенностями территории Карелии, включавшей значительные лесные массивы, многочисленные болота и каменистый грунт. Характерными являлись отдаленность населенных пунктов друг от друга и отсутствие хорошей связи между ними. Кроме того, как выявилось в ходе работ, отдельные участки были заминированы противником по

несколько раз. В летние месяцы еще одним испытанием для минеров становились комары и мошки.

Подготовка минеров из числа гражданского населения по линии Осоавиахима началась в республике с марта 1944 года. Как свидетельствуют воспоминания бывших минеров, они поступали на специальные курсы военной подготовки по призыву комсомола к молодежи Карелии. Программа курсов была рассчитана на 70 часов. Обучение проводилось без отрыва от основной работы, занятия шли ежедневно по три часа в течение двух недель и завершались экзаменом по билетам перед специальной комиссией. По результатам экзамена комиссия выносила решение о том, в каком качестве в дальнейшем использовать курсанта на работах по разминированию: как рядового, младшего инструктора, помощника командира взвода или отделения.

Подготовка командного состава (начальников команд, командиров взводов и отделений) и инструкторов проходила по особой 300-часовой программе. Имели место случаи, когда прошедшие подготовку на курсах для командного состава выпускники сами организовывали по месту работы курсы минеров по 70-часовой программе. Члены Осоавиахима обязывались проводить беседы среди комсомольцев и несоюзной молодежи о государственном значении работ по разминированию бывшей в оккупации территории республики. В хо-

Разминирование железнодорожного полотна в г. Медвежьегорске 1944 г.

де этой разъяснительной работы молодые люди добровольно записывались на курсы подготовки минеров.

В соответствии с постановлением СНК и ЦК КП(б) Карело-Финской ССР от 21 марта 1944 года в республике началось формирование районных команд Осоавиахима из минеров-добровольцев, каждая численностью от 25 до 50 человек в возрасте не моложе 15 лет и старше. К июлю 1944 года на курсах Осоавиахима было подготовлено 44 младших инструктора по разминированию и свыше 1200 бойцов⁴. Всего за 1944 год подготовлено 2290 минеров и 123 инструктора,

8 марта — Международный женский день

из них в работах по разминированию участвовали 1237 минеров и 97 инструкторов. В сезон 1944 года в 18 освобожденных районах республики были задействованы 19 осоавиахимовских команд.

В 1945 году прошли подготовку на курсах 596 минеров и 97 инструкторов, к работам были привлечены 760 минеров и 86 инструкторов⁵. В 1945 году в 14 районах республики работали 14 команд минеров-добровольцев⁶. Проблема комплектования команд минеров по линии Осоавиахима оставалась острой на протяжении всего периода проведения работ по разминированию в республике, вплоть до 1950 года. Показатели укомплектованности команд рядовыми минерами в соседних областях Северо-Запада к лету 1946 года были следующими: в Карело-

Финской ССР — 16,5 проц., в Новгородской области — 61 проц., в Псковской области — 21 проц., в Вологодской области — 51 проц., в Ленинградской области — 36 проц.⁷

За 1944 год силами Осоавиахима была разминирована территория площадью 19 097 кв. километров, войсковыми командами — 1159 кв. километров⁸. Главным итогом работы команд минеров за этот год стали 170 разминированных населенных пунктов, 4451 км разминированных дорог, 1142 проверенных населенных пункта⁹. В целом по итогам 1944 года минерами было обезврежено 9525 противотанковых и 39 265 противопехотных мин противника, а также 2525 отечественных мин¹⁰. Кроме того, силами команд минеров проделана масштабная работа по разминированию значительной части пахотных земель и лесов республики, ставших пригодными для мирной жизни.

В 1945 году от мин было очищено 12 районов республики. Силами команд Осоавиахима разминирована территория площадью 21 529 кв. километров, войсковыми командами — 9504 кв. километров. Обезврежено 25 730 противотанковых и 64 635 противопехотных мин противника, войсковыми минерами ликвидировано соответственно 35 776 и 294 972 мин¹¹. Всего за 1944 и 1945 годы силами команд Осоавиахима обезврежено 4608 отечественных мин, войсковыми частями — 77 759¹².

Разминирование площади перед Совнаркомом на проспекте Ленина в г. Петрозаводске 1944 г.

Фото Г.А. АНКУДИНОВА

Взаимодействие команд Осоавиахима с войсковыми подразделениями минеров заключалось в совместном планировании работ, а также в обеспечении осоавиахимовцев автомашинами и средствами взрывания¹³.

Формуляры-схемы о минных заграждениях Красной армии имелись в распоряжении командного состава подразделений минеров. Большие трудности возникли из-за отсутствия документов о минно-взрывных заграждениях противника. Мины ставились противником на дорогах и по их обочинам, в населенных пунктах и вокруг них, при отступлении были заминированы побережья рек и озер, луга, улицы, мосты, хозяйственные постройки, печи и входы в жилые дома, посеы на полях и огородах, магазины и даже отдельные бревна. Минеры находили заминированные кресла, комоды, сапоги и куклы. Мина от мины ставилась противником на удалении от 1,5—2 до 3 метров, ряд от ряда — от 1,5 до 2 метров. Маскировочный слой составлял 15—18 см¹⁴. Противотанковые мины использовались для минирования дорог, обочины же были заминированы противопехотными минами. Основными типами мин противника на территории Карелии являлись Т-35, ПМД, ПОМЗ, трубчатые и бутылочные. За сезон 1944 года минерами было обезврежено мин типа Т-35 — 8782, ПМД — 8530, ПОМЗ — 8787, трубчатых — 13 705 и бутылочных 1126 штук¹⁵. Как свидетельствуют бывшие минеры, финские саперы были большими мастерами по установке мин-сюрпризов, или самоделов, которые искусно маскировались.

Команды минеров состояли в среднем из 25 человек во главе с инструктором. По данным отчетов центрального и районных советов Осоавиахима о ходе разминирования, а также списков потерь и списков минеров, представленных к наградам, подавляющее большинство участников разминирования составляли девушки 1923—

**Девушки-минеры
из 52-го отдельного батальона
МПВО НКВД**

1927 годов рождения. В отчете председателя Центрального совета Осоавиахима о ходе формирования районных команд в Карело-Финской ССР обращалось внимание на то, что по состоянию на 31 августа 1944 года из 838 закончивших курсы мужчин в командах работало 120 человек, тогда как из прошедших подготовку 1406 женщин в разминировании участвовало 865¹⁶. Специальным распоряжением правительства и ЦК КП(б) Карело-Финской ССР от 13 июля 1944 года предписывалось не привлекать к работам по разминированию лиц, подлежащих призыву в армию¹⁷. В донесениях председателей районных советов Осоавиахима подчеркивалось, что «честно и добросовестно работают девушки»¹⁸. Эту особенность поведения женщины в экстремальных военных ситуациях отметила одна из героинь книги С. Алексеевич, говоря, что «это хрупкое, эмоциональное создание» оказывалось нередко выносливее мужчин¹⁹.

Средний возраст минеров-добровольцев был от 17 до 21 года. Как свидетельствуют биографии минеров, комплектование команд происходило большей частью из числа возвратившихся из эвакуации или освобожденных из оккупации. Командиром одного из взводов, работавшего в Сегозерском районе, была семнадцатилетняя девушка, возвратив-

шая весной 1944 года в родной Беломорск из эвакуации в Удмуртию. По призыву комсомола она поступила на курсы минеров. После окончания курсов ей доверили руководство взводом минеров из одиннадцати человек. Ее биография является типичной для женщин, участвовавших в разминировании территории республики.

В МИРНОЙ жизни минеры представляли собой людей самых разных профессий: поварих, портних, счетоводов, фельдшеров, парикмахеров, штукатуров, связистов. Большинство имели школьное образование в объеме 4—7 классов. Постановлением СНК Карело-Финской ССР от 14 сентября 1944 года было запрещено отпускать минеров на учебу в учебные заведения и школы (за исключением вузов) до 25 октября 1944 года в связи с важным государственным значением работ по разминированию освобожденной от противника территории Карелии²⁰. Минерам-добровольцам, привлеченным на работы по линии Осоавиахима, выплачивалась заработная плата в размере, как на прежнем месте работы, или 300 руб. в месяц²¹. На практике же зарплата минерам выдавалась с большим опозданием.

Особую категорию минеров составляли те, кому было

Командиры-инструкторы 52-го отдельного батальона МПВО НКВД

всего лишь 15—17 лет. Они были еще детьми и особенно трудно переживали разлуку с родителями. Но на их юные плечи легло тяжелое испытание опасной работой на минном поле. Устные воспоминания этой категории минеров отличает эмоциональность и непосредственность, в них можно встретить такое признание: «Тогда была война, и мы шли на минное поле, как на работу. Нам было очень страшно»²².

Распорядок дня минеров был армейским: подъем — в 6 ч. утра; утренний туалет и завтрак — с 6 до 8 ч.; работы по разминированию — с 8 до 17 ч.; обед и ужин — с 17 до 19 ч.; занятия по спецделу — с 19 до 22 ч.; личное время с 22 до 23 ч., в 23.00 — отбой²³. Перед началом работы минеры выстраивались цепью в группах по 6—7 человек на расстоянии до 50 метров друг от друга и начинали движение по команде. Руководство ходом работ на минном поле осуществляли инструкторы. Каждый минер получал свою полосу и отмечал ее флажками. Прежде всего они проверяли наличие мин щупом и при их обнаружении ставили знаки с надписью «Мины». В конце рабочего дня их обезвреживали инструкторы, извлекая взрыватель. При помощи миноискателя минеры обнаруживали противотанковые мины, их вытаскивали кош-

кой на расстоянии. Мины, не поддававшиеся обезвреживанию, уничтожались на месте путем взрывания. От дороги, разминированной войсковыми минерами, осовавиаховцы проверяли участки до 50 метров в обе стороны. После проверки устанавливалась табличка со словами «Дорога проверена» и фамилией минера²⁴.

Как свидетельствуют отчеты председателей районных советов Осоавиахима, команды минеров были очень плохо обеспечены транспортом для перевозки собранных трофеев с поля боя на склад. Из-за отсутствия транспорта им приходилось совершать ежедневные длительные пешие переходы с грузом на плечах. А в конце рабочего дня нужно было еще добираться пешком до места дислокации команды, как правило, за десять и более километров.

Каждый член команды переносил на себе миноискатель и щуп (деревянный или металлический). В оборудование команды минеров входили также кошки с троссами, оградительные знаки (веревки, флажки), детонаторы, бикфордов шнур, саперные пилы и топоры, котелки, компасы, карандаши и бумага. По данным отчетов председателей райсоветов Осоавиахима, отсутствовали приборы для поиска мин типа МЗД²⁵.

Работа минеров была не только опасной, но и требова-

ла большой отдачи физических сил. Остро стояла проблема обеспечения минеров продовольствием. Установленная суточная норма питания минера составляла 70 граммов рыбы или мяса, 50 граммов крупы, 20 граммов жиров и 600 граммов хлеба. Но карточки на продовольствие никогда полностью не отovarивались, за исключением ежедневной нормы выдачи хлеба²⁶. Положенные рыба и мясо зачастую заменялись горохом.

По воспоминаниям бывших минеров, их обычный завтрак состоял из тарелки баланды (мучной болтушки) или щей из капусты и картошки без мяса, утром выдавалась суточная норма хлеба. Пищи молодым людям не хватало. Из-за перебоев со снабжением приходилось самим пешком доставлять продукты к месту дислокации команды. По данным отчетов председателей райсоветов Осоавиахима, по состоянию на 1 октября 1944 года работа шести осовавиаховских команд в Карелии была полностью приостановлена в связи с отсутствием продуктов питания²⁷.

Размещались команды минеров в заброшенных домах в тех населенных пунктах, где и проводились работы по разминированию, или в землянках, отапливаемых печками-буржуйками²⁸. Минеры не были обеспечены в достаточном количестве мылом, спичками, солью, керосином²⁹.

РАБОТЫ по разминированию начинались в апреле и продолжались до ноября. Имели место многочисленные случаи, когда с наступлением осенних холодов из-за отсутствия обуви минеры не могли выходить на работы³⁰. Участники разминирования в Карелии свидетельствуют: «За два года работы нам не выдали никакой спецодежды, кроме одной пары ботинок ручной работы из невыделанной свиной кожи, которые расползались при дожде, а когда высыхали, их не-

возможно было надеть»³¹. Осоавиахимовские минеры в отличие от войсковых команд специальным обмундированием не обеспечивались и работали в своей гражданской одежде. Летом девушки были одеты в обычные ситцевые платья и сарафаны. При работах на болоте и в лесу, переходах через проволочные заграждения и другие препятствия одежда и обувь быстро приходили в негодность. «Если и последняя обувь изнашивалась, — вспоминают бывшие минеры, — то находили сапоги финских солдат, которые были, как правило, большого размера, в них и ходили»³². Работать приходилось в любую непогоду. Когда осенью начались затяжные дожди, промокшая за день одежда не успевала к утру высохнуть. Но девушки продолжали работать, так как плановые задания по разминированию нужно было выполнить до наступления холодов, и сделать это надо было во что бы то ни стало.

По признаниям бывших минеров, им было холодно и голодно, но самым тяжелым испытанием для них являлась гибель своих товарищей³³. По официальным данным Осоавиахима, число подрывов среди минеров и инструкторов по Карело-Финской ССР за сезон 1944 года составило 101 случай, погибли 34 и ранены 67 человек. Среди гражданского населения потери составили 82 человека, из них погибли 33 и ранены 49 человек. Анализ списков минеров по сведениям Центрального совета Осоавиахима за 1944 год показывает, что наиболее пострадавшей категорией оказались девушки, среди погибших минеров их было более 60 проц.³⁴ В сезон 1945 года потери минеров и инструкторов составили 9 погибших и 19 раненых, среди гражданских лиц пострадали 114 человек (44 погибших и 70 раненых)³⁵.

Хорошо известно, что после двух—трех часов напряженной работы на минном поле у сапера ослабляется внимание и притупляется зрение. Полуголодные и пло-

хо одетые молодые люди из осоавиахимовских команд могли уставать значительно раньше. В отчетах в республиканский штаб по сплошному разминированию указывались такие причины чрезвычайных происшествий в ходе работ, как нарушение исполнительской дисциплины, плохое оснащение минеров, допуск к работе неопытных людей, нарушение мер безопасности и пр.

Были на практике и такие случаи, когда минеры извлекали обнаруженную мину вручную, не имея необходимых инструментов, что категорически запрещалось по инструкции. По свидетельству одного из командиров отделения минеров из пограничной с Карелией Вологодской области, «подрывов было бы куда меньше, если бы военные саперы, устанавливавшие мины, соблюдали интервалы между ними»³⁶. При этом, «никто из руководства не замечал (или не хотел замечать), что девушки выносили взрыватели с обезвреженных мин в подолах своих платьев, а мальчишки набивали ими карманы пиджаков и гимнастерок, и только после работы выгружали этот опасный груз в местах подрыва штабелей мин. Взрыватели в карманах ребят создавали дополнительную угрозу для жизни, наряду с опасностью взрыва мины во время обезвреживания»³⁷.

Минеры погибали и от ранений, поскольку не всегда имелась возможность своевременно оказать им на месте квалифицированную медицинскую помощь из-за отсутствия у осоавиахимовских команд самых необходимых медикаментов и перевязочных материалов.

Что касается причин подрывов среди гражданского населения, то наиболее часто они имели место вблизи церквей, хозяйственных построек и особенно на лесных полянах, потому что изголодавшиеся за годы войны люди не могли пройти мимо грибов и лесных ягод, не смотря на оставленные минерами знаки о том, что местность заминирована.

Девушки-минеры очень тяжело переживали физические увечья своих подруг, по неосторожности или неопытности подорвавшихся на работах по разминированию. Больше всего они, как и все женщины на войне, боялись, чтобы не изуродовало лицо, «не попало в ноги, не покалечило», от чего будет зависеть их женская судьба в мирной жизни³⁸.

КОНЕЧНО, минеры понимали отличие своего положения от солдат в действующей армии на фронте. Тем не менее, смертельная опасность работы на минном поле позволяла им рассчитывать на более адекватную оценку их нелегкого труда со стороны государства. Этого, к сожалению, не было, хотя с первых дней участия в разминировании каждый из них ежедневно и ежеминутно находился под угрозой погибнуть или быть покалеченным, быстро усваивая ту простую истину, что «минер ошибается только один раз»³⁹.

Какое психологическое напряжение испытывали в течение рабочего дня минеры, видно из воспоминаний одной из девушек: «Бывало так: ищешь мину и никак не можешь найти ее. Наконец втыкаешь щуп у самых ног и чувствуешь, что стоишь на мине. И тут в голову лезет всякая чертовщина: вот сейчас крышка мины прогнетса, выдавит чеку, и ты взлетишь в небо. Волосы на голове от этих мыслей встают дыбом, тело цепенеет, и несколько секунд не можешь не только сойти с этого опасного пятка, но и пошевелится. Но вот мина обезврежена, и работа продолжается в прежнем ритме»⁴⁰. Если учитывать, что отделение минеров из шести девушек обезвреживало за рабочий день до 60—70 мин, то можно представить себе, каким сверхчеловеческим испытанием для них была эта работа. Отдельные мины, установленные в начале войны, заросли бурьяном и буквально «вросли» в землю, взрыватели на них проржавели. Такие мины

особенно трудно поддавались обезвреживанию: «Бывало и так: мина найдена, но на стенке ее, где взрыватель, грунт плотно утрамбовался, взрывателя не видно. Что делать? Срывая сучки с деревьев, распластываясь на земле и начинаю осторожно счищать землю. Одно неточное движение, и эта мина станет для меня последней. Собиешь чеку, и ничто уже тебе не поможет. Но вот появился кончик взрывателя и чека. Слегка тяну на себя. Взрыватель свободно выходит из отверстия мины. Вздох облегчения!»⁴¹.

В воспоминаниях бывших минеров запечатлелась психологически напряженная атмосфера каждодневной жизни бойцов осовахиловских команд: «Каждое утро мы прощались друг с другом, так как не были уверены, вернемся ли вечером или нет. Вечером при встрече обнимались, радовались тому, что остались живы»⁴².

«Если все время помнить и думать только о войне – человек не выдержал бы на ней не только года, а и двух недель», – так писал в своем дневнике К. Симонов о психологии солдат на фронте, в полной мере это относится и к молодым минерам, детство которых было опалено войной⁴³. Девушки не могли жить, находясь ежедневно под страхом смерти. По вечерам им хотелось пойти на танцы в ближайший клуб, даже если он находился за несколько километров, а они приходили смертельно уставшими после работы на минном поле. Они были способны еще и шутить. Среди минеров появлялись даже частушки⁴⁴.

История участия женщин-добровольцев в сплошном разминировании освобожденной от оккупации территории Карелии открывает нам еще одну малоизвестную страницу истории войны 1941–1945 гг., еще одну грань трудового и ратного подвига советской женщины в окончательной победе над врагом в этой войне во имя жизни на земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 2264. Оп. 7. Д. 13/116. Л. 123.

² Там же. Л. 122.

³ Там же. Д. 133. Л. 7.

⁴ Там же. Д. 13/116. Л. 141.

⁵ Там же. Д. 5/38. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Д. 14/141. Л. 23.

⁹ Там же. Д. 5/38. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 12.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 14/118. Л. 17.

¹⁴ Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ). Ф. 26. Оп. 1. Д. 1068. Л. 45.

¹⁵ НА РК. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 14/118. Л. 8.

¹⁶ Там же. Д. 4/26. Л. 13.

¹⁷ Там же. Л. 19.

¹⁸ Там же. Д. 133. Л. 5.

¹⁹ *Алексиевич С.* У войны – не женское лицо... / Предисловие А. Адамовича. Мн., 1985. С. 111.

²⁰ НА РК. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 4/26. Л. 50.

²¹ Там же. Л. 19.

²² Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 298. Л. 29.

²³ КГАНИ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1068. Л. 39.

²⁴ Там же. Л. 48.

²⁵ НА РК. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 4/26. Л. 29.

²⁶ Там же. Д. 4/31. Л. 85.

²⁷ Там же. Л. 29.

²⁸ Устное интервью участницы работ по разминированию в Карелии, бывшего командира взвода минеров // Личный архив Ю. Шибаевой.

²⁹ НА РК. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 14/118. Л. 16.

³⁰ Там же. Д. 14/119. Л. 22.

³¹ Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 298. Л. 7.

³² Там же. Д. 15а. Л. 7.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 13/116. Л. 149–160.

³⁵ Там же. Д. 14/118. Л. 8.

³⁶ *Логинова К.Н.* Минеры – русские мадонны // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1997. С. 119.

³⁷ Там же.

³⁸ *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 177, 206.

³⁹ Устное интервью участницы разминирования в Карелии, бывшего командира взвода минеров // Личный архив Ю. Шибаевой.

⁴⁰ *Логинова К.Н.* Указ. соч. С. 116.

⁴¹ Там же.

⁴² НА РК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 298. С. 29.

⁴³ *Симонов К.* Собр. соч. Т. 9. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1983. С. 290.

⁴⁴ См.: Сайт Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина. <http://www.booksite.ru/fulltext/lus/tuz/na/1.htm>

Л.Н. ЮСУПОВА

Фото из Национального архива Республики Карелия и архива автора

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРОННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации 1966–2006. М.: Военное издательство, 2006. 230 с.

Передана начальником Института военной истории МО РФ, старшим научным сотрудником, кандидатом военных наук полковником запаса А.А. Кольцовым (Москва)

Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д., Цуканов И.П. Победу приближали как могли. Боевые действия Брянского, Юго-Западного фронтов и партизан против войск гитлеровской Германии и ее союзников в Центрально-Черноземном регионе РСФСР (октябрь 1941 – июль 1942 г.). Курск: Курский гос. ун-т; издательский дом «Славянка», 2006. 322 с.

Передана авторами – доцентом Курского государственного технического университета (КГТУ) кандидатом исторических наук В.В. Коровиным, вице-президентом Курского областного научного краеведческого общества, кандидатом исторических наук А.Н. Манжосовым, директором Курской областной патриотической общественной организации Центр «Поиск» И.П. Цукановым, доцентом КГТУ кандидатом исторических наук А.Д. Немцевым (г. Курск)

Арутюнян К.А. Маршал авиации С.А. Худяков – А.А. Ханферянц. Ереван: Изд. «Гитутюн» НАН РА, 2006. 220 с., ил.

Передана автором (г. Ереван, Армения)

Ширшов Г.М. Комкор Николай Мовчин. М.: Гралия С, 2006. 288 с., ил.

Передана автором – генерал-майором в отставке Г.М. Ширшовым (Москва)

Кузовкин А.И. Памятники ратной доблести Коломны. Коломна: Инлайт, 2005. 112 с., ил.

Передана автором (г. Коломна)

Науменко В. Просто фронт (о морском десанте у Феодосийских берегов). М.: Прометей, 2006. 192 с.

Передана автором (Москва)

Подвижники русской военной книги: Биограф. слов. / Сост. С.Н. Лютов. Новосибирск: Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2005. 115 с.

Передана составителем – доктором исторических наук, профессором С.Н. Лютовым (г. Новосибирск)

Лосик А.В., Шерба А.Н. Некоторые аспекты государственной военно-технической политики России и развития отечественного оборонно-промышленного комплекса в XX веке: вопросы истории, методологии, историографии и источниковедения: Тематический сборник научных трудов за 1990-е – 2006 гг. (На материалах Санкт-Петербурга). СПб.: Нестор, 2006. 284 с.

Передана авторами (Санкт-Петербург)

«Я ПОЛЕ ЖИЗНИ ПЕРЕШЕЛ...»

КВЕЧЕРУ 27 июня 1944 года 23-я отдельная Ельнинская танковая бригада, в том числе и наш моторизованный батальон автоматчиков, перерезала шоссе Могилев — Минск. Комбриг гвардии полковник Козиков ставил на местности боевые задачи комбатам. Бригада разворачивалась фронтом на восток. Слева выстраивались в линию танковые роты первого батальона, справа — второго. Мы, усиленные батареей истребительно-противотанковой артиллерии, располагались в центре. Намто и предстояло выдержать основной удар, потому что враг именно здесь, вдоль дороги, намеревался прорываться из окруженного Могилева.

На востоке, километрах в пяти—семи, вздыбилось в небо облако дыма, оттуда донесся мощный раскатыстый гул.

— Город взрывают, гады, — произнес кто-то.

Потом прогремело еще и еще. Фашисты, готовясь отступить, с профессиональной методичностью уничтожали в Могилеве все, что еще уцелело. Они пока не знали, что путь им на запад отрезан, и ждали, видимо, ночи, чтобы бежать в темноте.

Огневые позиции наша минометная рота оборудовала правее шоссе, ведущего в Могилев, на границе пшеничного поля. Как оказалось потом, это был не лучший выбор. Машины с боеприпасами оставались за дорогой. Успокоило то, что мы сразу создали в окопах хороший запас мин. Как и требовалось для ночного боя, подготовили несколько направлений для стрельбы. Впереди, метрах в трехстах, окопались десантные роты. В первой траншее находились и наши корректировщики огня вместе с командиром роты гвардии капитаном Парамоновым.

Судя по тому, как незатухающая июньская заря переместилась к северо-востоку, было

уже за полночь. Неожиданно тишину разорвали сразу десятки автоматных и пулеметных очередей. ППШ и «ручки» били надсадно и безостановочно. Так стреляют, когда навалом идут атакующие цепи.

Не зря мы готовили данные для стрельбы. Расчеты быстро изготавились к бою. Стреляли сначала одиночными, потом беглым огнем по три мины, по пять. Мы представляли себе, что значат двадцать мин, разорвавшихся в атакующей цепи, когда осколки, разлетающиеся до двухсот метров, словно бритвой, срезают все живое вокруг.

Гулко ударили в темноте танковые пушки, заливались автоматы и пулеметы. Кошмарной ночи, казалось, не будет конца.

Как ни щедро были оснащены вводившиеся в прорыв роты, боезапас был не беспределен. Слашно было, что короче становились пулеметные очереди и реже треск автоматов. Немцы же усилили натиск вдоль дороги, и уже несколько их танков прошли над окопами стрелковых рот. Под броневым прикрытием по дороге устремились пять—шесть крытых фургонов. Казалось, брешь в наших боевых порядках пробита. Но решительной контратакой танковая рота гвардии старшего лейтенанта Солнцева вновь оседлала дорогу и отрезала прорвавшихся от основных сил.

Нелегко приходилось и нашей роте. Иссяк запас мин. Пришла команда сменить огневые позиции на запасные, поближе к машинам, груженым минами. На пути на новые огневые позиции мы и попали под огонь прорвавшейся группировки. Нужен был мгновенный бросок. А попробуй рвани, когда на плече деталь весом около двадцати килограммов, а за спиной карабин и вся остальная солдатская поклажа.

Рота подтягивалась к дороге. Залегли в кювете. Нас прикрывали деревья, росшие по обеим сторонам булыжной мостовой. Кто-то из са-

мых бесшабашных побежал через нее с плитой за спиной и на середине упал, как подкошенный.

ВМИНУТУ опасности сознание работает лихорадочно быстро. Я ухватился за спасительную идею. Достал из кармана трассировочный шнур, один конец привязал к ляжке минометного ствола, сам взялся за другой, и, как только трасса светящихся пуль пронеслась над дорогой, в два прыжка пересек брусчатку. Под деревьями на противоположной стороне отдышался и потянул шнур на себя. Ствол медленно пополз через дорогу. Отвязав конец шнура, обмотал вокруг камня, бросил обратно, теперь уже Карасеву. Тот привязал двуногу-лафет, и она поползла ко мне. Вскоре и хозяин ее плюхнулся рядом, тяжело дыша. Бросили конец Коптеву. Тот привязал за ручку опорную плиту миномета. Потянули ее на себя — тяжело. Не догадался он: надо было перевернуть эту массивную деталь вверх сошниками. А теперь она цеплялась за каждый камень. Не оборвать бы шнур. Но плита, дергаясь, рывками приближалась к нам. Теперь дело за хозяином.

За дорогой, откуда мы только переметнулись, звонко ударила противотанковая пушка, за ней другая. Били прямой наводкой. Значит, вражеские танки где-то рядом. От нас их не было видно за деревьями. А где же Коптев?.. Он почему-то поднялся, укрылся за деревом. Мы махали ему: «Быстреей!». Плотность вражеского огня продолжала нарастать. С каждой минутой наша затея становилась опасней. «Давай!» — теперь уже кричали мы. Коптев, как-то нескладно пригнувшись, побежал. Уже на нашей стороне дороги, у самых деревьев неуклюже упал. Мы охнули, опасаясь худшего. Но он пополз к нам и скатился в канаву. «Кажется, в меня попало», — жалобно произнес он. Штанина выше колена набухла кровью.

* Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2007. № 1.

В.И. Попов
1945 г.

Следуя нашему примеру, кто-то еще бросился через дорогу и упал на середине пути. Неудача постигла и второго.

— Минометчики! Броском по канаве влево! — это командир роты уводил людей в низину, где было, на его взгляд, безопасней.

Мы оказались втроем. Поползли по траве вдоль пшеничного поля. Главное сейчас — подальше от дороги. Впереди маячили на высоте наши машины. Левее их виднелась зенитная батарея. Мы ползли и ползли, волоча за собой разобраный миномет. Коптев постанывал сзади, но полз, боясь остаться один. Наконец поднялись, взяла у Коптева плиту, понесли ее вдвоем. Он хромал рядом, опираясь на плечо Карасева. Надо было бы осмотреть его рану. Но останавливаться рискованно, и мы заторопились, уже распрямившись, вдвоем таща на себе шестидесятикилограммовый миномет.

От машин нас заметили и поспешили на выручку. Старшина роты Яроцких и подбежавшие вместе с ним водители подхватили груз, а мы упали у машин в изнеможении.

— Где рота? Где рота? — тормошили нас.

— Ротный увел в лощину, — отозвался я.

— Убитые есть, — добавил Карасев.

— Коптева перевязать надо, — кивнул я на раненого.

Яроцких спустил с бойца набрякшие кровью брюки. Пуля навывлет прошла через мягкие ткани бедра. Раздвоив тампоны перевязочного пакета, старшина, как за-

правский санинструктор, положил их на входное и выходное отверстия раны, забинтовал ногу. Коптев, почувствовав облегчение, смолк.

— В санчасть надо. Ну-ка, Безруков, заводи! — распорядился старшина.

— Так я же с минами, — недоуменно развел руками водитель.

— Ничего, оставим у миномета несколько ящиков... Вернемся. Тут недалеко...

Усадили Коптева в кабину. Он опять застонал. Старшина хотел было сесть рядом, но передумал. Чтобы не тревожить раненого, вскочил в кузов. Машина развернулась и скрылась за гребнем холма.

Мы остались вдвоем у миномета. Можно передохнуть. Завалились на траву. Увы, такие тихие минуты на фронте коротки. Где-то невдалеке подала голос наша зенитная пушка. Трасса светящихся снарядов протянулась к дороге, от которой мы только пришли. Но теперь она не была пустынна. По мостовой шли машины. За деревьями по ту сторону дороги прямо по грунту двигались самоходные установки.

— Это же немцы! — оторопел Карасев.

Зенитка дала еще очередь. На этот раз точнее. Одна из грузовых машин загорелась. Вокруг нее засуетились люди. Кто-то старался сбить пламя, другие пытались разгрузить горящий кузов.

— А что? — блеснул глазами, выделявшимися на чумазом лице, Карасев. — Поможем гадам!

Делом нескольких минут было взрыхлить лопатой землю для плиты, вставить в нее ствол, пристегнуть хомут двуноги-лафета, присоединить прицел. До дороги было метров пятьсот. С основным зарядом наверняка будет недолет.

— Ставь один дополнительный, — сказал я, наводя визир прицела на горящую машину. — Давай мину.

Первая мина разорвалась за дорогой. Поднял маховиком ствол повыше. Небольшой недолет. Теперь бы чуть подальше. Сменил прицел.

— Белым — три мины! — скомандовали мы сами себе.

Две мины упали на дорогу. Третья разорвалась в воздухе, зацепив ветки деревьев. Нем-

цы бросили машину, попрятавшись в кювет.

— Ага, не нравится! — злорадствовал Карасев.

— Давай восстановим уровни, — сказал я. — Подождем, когда они вылезут из укрытий.

— Смотри, опять к машине ползут, — показал рукой на дорогу заряжающий.

— Ну-ка, давай еще три мины засобачим им! — прокричал я.

И еще три мины ушли ввысь чтобы с неба подобно маленьким бомбам обрушиться на дорогу. Мы вдвоем работали за целый расчет. Сами командовали себе. Сами выполняли эти команды. Как дети, прыгали от радости, когда облако разрыва поднималось прямо на дороге.

— А давай по остальным машинам пульнем, — подзадоривали мы друг друга.

Довернули ствол чуть левее и выпустили еще несколько мин. Из кузовов машин посыпались солдаты, попадали в канаву.

Мы открыли последний ящик, и в груди похолодело. В ящике, впопыхах сброшенном с машины, были запасные инструменты и приборы. В растерянности глянули друг на друга, ища выход из положения. Можно было сбежать за бугор, где теперь укрылись остальные машины роты, и таскать мины оттуда. Но сколько их натаскаешь, если каждый ящик весит килограммов сорок? Или брать миномет на выюки и к машинам, чтобы стрелять с новой огневой? Миномет шестьдесят килограммов. На двоих — тоже немало.

— Смотри — старшина! — закричал Карасев, указывая на мчавшийся в нашу сторону грузовик. Тот, не доехав метров двести, остановился. Но из кузова выпрыгнул не старшина Яроцких, а командир нашего расчета сержант Комаров.

— Вы что, сдурели? — заорал он на нас. — Одни в открытом поле... Тоже мне — минометчики...

— Мины давай! — закричали и мы на него, требуя, чтобы он подогнал машину ближе. В нас кипел азарт боя, и нам все было ничем.

— Бежим за минами, — предложил я Карасеву.

И мы бросились бежать по полю, чтобы подогнать машину ближе.

— Отставить! — что есть силы закричал Комаров. — Отбой! Миномет на выюки!

Это была команда. И ее надо было выполнять.

— Я приказываю! — воспользовался Комаров нашим замешательством и правом сержанта.

По-быстрому зачехлили ствол, Комаров сбросил хомут двуноги-лафета, взвалил трубу на плечо. Нам ничего не осталось делать, как взять двуногу и плиту и поплестись за ним.

— Надо ведь цели с умом выбирать, по силам, — поучал он нас на ходу. — Там ведь танки за дорогой.

— Не танки, а самоходки, — поправил я.

— Не один черт, — отмахнулся Комаров, — а вы одни в чистом поле. Глядите на них — герои. Долбанет танк из пушки, и мокрое место от вас. А если с умом... Я вон с сорок первого воюю, и ничего — бог миловал.

«То-то вы с умом до Москвы пятились», — вертелось у меня на языке. Но я промолчал.

Установили миномет в канаве недалеко от машины. Принесли ящик мин.

— Прицел... угломер... — теперь уже Комаров командовал. — Одной миной — огонь!..

Благодарственная грамота
1945 г.

ПОКА мы возились с минометом на новой огневой, обстановка на дороге кардинально изменилась. Немцы вдруг поднялись и двинулись на высоту, на которой находились наши машины, зенитная батарея, а за высотой — тыловые подразделения, в том числе и санчасть, куда увезли Коптева.

К счастью, атаковую цепь заметили не только мы. На КП батальона вовремя оценили все последствия неожиданной контратаки. У комбата гвардии майора Бетина под рукой оказался единственный офицер

— комсорг гвардии старший лейтенант Бедрин. Ему и отдан был приказ: собрать всех, кого можно, и бросить наперерез немцам. Подвернулись как раз минометная рота, только что перешедшая дорогу, да разведвзвод, охранявший КП.

С какой неопишуемой радостью увидели мы бежавших по полю людей. Это были свои, родные ребята.

— Быстро в цепь! — прокричал нам Бедрин.

Но еще раньше заметил опасность командир танко-десантной роты гвардии капитан Прудников, ожидавший атаки со стороны Могилева. Он быстро развернул роту в сторону правого фланга, а потом поднял автоматчиков навстречу выдвигавшимся от дороги немцам.

Наша сборная жидкая цепь оказалась метрах в двухстах позади роты Прудникова. Не знаю, как они восприняли нашу поддержку, но мы восприняли духом, продвигаясь следом за автоматчиками по пшеничному полю. Мы сближались с врагом. Никогда до этого я не участвовал в таком вот наступлении. Мы спускались с высоты и потому отчетливо видели приближавшихся немцев. Судя по характерным головным уборам с большими козырьками, это были егеря. Они шли молча. И навстречу

ХРОНОГРАФ

1 марта 1947 года на Горьковском машиностроительном заводе № 92 создано ОКБ машиностроения (начальник — генерал-майор-инженер А.С. Елян, главный конструктор А.М. Савин) с задачей разработки газодиффузионного метода обогащения урана. В 1949 году этому ОКБ поручена разработка проекта конструкции промышленного тяжеловодного ядерного реактора. В 1951 году первый промышленный реактор для наработки оружейного плутония начал работу на Комбинате № 817 в Челябинске. В конце декабря 1963 года Горьковское ОКБМ передано в ведение Минсредмаша.

3 марта 1942 года через газету «Московский большевик» работники средних школ, библиотек и детских садов Бауманского р-на г. Москвы обратились с призывом к учителям столицы отчислить однодневный заработок на строительство танковой колонны «Московский учитель».

4 марта 1807 года Александр I подписал указ о строительстве завода по производству холодного оружия на Урале (г. Златоуст). С 1817 года все холодное оружие изготавливалось только на этом заводе.

4 марта 1857 года родился Алексей Ермолаевич Эверт, генерал от инфантерии (1911). Окончил Александровское военное училище (1876), Академию Генерального штаба (1882). Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.,

Русско-японской войны 1904—1905 гг. С началом Первой мировой войны командующий 4 армией, с августа 1915 года — главнокомандующий армиями Западного фронта, в марте 1917 года уволен в отставку. Умер 10 мая 1926 года в г. Верея Московской области.

5 марта 1807 года по указу Александра I началось создание Ижевского оружейного завода, ставшего крупнейшим центром производства стрелкового оружия. Этот день считается датой основания завода. В годы Великой Отечественной войны завод выпустил 11,15 млн единиц стрелкового, противотанкового и авиационного оружия.

5 марта 1927 года в Ленинграде состоялась закладка первой серии советских подводных лодок типа «Декабрист» по проекту конструкторского бюро во главе с Б.М. Малининым, существенно отличавшихся от ПЛ дореволюционной постройки. Головная ПЛ «Декабрист» была спущена на воду 3 ноября 1928 года, вступила в строй 12 ноября 1930 года и вошла в состав Морских сил Балтийского моря. Всего было построено 6 лодок этой серии: «Декабрист», «Народоволец», «Красногвардеец», «Революционер», «Спартаковец», «Якобинец». Три первые с 21 августа 1934 года получили наименования Д-1, Д-2, Д-3, остальные с 15 сентября того же года — Д-4, Д-5, Д-6. Лодки успешно действовали в годы Великой Отечественной войны. Наибольших успехов добилась ПЛ Д-3 под командованием капитана 3 ранга М.А. Бибеева; по отечественным данным за 7 боевых походов было потоплено 9 кораблей и транспортных судов противника. За отличное выполнение боевых заданий, мужество и героизм экипажа ПЛ Д-3 17 января 1942 года была

Все даты приводятся по новому стилю

им так же молча, стиснув зубы от напряжения, шли наши автоматчики. Уже триста, двести метров разделяли эти две враждующие цепи. И тут, видимо, немцы заметили нас. Две атакующие линии против одной — это уже слишком.

Что-то вдруг сломалось в их строю. Они остановились, замерли в нерешительности, а потом повернули вспять и побежали. И тут дружное русское «ура» прокатилось над цепью автоматчиков — крики удали и торжества, сознания своей силы и уверенности в победе.

Мы достигли места, где утром преодолевали шоссе. За дорогой дымилась подбитая самоходка. На мостовой догнала машина, по которой мы совсем недавно вели огонь. Валялись на земле убитые немецкие солдаты. Увидели мы и своих минометчиков, сраженных вражескими пулями. Забрали части минометов, оставшиеся без хозяев.

На высоте, куда мы вернулись, узнали, что Могилев теперь в наших руках. Но были и плохие новости. Ранен командир роты гвардии капитан Парамонов. Он увел личный состав на более безопасный маршрут, а сам не уберегся от пули. Ранен Комаров. Почти в каждом расчете были убитые и раненые. Но все равно это была победа, потому что не

больше сотни немцев смогло проскочить из окруженного Могилева.

Между тем отдавшие, казалось, последние силы жестокому затяжному бою, размоленные поднимающимся над горизонтом июньским солнцем и короткой передышкой, мы повалились на траву... Увы, сон опять оказался недолгим. Его как ветром сдула команда «По машинам!».

Загрузили минометы. Заняли места в кузовах машин. И снова марш. Теперь мы двигались той самой выложенной булыжниками дорогой, преодоление которой далось нам дорогой ценой. Впрочем, и врагу здесь досталось сполна: дымилась его подбитые самоходки, горели изрешеченные пулями машины, на дороге и обочинах громоздились трупы... А вот и те, кто остановил отступающих на запад гитлеровцев. Покалеченная 76-мм противотанковая пушка. Вправо и влево от нее — тела артиллеристов и пехотинцев, непреодолимым заслоном вставших на пути врага.

Позднее мы узнали подробности последнего боя героев. Их было сорок семь плюс одно орудие, — все, что мог собрать командир истребительно-противотанкового дивизиона, когда получил приказ любой ценой задержать штаб фа-

шистской части, вырвавшийся под прикрытием танков и пехоты из Могилева. Сводную группу из 27 автоматчиков, 11 саперов и 9 артиллеристов возглавлял командир батареи Александр Самохвалов.

Они едва успели подготовить позицию, когда послышался гул моторов. Показались немецкий бронетранспортер, грузовик с пехотой и несколько мотоциклистов. Переехали мост. «Этих не трогать!» — распорядился Самохвалов. Минут через двадцать воздух задрожал от гула тяжелых машин. Впереди шли четыре штурмовых самоходных орудия «фердинанд». Когда первое въехало на мост, саперы взорвали его. Сопровождавшие штабные машины пехотинцы соскочили с грузовиков, открыли беспорядочную стрельбу.

Им ответили из укрытий наши автоматчики. Воспользовавшись неразберихой, орудийный расчет под командованием сержанта Здунова метким выстрелом подбил второй «фердинанд». Бой был короточен и жесток, и к концу схватки у орудия остались двое: Самохвалов заряжал, Здунов наводил и нажимал на спуск... Их-то, да еще красноармейца Иванова, живых, но израненных и находившихся в бессознательном состоянии,

награждена орденом Красного Знамени, а 3 апреля 1942 года получила гвардейское звание. Это был первый корабль ВМФ СССР, удостоенный таких высоких отличий.

11 марта 1897 года в г. Тарусе, ныне Калужской области, родился Михаил Григорьевич Ефремов, генерал-лейтенант (1940). На военной службе с 1915 года, в Красной армии с 1918 года. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе (1933). С началом Великой Отечественной войны командовал 21-й армией, Центральным фронтом, заместитель командующего Брянским фронтом, затем командующий 10-й и 33-й армиями. В ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции (8 января — 20 апреля 1942 года) противник отрезал силы 33-й А и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в районе Юхнова от основных сил Западного фронта. Во время прорыва части сил армии из окружения М.Г. Ефремов был смертельно ранен. Однако германское командование 25 апреля 1942 года распространило ложное сообщение о пленении командующего 33-й армией. Установить достоверность сообщения возможности не было, и только после освобождения от оккупантов территории восточной части Смоленской области удалось узнать следующее: в донесении И.В. Сталину 30 апреля 1943 года от командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенанта В.Д. Соколовского и члена военного совета фронта Н.А. Булганина говорилось: «Во время одного из боев в районе дер. Мал. Устье (9 км юго-западнее с. Захарово) генерал-лейтенант Ефремов был тяжело ранен (винтовочной пулей в

седалищную кость с мелкооскольчатыми ее переломами). Не имея возможности самостоятельно передвигаться, застрелился и был похоронен в дер. Слободка Знаменского района Смоленской области. Захоронен в могиле с деревянной оградой, оформленной постаментом и надписью на фанерной доске: «Здесь похоронен командующий 33-й армией генерал-лейтенант Ефремов. Пал в бою 19.04.42 г.». Затем состоялось вскрытие могилы. Труп был накрыт шинелью на меху из цигейки. Труп опознали: сын — старший лейтенант М.М. Ефремов; инспектор Политуправления Западного фронта — полковник З.Ш. Слепчик и начальник Особого отдела 33-й армии майор Г.Б.В.Ф. Блохин, знавшие покойного по совместной службе в войсках».

Позднее останки боевого генерала были перенесены в Вязьму. В 1946 году там ему воздвигнут памятник по проекту скульптора Е.В. Вучетича, а 31 декабря 1996 года М.Г. Ефремову посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

13 марта 1907 года в дер. Любки, ныне Городокского района Витебской области (Беларусь), родился Терентий Фомич Штыков, генерал-полковник (1944), в годы Великой Отечественной войны член военного совета ряда фронтов. В 1948—1951 гг. посол в КНДР, с апреля 1959 года посол в ВНР, с 1961 года председатель комиссии Государственного контроля Совета Министров РСФСР, с февраля 1963 года — на ответственной партийной работе. Умер 25 октября 1964 года.

и подобрали наши подоспевшие танкисты.

ГОВОРЯТ, мир тесен. Через год, когда война уже закончилась Победой, мне довелось встретиться с одним из защитников этого рубежа — Героем Советского Союза Василием Здуновым. Два года мы учились в одной роте Горьковского военно-политического училища имени М.В. Фрунзе. Я узнал, что звание Героя присвоено было и Александру Самохвалову. К сожалению, он погиб в другом бою еще до того, как вышел соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Но это было потом. А сейчас передовой отряд 49-й армии, основу которого составляла наша танковая бригада, ускоренным маршем двигался на запад, не встречая серьезного сопротивления, с ходу сбивая оказавшиеся на пути мелкие подразделения врага. И каждое место боя было, можно сказать, полем жизни и смерти.

Как-то наш батальон, усиленный танковой ротой, продвигался к широкой поляне, на которой сходились сразу три дороги. Этот перекресток и послужил причиной жестокой драмы, разыгравшейся здесь накануне. Когда мы вышли на опушку, перед нами во всем трагизме предстало поле недавней битвы. Подбитые вражеские бронетранспортеры, искореженные

взрывом наши пушки. Неподалеку от них еще дымились две «катушки», очевидно, взорванные своими расчетами. И всюду трупы и трупы немецких солдат. Хотя и было не до стихов, в памяти невольно всплыли пушкинские строки: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями».

По следам, оставленным здесь, нетрудно было воссоздать картину происшедшего. Очевидно, по одной из дорог на эту просторную поляну вышла наша артиллерийская часть. Она уже преодолела половину открытого пространства, когда показалась голова немецкой колонны, отступавшей по соседнему маршруту. Противоборствующие стороны заметили друг друга одновременно.

У пробивавшихся на запад немцев, преследуемых по пятам наступающими советскими войсками, не было другого выхода, как смять нашу артиллерийскую часть. Они шли напролом, расстреливаемые в упор, о чем свидетельствовали разбросанные вокруг фрагменты человеческих тел, разорванными прямыми попаданиями снарядов. Неизвестно, уцелел ли кто из них в этой стычке? Но наши, судя по всему, выстояли. На поле не было ни убитых, ни раненых наших воинов. Их могли подобрать только живые, те, кто одержал в этой схватке верх.

СТЯГОСТНЫМ чувством покидали мы поляну. Мне вспомнился невольно первый шок от подобной картины, который некогда довелось пережить. Это было осенью сорок третьего. Наш эшелон вчерашних курсантов, только что пополнивших в качестве рядовых боевую часть, прибыл на станцию Нежин. Это уже была прифронтовая зона. Ночью перед нашим приездом здесь хозяйничала немецкая авиация. А на путях по чьему-то головотяпству рядом с составом, груженным авиационными боеприпасами, задержался санитарный поезд. Бомба попала в товарняк. И вся его начинка сдетонировала, разметав в клочья поезд, заполненный ранеными.

К нашему приезду здесь уже навели какой-то порядок. Но мы еще застали огромную воронку от бомбы, доверху заполненную кровавой человеческой массой. Ужасная картина повергла нас, необстрелянных юнцов, в настоящий шок, когда не хотелось ни о чем ни думать, ни говорить. Искавшие романтику на войне, мы увидели ее с самой отвратительной стороны.

И все же я был не совсем точен, когда сказал о том, что в боевой обстановке не до стихов. Конечно же, выпадали минуты, когда даже те, кто

ХРОНОГРАФ

14 марта 1877 года в Санкт-Петербурге родился Алексей Алексеевич Игнатьев, граф, генерал-лейтенант (1943), военный дипломат, автор книги «50 лет в строю». Военный агент (атташе) России в Дании, Швеции и Норвегии. С 1912 года военный агент во Франции. После революции перешел на сторону советской власти и помог сохранить для СССР денежные средства России, вложенные на его имя в иностранные банки. С 1937 года инспектор и старший инспектор по иностранным языкам Управления военно-учебных заведений РККА, начальник кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии. С 1947 года в отставке. Умер 20 ноября 1954 года.

14 марта 1897 года в дер. Буда Бобруйской области (Беларусь) родился Александр Маркович Рабцевич, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1944). С 1925 года работал в органах госбезопасности. По линии внешней разведки в 1937—1938 гг. находился в Испании. За успешное проведение разведывательных операций и руководство разведотрядом республиканской армии был награжден орденом Красной Звезды. С июля 1942 года и до полного освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков руководил в тылу противника отрядом особого назначения «Храбрецы». Его отряд провел ряд крупных операций по разрушению коммуникаций противника и уничтожению его живой силы и техники в Могилевской, Гомельской, Брестской областях. Умер 11 апреля 1961 года.

15 марта 1907 года в г. Ярославле, на рабочей окраине, родился Леонид Константинович Бекренёв. Участник Гражданской войны в Испании, в годы Великой Отечественной войны возглавлял разведку Балтийского, затем Северного флота, позже занимал должность заместителя начальника ГРУ ГШ. Единственный моряк-разведчик, получивший звание адмирала (1967). В 1962—1969 гг. военно-морской атташе в США. Умер в 1997 году.

15 марта 1917 года в результате Февральской революции российский император Николай II подписал за себя и своего сына Алексея манифест об отречении от престола в пользу брата великого князя Михаила, который также отказался унаследовать трон. Форму правления в России должно было определить свободно избранное Учредительное собрание.

15 марта 1927 года началось строительство Днепрогэса — крупнейшей в Европе гидроэлектростанции по проекту И.Г. Александрова (1875—1936). 3 марта 1947 года после восстановления Днепрогэса был сдан в эксплуатацию первый гидроагрегат.

18 марта 1907 года в г. Балашов Саратовской области родился Аркадий Николаевич Аполлонов, генерал-полковник (1943). На военной службе с 1924 года. В пограничных и внутренних войсках с 1927 года. В 1939—1942 гг. заместитель начальника пограничных войск НКВД. В 1942—1948 гг. заместитель наркома внутренних дел СССР, одновременно начальник внутренних войск. В 1948—1951 гг. председатель Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта. В 1951—1953 гг. заместитель министра государственной безопасности СССР по войскам. Умер в 1978 году.

был совсем далек от поэзии, заслушивались поэтическими строками и жадно ловили после боя падающие в самую душу, будто капли живительной влаги на пересохшие от жары уста, проникновенные рифмованные фразы. Особенно когда произносил их Володя Голубев.

Он, как и я, ушел на фронт со школьной скамьи, и мы как-то быстро сблизились.

— Я о войне думаю так, — как-то разоткровенничался он. — Надо в бою, в сражении не только себя видеть, но и роту, батальон, бригаду, в которой ты воюешь. Да, кому-то суждено погибнуть, так сказать, преждевременно поле жизни перейти. Но, погибая, ты ведь делаешь то, что положено тебе, а другие продолжают твоё дело. В этом как раз и непобедимость армии. А если каждый начнет жалеть, щадить себя любимого?..

Что-то в словах его было. Вот когда меня ранило еще во время пребывания в 1-й гвардейской мотострелковой бригаде, пятерых этим же снарядами убило. Но они сделали свое дело, продвинулись в наступлении на 10—12 километров. А другие дальше пошли. Или отступавшие до Москвы. Они же отступали с боями, били немцев, отчего редели ряды наступавших. И если даже

кто ни одного фашиста не убил, он заставил его ползти под прицельным огнем, оккупываться, маскироваться, испытывать чувство страха, терять уверенность в своих силах. Каждый воевал по-своему, проживал свою войну, и каждому выпала в этой войне своя доля. Но никому не суждено ее знать наперед.

И стихов Володя знал великое множество, читая их прекрасно.

— Ты что — артист? — спросили как-то его.

— Какой там артист, — отмахнулся он. — Просто у нас дома пластинки были со стихами. Читали Качалов, Мордвинов, Яхонтов. Я слушал, потом подражать стал.

И он читал нам Пушкина и Лермонтова, Есенина и Блока, Генриха Гейне... Иные стихи мы и сами знали, но ведь учили их в школе в основном по необходимости, да и читали скороговоркой. Он же вкладывал в каждый стих частицу своей души. Оттенял то образ, то рифму, делал паузы. Все у него работало на выразительность — и мимика, и паузы, и жест руки. Я слушал его и думал: ему бы и впрямь учиться на артиста, литературу всерьез изучать, а он здесь, в землянке, теснится, а в бою голову свою умную под пули подставляет.

Он же, будто уловив мои мысли, как-то сразу стал серьезным и даже мрачным, думая о чем-то своем. Потом вдруг произнес:

— Хотите я вам серьезные стихи прочитаю?

Мы, конечно, хотели, и он начал медленно, печально:

*Я поле жизни перешел
И отдохнуть присел.
Там одуванчик мирно цвел
И жаворонок пел...
И так мне стало хорошо,
Что я забыл почти,
Что поле жизни перешел
И дальше нет пути...*

Стихи мне не были знакомы. Я повернулся к нему, чтобы спросить, кто это написал, но в глазах его увидел столько тоски, тревоги и боли, что невольно возникла мысль: не о себе ли пророчествует? Да он что? Это в девятнадцать-то лет «поле жизни перешел и дальше нет пути»? Откуда это у него? А впрочем, что значит — девятнадцать? Сколько их, наших сверстников, уже лежат в земле на полях сражений, пройдя отпущенный им фронтовой судьбой отрезок жизненного пути...

Володя Голубев тоже раньше времени перешел свое поле боя, выполнив до конца и с честью ратный долг.

*Полковник в отставке
В.И. ПОПОВ*

22 марта 1807 года во время Русско-турецкой войны 1806—1812 гг. русская Средиземноморская эскадра (6 кораблей и 1 фрегат) под начальством вице-адмирала Д.Н. Сенявина после непродолжительной бомбардировки, высадив десант, овладела турецкой крепостью на о. Тенедос.

24 марта 1877 года в с. Матвеевское, ныне Сасовского района Рязанской области, родился Алексей Силыч Новиков-Прибой (настоящая фамилия Новиков), писатель-маринист. В 1900—1906 гг. служил на Балтийском флоте, на броненосце «Орел» участвовал в Цусимском сражении 1905 года, был в плену у японцев. По возвращении на родину активно занимался революционной пропагандой, несколько лет жил за границей. Его лучшее произведение-эпопея «Цусима» в 1941 году удостоена Государственной премии. Умер 29 апреля 1944 года.

25 марта 1942 года проживавший с 1918 года в США выдающийся русский композитор, пианист, дирижер С.В. Рахманинов (1873—1943) переслал в Фонд обороны СССР сбор от нескольких своих концертов с припиской: «От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом».

26 марта 1942 года секретариат Московского городского комитета ВКП(б) на своем заседании рассмотрел вопросы «О ходе выполнения постановления ГКО по производству пистолетов-пулеметов Шпагина (ППШ) на заводе счетно-аналитических машин Народного комиссариата минометного вооружения», «О состоянии массового индивидуального и коллективного

огородничества», «Об увеличении выпуска хозяйственного мыла и стиральных препаратов предприятиями местной районной промышленности и артелями Мосгорхимсоюза»; также были рассмотрены вопросы о производстве столовой посуды на предприятиях Мосгорисполкома на второй квартал 1942 года, причем строго регламентировалось ее количество: тарелок и мисок суповых — 276 тыс. штук; сковородок — 55 тыс.; кружек металлических 215 тыс.; ложек столовых — 730 тыс.; ножей — 100 тыс.; вилок — 200 тыс. штук.

28 марта 1912 года в Москве родилась Марина Михайловна Раскова (Малинина), майор (1942), Герой Советского Союза (1938), летчик-штурман, в годы Великой Отечественной войны командир авиагруппы по формированию женских авиаполков, командир 125-го женского авиационного полка. Погибла 4 января 1943 года при выполнении служебных обязанностей. Урна с прахом М.М. Расковой покоится в Кремлевской стене.

31 марта 1942 года в газете «Труд» опубликовано сообщение, что за 8 месяцев войны партизаны Ленинградской области уничтожили более 16 тыс. солдат противника, 640 офицеров, 3 генералов, взяли в плен более 100 солдат и 11 офицеров, организовали крушение 114 поездов.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ*

Проверка
качества
снарядов

В связи с нараставшей угрозой нападения на СССР фашистской Германии оборонная промышленность страны в предвоенное время, как показывают исследования, развивалась примерно в три раза быстрее, чем все остальные отрасли. Увеличивалось и производство боеприпасов. Но поскольку ежегодный заказ на них тоже возрастал, то Совет народных комиссаров (СНК) для более полного и непрерывного обеспечения войск наметил дополнительные меры, в частности развитие сети соответствующих предприятий в Центральном промышленном районе, на Урале, в Сибири и других регионах Союза. Особенно увеличились эти производственные мощности за три последних предвоенных года¹.

ВЫПУСК боеприпасов осуществлялся на основе широкой кооперации. К 1941 году только изготовлением корпусов снарядов занимался 171 завод, при этом 155 предприятий входили в состав гражданских наркоматов и лишь 16 — в состав Народного комиссариата боеприпасов (НКБ); взрыватели, дистанционные трубки и средства воспламенения изготовлялись на 31 предприятии НКБ и на 25 заводах гражданских наркоматов². Техническая реконструкция промышленности и расширение производственной базы в интересах оборонных задач позволили увеличить с 1933 по 1940 год выпуск, к примеру, снарядов в 7 раз³.

Вместе с тем возможности промышленности не позволяли полностью удовлетворять растущие запросы военного ведомства, из-за чего Госплан СССР вынуждено сокращал заявки Народного комиссариата

ПРОИЗВОДСТВО БОЕПРИПАСОВ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ. 1937–1941 гг.

Доставка
боеприпасов
на огневую
позицию

обороны (НКО) на поставку боеприпасов. Более того, фактические поставки их по большинству номенклатур были еще меньше. Если боеприпасы мелких калибров в предвоенные годы поставлялись в объеме 80 проц. плана производства, то средних калибров — около 60, а крупных — немногим более 30 (см. табл. 1).

Одна из основных причин невыполнения планов текущих заказов по всем видам производства, повторявшаяся ежегодно, — задержка утверждения этих планов на очередной год и заключение договоров с заводами с большим опозданием⁴. В связи с этим заводы несвоевременно обеспечивались необходимыми материалами, а их работа в первом квартале всегда характеризовалась низкими показателями. Часто в первые месяцы трудового цикла они не имели даже конкретных цифр по поставке продукции, из-за чего вся тяжесть выполнения заказов переносилась на третий и особенно на четвертый квартал года, когда незначительные задержки в производстве резко снижали общий процент выполнения годового плана.

Немалую роль в невыполнении намеченного играли отсутствие стабильного технологического процесса на большинстве заводов, введение новшеств в этот процесс без достаточных анализа и проверки, а также низкие производственно-технологическая культура и дисциплина, резко снижавшие производственные возможности заводов. На выполнении плана заказов отражалось и отсутствие необходимой инструментальной базы на заводах (в ряде случаев в стране в целом), что не только сдерживало освоение новых производств, но и сказывалось на деятельности имевшихся⁵.

Происходившие недочеты и срывы приводили к систематическому невыполнению государственных заданий оборонной промышленностью⁶. Так, работы по снаряжению снарядов рассчитывались всего на 165 млн выстрелов, т.е. на 75 проц. от соответствующей заявки, по порохам — на 136 млн (62 проц.), по гильзам — на 108 млн (49 проц.), по взрывателям и трубкам — на 72 млн выстрелов (33 проц. заявки)⁷. А ведь именно эти показатели (производство взрывателей, трубок, гильз, порохов, взрыв-

Таблица 1

Выполнение планов производства боеприпасов в Советском Союзе в предвоенные годы (тыс. штук и проц.)

Годы	Плановые показатели	Калибр боеприпасов		
		Мелкий	Средний	Крупный
1937	заказ	5800	3005	35
	фактическое выполнение	3091	1780	13
	выполнение в проц.	54	59	34
1938	заказ	8000	7580	80
	фактическое выполнение	7225	5160	44
	выполнение в проц.	90	68	55
1939	заказ	9710	14955	460
	фактическое выполнение	7778	8959	85
	выполнение в проц.	80	60	18
1940	заказ	8400	12427	475
	фактическое выполнение	6667	6769	198
	выполнение в проц.	81	62	42

Составлено по: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 81. Оп. 12076. Д. 11. Л. 16.

чатых веществ) представляли собой наиболее «узкое» место снарядного производства.

СЕКРЕТАРИАТ Комитета обороны, орган СНК СССР, проанализировав ситуацию, признал необходимым определить промышленности на 1939 год еще меньшее задание — 111,6 млн выстрелов (47 млн малого, 63,8 среднего и 0,8 млн крупного калибров). Но так как это решение было принято в июне, то план необходимых поставок составили лишь на вторую половину года в размере 53 млн выстрелов (22 млн малого и 31 млн среднего и крупного калибров). Правительство утвердило этот усеченный план (МП-1) 3 августа 1939 года⁸.

Вместе с тем имеющиеся небольшие возможности промышленности, в частности выпускающей боеприпасы, частично выявились во время Советско-финляндской войны. В четвертом квартале 1939 года часть предприятий, производивших вооружение и боеприпасы, была переведена на работу по особому графику⁹, в связи с чем квартальный план промышленных поставок военной продукции увеличился. Но поскольку промышленность не смогла его выполнить, то произошло отставание с выполнением военных заказов, в том числе и по боеприпасам. Так, план поставок орудий был вы-

полнен на 95 проц., минометов — на 34, винтовок — на 85; по выстрелам к орудиям наземной артиллерии с заданием справились на 31 проц., к минометам — на 34. Причем уровень производства снарядов в декабре 1939 года был таким же, как и в октябре, а по минам даже на 10 проц. ниже¹⁰. Введенный затем в действие упоминавшийся план МП-1 за 2,5 месяца Советско-финляндской войны был выполнен по боеприпасам всего на 24 проц.¹¹

Развертывание промышленности, нацеленной на выпуск военной продукции во время ведения боевых действий, происходило чрезвычайно медленно и с большими перебоями главным образом по вине транспорта, который был загружен оперативными перевозками и не обеспечивал своевременной подачи промышленного сырья. Последнее обстоятельство свидетельствовало о нехватке на предприятиях необходимого сырья и нужных материалов, о недостаточной продуманной работе по предвари-

тельной подготовке сырьевых запасов. Было вскрыто немало и других существенных упущений, устранение которых полностью в оставшееся до начала Великой Отечественной войны время уже не представлялось возможным.

Заявка на 1940—1941 годы предусматривала мероприятия по экономии дефицитных видов сырья и материалов: поставку выстрелов с гранатой сталистого чугуна вместо стальной, с железной гильзой вместо латунной. Кроме того, были установлены и сравнительно небольшие нормы поставок новых орудийных гильз от промышленности, а сборку выстрелов, поступающих без гильз, регламентировал комплекс мероприятий, которому предстояло обеспечивать сбор и возврат стреляных гильз, но который вступил в действие только в 1942 году. Впрочем он оказался весьма эффективным средством по экономии меди, цинка и производственных мощностей гильзовой промышленности¹².

По получении в июле—августе 1940 года очередной заявки мобилизационно-плановый отдел Комитета обороны при СНК СССР провел ряд совещаний по ее рассмотрению и уточнению, завершив работу к 9 сентября. Но так как подкомиссии Комитета намечали объем производства, исходя не столько из учета имеющихся мощностей, сырья и полуфабрикатов, сколько из расчета потребностей войск на случай войны, то возникли значительные расхождения с промышленностью, которая оспаривала доведенные до нее задания на производство элементов боеприпасов в установленных объемах¹³. Вообще-то многие осознавали необходимость в предварительном наращивании мощностей металлургической, химической, пороховой и

ЗА ДВА предвоенных года возможности промышленности, нацеленные на оборонные задачи, не только не возросли, но даже значительно уменьшились. Они, по сути дела, оставались на уровне 60—70 проц. от программы 1939 года

капсюльной промышленности, что не могло быть делом одного дня и требовало значительных капиталовложений.

После довольно длительных дискуссий промышленность приняла на себя обязательные обязательства по поставке комплектных боеприпасов в 1941 году (см. табл. 2). Анализируя эти обязательства, можно сделать вывод, что почти за два предвоенных года возможности промышленности, нацеленные на оборонные задачи, не только не возросли, но даже значительно уменьшились. Они, по сути дела, оставались на уровне 60—70 проц. от программы 1939 года¹⁴.

Таблица 2

Плановая поставка комплектных боеприпасов на 1941 год

Наименование выстрелов	Количество, тыс. штук
Артиллерийских малого калибра	28 650
Артиллерийских среднего калибра	48 130
Артиллерийских крупного калибра	542
Всего	77 322
Минометных	36 315

Составлено по: Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Тула, 1977. Т. 1. С. 236.

Имеющиеся в наличии и поставляемые промышленностью запасы как материальных средств, так и боеприпасов, в предвоенные годы подразделялись по видам (текущего снабжения, неприкосновенные — НЗ, мобилизационные — МЗ) и по предназначению (войсковые — полк, дивизия, оперативные — армия, фронт, находящиеся в ведении центра).

Нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко в докладе, представленном в ЦК ВКП(б) в марте 1941 года¹⁵, отмечал, что развитие мощностей производства боеприпасов осуществляется крайне неудовлетворительными темпами и резко отстает от развития армии и роста ее потребностей на военное время. Он также указывал, что в связи с формированием новых артиллерийских частей, увеличением количества механизированных войск и авиации потребность в боеприпасах непрерывно росла, а поставка их промышленностью в отдельные годы не только не увеличивалась, но даже уменьшалась. В июне того же года СНК СССР и

ЦК ВКП(б) приняли специальное постановление о мерах по развертыванию производства боеприпасов во втором полугодии 1941 и в 1942 гг.¹⁶, однако намеченные мероприятия в полном объеме реализованы не были не только в связи с начавшейся войной, но и с общим недостаточно развитым уровнем народного хозяйства.

Таким образом, имевшиеся в предвоенные годы предприятия Наркомата боеприпасов представляли собой недостаточную базу для развертывания массового производства выстрелов в военное время. Мощности их не обеспечивали возросших потребностей Красной армии, рост же этих мощностей ограничивался отсутствием необходимых производственных площадей, изношенностью оборудования, недостаточной обеспеченностью сырьем, инструментами, измерительными приборами и т.п.

Потребные объемы боеприпасов, исчисляемые Генеральным штабом и Главным артиллерийским управлением (ГАУ) Красной армии, должны были быть накоплены в военных округах к 1 октября 1940 года¹⁷. Но, не дожидаясь этой даты и еще раз уточнив свои прежние расчеты, Генеральный штаб в сентябре того же года разработал план накопления боеприпасов с учетом из прогнозируемого наличия и сокращения перевозок в предполагаемый мобилизационный период, а также конкретного состава вооружения действующей армии.

Накопить, переместить и разместить установленные запасы боеприпасов в относительно короткие сроки было очень трудно, поэтому планом предусматривалось довести запасы до 1 мая 1941 года лишь в пределах 65 проц. от нормы. Из общего количества 13,6 тыс. вагонов, которые предполагалось подать в оставшиеся четыре месяца 1940-го, 6,5 тыс. предназначались для возможного Западного театра военных дей-

ствий, 3,2 тыс. — для Прибалтийского и 2,2 тыс. — для Юго-Западного, в то время как на долю остальных пяти предполагаемых театров военных действий оставалось лишь 1,7 тыс. вагонов¹⁸. Таким образом совершенно четко намечались основные предполагаемые стратегические направления боевых действий на случай войны.

В натуральном выражении запасы боеприпасов на театрах условных военных действий приведены в таблице 3.

Таблица 3

Предварительная обеспеченность Красной армии артиллерийскими и минометными выстрелами на 1 января 1941 года

Условные стратегические направления	Потребность в выстрелах, тыс. штук	Наличие выстрелов, тыс. штук	Обеспеченность выстрелами, проц.
Северное	14 727	6890	47
Прибалтийское	14 268	5932	42
Западное	37 836	15 639	41
Юго-Западное	34 870	16 358	47
Закавказское	12 744	4899	38
Среднеазиатское	4245	1469	35
Забайкальское	14 905	6344	43
Дальневосточное	13 544	10 704	79

Составлено по: ЦАМО РФ. Ф. 13. Оп. 137145. Д. 26. Л. 70, 71.

Анализируя данные таблицы 3, следует уточнить, что из общего количества имевшихся в наличии выстрелов (62,3 млн. шт.) лишь 8,3 млн (13 проц.) находились на центральных базах ГАУ, а остальные 54 млн планировалось сосредоточить в войсках¹⁹. Отсутствие запасов в резерве центра отчасти объяснялось острым недостатком складских емкостей. Так, по состоянию на 1 января 1941 года емкости центральных баз ГАУ составили лишь 53 проц. потребности войск²⁰.

Решая особо важную проблему в преддверии надвигающейся войны, Генеральный штаб при расчете обеспечения операций фронтов боеприпасами в первые два месяца возможных боевых действий исходил из шести дней напряженного боя (ДНБ) в каждом месяце. Полученные в результате этих расчетов лимиты расхода боеприпасов по каждому фронту должны были служить лишь для оперативных расчетов (за фронт). В пределах численной по этим нормам потребности фронтам надлежало производить распределение боеприпасов между армиями, а по-

следним — между дивизиями в зависимости от важности решаемых объединениями и соединениями задач, и доводить до исполнителей расчетные лимиты, выраженные в боекомплектах (бк).

Предположительные нормы расхода боеприпасов на ДНБ в феврале 1941 года также были пересмотрены. Сравнивая их с аналогичными нормами, разработанными в 1939-м, следует указать на существенное увеличение новых норм (до полутора раз), что в основном связано с попыткой учета опыта финской кампании. 16 апреля 1941 года они были представлены Генеральным штабом Красной армии заместителю председателя СНК СССР Н.А. Вознесенскому и больше до начала Великой Отечественной войны не пересматривались.

ПО СОСТОЯНИЮ на апрель 1941 года для доведения запасов до установленных норм не доставало 104 млн. шт. снарядов и мин

По состоянию на апрель 1941 года для доведения запасов до установленных норм не доставало 104 млн. шт. снарядов и мин²¹. В связи с принятыми решениями о накоплении в первую очередь запасов боеприпасов в приграничных округах, ресурсы центра были незначительные.

С учетом неотправленных войскам расчетных поставок, наличие боеприпасов к началу войны на центральных артиллерийских базах и складах выглядело так: выстрелов к 76-мм и 85-мм зенитным орудиям — в среднем не более 0,3 бк; к 37-мм — 1,0 бк; к «ходовым» 45-мм и 76-мм полковым пушкам наземной артиллерии — 0,5—0,6 бк, к 152-мм гаубицам-пушкам и 203-мм гаубицам — до 3,8 бк, к 107-мм пушкам (их наличие в войсках было незначительным) — 20,3 бк²². При этом основной объем запасов, содержащихся в центре, к 76-мм дивизионным пушкам, 122-мм гаубицам и 152-мм гаубицам-пушкам составляли выстрелы, поступившие от промышленности в элементах и находящиеся на сборочных базах.

Аналогичная ситуация сло-

жилась с минометными выстрелами: 0,3—0,8 бк по основным номенклатурам и 8,8 бк по выстрелам к 107-мм минометам, наличие которых в войсках также было незначительным²³. Да и обеспеченность войск патронами к стрелковому оружию требовала улучшения. Их запасы были такими: 7,62-мм винтовочные (к винтовкам, карабинам и пулеметам) — 2,1 бк, 7,62-мм револьверные и пистолетные — 0,6 бк, 12,7-мм — 0,1 бк. Наличие же ручных гранат было совсем незначительным — 0,01 бк²⁴.

Всего ресурсов центра, решение на обеспечение войск которыми могло быть принято командованием Красной армии, не превышало 900 вагонов, причем часть из них (наиболее востребованная, как по-

кадровую ситуацию и недостаточную промышленную базу, ГАУ удалось создать минимально необходимые запасы боеприпасов для военных округов, оказавшихся впоследствии на острие вражеских ударов. Вместе с тем отсутствие достаточных запасов боеприпасов в резерве центра для оперативного реагирования на ситуацию и возможностей промышленности по резкому увеличению объемов производства, длительный цикл поставки боеприпасов войскам потребовали от центральных органов военного управления принятия с началом войны соответствующих организационных усилий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вернидуб И.И. На передовой линии тыла. М.: ЦНИИИТИКПК, 1994. С. 207.

² Там же. С. 230—232.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8418. Оп. 25. Д. 141. Л. 116—121.

⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 81. Оп. 12076. Д. 11. Л. 20—35.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 25. Д. 141. Л. 118—122.

⁷ Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Под общей редакцией маршала артиллерии П.Н. Кулешова. М.; Тула, 1977. Т. 1. С. 201.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 203.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 235.

¹³ Там же. С. 236.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 28330. Д. 33. Л. 75—79.

¹⁶ Вернидуб И.И. Указ. соч. С. 231.

¹⁷ Волкотрубенко И.И. Анализ основных показателей по службе артиллерийского снабжения и некоторые рекомендации по опыту Великой Отечественной войны. М., 1973. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 11.

¹⁹ Волкотрубенко И.И. Указ. соч. С. 10.

²⁰ Там же. С. 137.

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 67. Оп. 4129. Л. 203—209.

²² Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 1. С. 256.

²³ Там же. С. 257.

²⁴ Там же. С. 258.

²⁵ Волкотрубенко И.И. Указ. соч. С. 139.

Полковник С.Н. АКСЕНОВ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДИОЛАБОРАТОРИЯ: У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ РАДИОВОООРУЖЕНИЯ. 1923–1929 гг.

В ходе военной реформы 1924–1925 годов наряду с преобразованиями в комплектовании, обучении и воспитании войск большое внимание уделялось перевооружению армии и флота. При этом решение вооруженческих задач шло как по линии военно-технического сотрудничества с развитыми странами Запада, так и по линии возрождения и наращивания отечественного научно-технического потенциала. В этой связи достойна внимания реализация в 1923–1929 годах высокотехнологического проекта по созданию в Петрограде Центральной радиолaborатории (ЦРЛ)¹ для разработки и организации серийного выпуска военных средств радиосвязи. ЦРЛ возникла на базе петроградского Электротехнического треста заводов слабого тока (ЭТЗСТ) и впоследствии была усилена за счет радиолaborатории Телеграфного завода им. Козицкого, Нижегородской радиолaborатории (НРЛ), а также Казанской радиобазы и Одесского радиозавода. Так было положено начало крупнейшему отечественному научно-исследовательскому учреждению в области радиотехники, внесшему серьезный вклад в дело укрепления обороноспособности страны.

Здание в Ленинграде по ул. Академика Павлова, где размещалась Центральная радиолaborатория

ПРОБЛЕМ перед созданной в ноябре 1923 года радиолaborаторией стояло много. Основная же заключалась в конструировании и организации серийного производства таких систем радиовооружения, которые по своим тактико-техническим данным не уступали бы зарубежным образцам. Для начала надо было унифицировать имеющееся радиовооружение, разработав с этой целью соответствующие тактико-технические требования (ТТТ). Этим в первую очередь и предстояло заняться сформированному в составе ЦРЛ военному отделу и его руководителю Александру Тихоновичу Углову. Это был не только выдающийся радиоспециалист, но и хороший организатор.

А.Т. Углов, окончив в 1910 году физико-математический факультет Казанского университета, с началом Первой мировой войны был призван в армию и направлен в Офицерскую электротехническую школу (ОЭШ) в Петрограде. После прохождения курса остался заведующим

радиокабинетом². На этой должности Углов способствовал продвижению передовой радиотехники в действующую армию. Именно он был одним из организаторов 1-го Всероссийского съезда военных радиотелеграфистов, в котором участвовало 232 делегата со всех фронтов³.

В ОЭШ начинали свою деятельность и большинство из ближайших сотрудников А.Т. Углова: А.В. Дикарев, З.В. Виткевич, К.П. Иванов и др. Весной 1918 года запасной электротехнический батальон и радиокабинет ОЭШ были эвакуированы из Петрограда⁴. Проработав некоторое время в должности заведующего Радиотехнической лабораторией, созданной в Москве на базе радиокабинета, А.Т. Углов в мае 1919 года назначается начальником 2-й базы радиотелеграфных формирований. Вместе с Дикаревым они перебираются вначале в Саратов, затем в Казань, где и была развернута радиобазы.

За время своего существования (1919–1923 гг.) радио-

база, по свидетельству начальника Управления связи РККА командарма 2 ранга И.А. Халепского, внесла решающий вклад в обеспечение действующей армии радиовооружением⁵. В радиолaborатории базы, которую возглавил А.В. Дикарев, за эти годы был выполнен большой объем исследовательских работ с целью удовлетворения насущных потребностей войск Красной армии в средствах радиосвязи⁶.

В начале 1923 года личный состав лабораторной группы и мастерских радиобазы был демобилизован. Осенью же по приглашению руководства ЭТЗСТ Углов с группой своих соратников переезжает в Петроград. Его группа образовала ядро военного отдела ЦРЛ⁷.

Условия, в которых начиналась работа военного отдела, были недостаточно благоприятными: непригодное помещение бывшего радиозавода, нехватка оборудования. Так, только в феврале 1924 года была проведена линия электропитания в 3000 В. Недостаток в постоянном токе в 1500 В удалось покрыть случайно, благодаря динамо-машине, полученной в комплекте с английской авиационной радиостанцией. Два аккумулятора раздобыли в заводских лабораториях. Что касается полевой базы, то она располагалась на Комендант-

ском аэродроме и представляла собой не что иное, как старый упаковочный ящик от самолета, который когда-то получила размещавшаяся на аэродроме школа летчиков-наблюдателей. В июне 1924 года военный отдел ЦРЛ был переведен⁸ на Радиотелеграфный завод им. Коминтерна⁹, где условия были значительно лучше. К зиме 1924 года на Комендантском аэродроме в бывшей водонапорной башне удалось оборудовать специальное помещение¹⁰.

Первый год деятельности сотрудников военного отдела был использован для подбора специалистов, их ознакомления с проблемой и обучения, испытания схем приемников и передатчиков для изучения возможности их использования в полевых радиостанциях¹¹.

З.В. Виткевичем и А.В. Дикаревым проводились работы по изучению коротких волн (КВ) и возможности их применения для связи между самолетами-истребителями. Были разработаны несколько образцов радиостанций, а в конце лета 1924 года проведены успешные летные испытания. В начале зимы 1924/1925 года опыты по применению КВ начались и на земле¹². Кроме того, ставились опыты по применению рамочной антенны¹³. Это было новое направление в технике связи, позволявшее существенно облегчить обеспечение дуплексной связи¹⁴. В январе 1925 года с положительным результатом прошли полевые испытания.

Сотрудниками отдела были досконально изучены образцы военных радиостанций, полученных от французской компании (Compagnie generale de L'Electricite) на основании заключенного в июле 1923 года между нею и ЭТЗСТ договора о технической помощи. Было исследовано в общей сложности 10 типов французских радиостанций, при этом выяснилось, что их простое копирование нецелесообразно. Во-первых, станции в большинстве своем представляли собой если и не устаревшие, то отнюдь не последние достижения в области радиотехники. Во-вторых, промышленно-технические особенности изготовления этих станций за границей не позволяли механически переносить их на отечественное производство.

А.Т. Углов

А.В. Дикарев

З.В. Виткевич

И, в-третьих, импортные радиостанции зачастую не соответствовали ТТТ, которые выдвигали перед трестом военные заказчики. Тем не менее опыт изучения станций был очень ценен¹⁵.

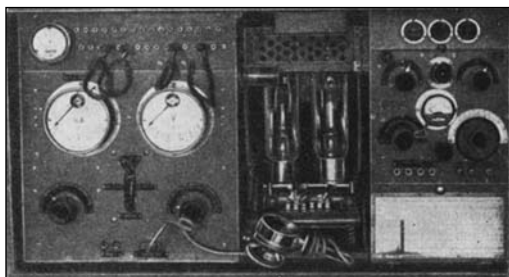
Следует сказать, что первоначально разработкой заказов по военным радиостанциям в ЦРЛ занимался отдел, который возглавлял помощник начальника лаборатории по технической части В.Д. Тейковцев¹⁶. Именно под его руководством была осуществлена разработка пехотных станций и начаты работы над артиллерийскими станциями¹⁷. Однако уже к августу 1924 года отдел, возглавляемый Угловым, настолько окреп, что все заказы на разработку военных радиостанций сосредоточились в нем¹⁸.

В ДЕКАБРЕ 1924 года техническим комитетом Военно-технического управления (ВТУ) Управления снабжения РККА были выработаны окончательные ТТТ на разработку образцов военных радиостанций малой мощности. А 30 декабря 1924 года между ВТУ и ЭТЗСТ были заключены четыре договора на разработку и изготовление образцов радиостанций восьми типов: для штаба кавалерийского полка и кавалерийской дивизии (станции получили шифры — ЛУГА-1 и ЛУГА-2 соответственно); для командира артиллерийского полка, артиллерийской батареи, наблюдательного пункта и личного состава наблюдательного пункта (шифры — ГОРА-4, ГОРА-3, ГОРА-2, ГОРА-1); для штаба стрелкового полка (шифр — ПОЛЕ); пеленгаторная станция (шифр — КОЛ).

В январе 1925 года военный отдел ЦРЛ приступил к работам по выполнению этих заказов. В

условиях развернувшихся работ существенную роль сыграла командировка А.Т. Углова в Германию и во Францию в феврале—марте 1925 года. Основной целью этой поездки стало ознакомление с производством радиостанций малой мощности. В Берлине Александр Тихонович осмотрел заводы и лаборатории фирм «Лоренц», «Телефункен», «Хут», «АЕ9». Еще более результативной оказалась поездка в Париж на предприятия французской компании L'Electricite. От фирмы были получены динамо-машины и умформеры для малых военных станций, несколько типов радиоламп, а также конструкции приемников и пеленгаторов¹⁹.

Работа сотрудников военного отдела продвигалась достаточно быстро. В мае 1925 года конструирование радиостанций ПОЛЕ, ГОРА-1, ГОРА-2, ГОРА-3, ГОРА-4 и ЛУГА-1 было завершено. При этом были выявлены возможности широкой унификации²⁰ приемника и передатчика для радиостанций ПОЛЕ, ГОРА-1, ГОРА-2, ГОРА-3 и ГОРА-4. Вместе с тем избежать задержек не удалось. Основная причина заключалась в том, что в разрабатываемых станциях некоторые из важнейших агрегатов и составных частей были импортными. Сказывалась слабая техническая база отечественной промышленности. Наиболее остро стоял вопрос с динамо-машинами и умформерами. Кроме этого, в ходе дальнейших работ над всеми образцами возникла задержка в связи с отсутствием применяемого в рациях щелочного аккумулятора английской фирмы «Тюдор». Второй причиной являлась нехватка в военном отделе пер-

**Радиостанция 4Д
образца 1927 г.
Ведущий конструктор —
З.В. Виткевич**

сонала, что задерживало изготовление пеленгаторной станции КОЛ и дуплексных приспособлений к артиллерийским радиостанциям²¹.

Тем не менее 2 сентября 1925 года в тресте прошли первые испытания изготовленных радиостанций. Комиссия ВТУ пришла к выводу, что радиостанции в целом соответствуют ТТТ за исключением требования по массе (весу). Однако заказчик был вынужден пойти на это отклонение от первоначальных условий, так как состояние производства не позволяло устранить этот недостаток без существенного ухудшения остальных характеристик радиостанций. Между тем обстановка требовала как можно быстрее принять образцы²².

Несмотря на все трудности как организационного, так и производственного характера, к началу октября 1925 года изготовление всех образцов радиостанций, предусмотренных договорами от 30 декабря 1924 года, было завершено, и в течение октября они были сданы представителям ВТУ Управления снабжения РККА²³. Приказом по ВТУ от 25 ноября 1925 года было отмечено, что все изготовленные образцы радиостанций успешно прошли «полевые сдаточные испытания на связь вплоть до предельных расстояний». Согласно договору, через месяц после сдачи образцов полный комплект рабочих чертежей артиллерийских радиостанций был передан на Ленинградский телеграфный завод им. Козицкого, который в течение 2—3 месяцев выпустил по этим чертежам первую серию из 50 радиостанций. Это было началом снабжения Красной армии современной по тем временам аппаратурой радиосвязи²⁴.

В последнем квартале 1925 года — первом квартале следующего последовала целая серия договоров между ВТУ и ЭТЗСТ на разработку новых типов радиостанций для различ-

ных родов войск и звеньев управления. В начале 1926 года военный отдел ЦРЛ в тесном сотрудничестве с Радиотелеграфным заводом им. Коминтерна вел разработку 15 новых типов радиостанций, а завод получил заказы на изготовление более 1510 радиостанций образцово-серийного производства. Чтобы представить объем этих работ, необходимо сказать, что в это время в РККА на вооружение войск связи состояло всего около 180 станций²⁵. Такой рост объема конструкторско-исследовательских и производственных работ ЦРЛ и завода им. Коминтерна потребовал от руководства ЭТЗСТ принятия срочных мер по укреплению кадров и совершенствованию всей системы организационных и производственно-технических взаимоотношений лаборатории и завода.

Приказом правления ЭТЗСТ от 4 января 1926 года начальником ЦРЛ был назначен один из старейших деятелей отечественной радиотехники Николай Николаевич Циклинский²⁶. Уже через месяц он представил на имя директора-распорядителя треста докладную записку о положении в лаборатории и необходимых мерах по совершенствованию ее деятельности. Реакция со стороны руководства треста последовала немедленно: 9 февраля 1926 года издается приказ, четко определивший структуру специальных отделов ЦРЛ, расположенных на заводе им. Коминтерна: военного во главе с А.Т. Угловым, морского во главе с В.А. Гуровым и отдела специальных аппаратов (ОСА) во главе с А.Ф. Шориным. Теперь все три отдела в специальном и административном отношении подчинялись директору ЦРЛ, а в хозяйственном — директору завода. Руководству ЦРЛ вменялось в обязанность непосредственное техническое руководство деятельностью специальных отделов на заводе им. Коминтерна²⁷.

В январе—феврале 1926 года военный отдел был в сроч-

ном порядке пополнен новыми специалистами, в основном конструкторами и чертежниками. К марту 1926 года в его составе насчитывался 31 сотрудник инженерно-технического персонала и 12 рабочих, в том числе главный конструктор, 6 лаборантов-конструкторов, 2 лаборанта, 6 радиотехников²⁸.

28 марта 1926 года правлением ЭТЗСТ был издан приказ, согласно которому военный и морской отделы лаборатории в полном составе переведены на завод им. Коминтерна и передавались в ведение заводоуправления²⁹. Эта мера позволила устранить целый ряд трудностей, вытекавших из раздельного размещения самой ЦРЛ и ее спецотделов, устранила их двойственное положение, укрепляла, с одной стороны, промышленную базу самих отделов, а с другой — научно-исследовательскую базу радиозавода. Изменился статус и Углова — он стал техническим директором и уполномоченным по военным заказам радиозавода. На должность заведующего военным отделом был назначен А.В. Дикарев.

ИТОГОМ работы коллектива, возглавляемого А.Т. Угловым в период 1923—1928 годов, стала разработка и внедрение в серийное производство целого ряда радиостанций, составивших так называемую первую систему радиовооружения войск связи РККА. Это были станции: общевоинские: 1ВФ (ВА-ГОН, КЛАСС) — штаба фронта, 2Д (ЛЕС-3) — штаба армии, 3Д (ЛЕС-2) — штаба корпуса, 4Д (ЛЕС-1) — штаба дивизии, 5ДП (ПОЛЕ) — штаба полка;

кавалерийские: 21А (ШИНА-2) — штаба конной армии, 22Т (ЛУГА-3) — штаба кавалерийского корпуса, 23Т (ЛУГА-2) — штаба кавалерийской дивизии, 24ТВ (ЛУГА-1) — штаба кавалерийского полка;

артиллерийские: 31ДП (ГОРА-4) — артиллерийского полка, 32ДП (ГОРА-3) — артиллерийской батареи, 33ДП (ГОРА-2) — командира наблюдательного пункта, 34ДП (ГОРА-1) — передового наблюдательного пункта, стрелкового батальона;

аэродромные и самолетные: 11Д (РОВНО-1) — аэродром-

ная приемно-передающая, 12ПД (РОВНО-3) — аэродромная приемная, 13С (ВОЗ-4) — приемно-передающая для самолетов дальней разведки, 15С (ВОЗ-1) — приемно-передающая для самолетов-истребителей, 14С (ВОЗ-3) — приемно-передающая для самолетов ближней разведки, 15АС (ВОЗ-2) — приемная для самолетов-истребителей;

пеленгаторы 51ПД, 52ПД (КОЛ, ОТВЕС)³⁰.

Кроме того, в военном отделе были разработаны мощные автомобильные длинноволновые радиостанции для штаба фронта 1А (ШИНА-4), штаба армии 2А (ШИНА-3) и штаба стрелкового корпуса 3А (ШИНА-1), которые вошли уже во вторую систему радиовооружения (серийное производство началось в 1930 г.)³¹.

Если же говорить об объеме военного радиопроизводства ЭТЗСТ, то весьма красноречивую картину дают производственные программы тех лет. Программа 1927/1928 хозяйственного года предусматривала изготовление для ВТУ Управления снабжения РККА на заводе им. Коминтерна 36 типов радиостанций различных модификаций общей численностью 328 единиц, а также значительного количества другого радиовооружения³². На радиоаппаратном заводе им. Козицкого предусматривалось изготовление 170 самолетных радиостанций по образцам, разработанным в военном отделе ЦРЛ³³. Еще более впечатляющей была программа следующего 1928/1929 хозяйственного года. Только для одного завода им. Коминтерна она была определена более чем в 720 радиостанций серийного и образцово-серийного производства, а также 50 станций новых образцов, в т.ч. и в КВ диапазоне³⁴.

По мере роста числа заказов военного отдела все яснее ощущалось неудобство нахождения вблизи границы государства крупного центра военных радиоразработок. Работы отдела требовали частого выхода в эфир, что вызывало активизацию деятельности радиоразведки сопредельных стран. А.Т. Углову было поручено подготовить проект нового центра разработок военного радио. Проект был готов к концу 1928 года и утвержден

правительством. Решено было построить этот центр, получивший название Центральной военно-индустриальной радиолaborатории (ЦВИРЛ), в 12 км от Нижнего Новгорода. Для ускорения стройки под наблюдением автора проекта было решено перебросить военный отдел в Нижний Новгород немедленно с реорганизацией его в ЦВИРЛ. Реорганизация была проведена на основании приказа правления ЭТЗСТ от 10 января 1929 года, который определил в качестве начальной даты существования ЦВИРЛ 1 февраля 1929 года. Laborатории передавалась большая часть оборудования, а также значительная доля заказов бывшего военного отдела³⁵. В мае 1929 года около половины сотрудников военного отдела вместе с А.Т. Угловым уехали в Нижний Новгород³⁶.

Роль Александра Тихоновича Углова в развитии отечественной военной радиотехники чрезвычайно велика — его можно без преувеличения назвать создателем всей аппаратуры «лампового периода» военной радиосвязи в СССР, отвечающей тогдашним мировым стандартам. Как ученый Углов обладал широким кругозором в области физики и редкими способностями исследователя-экспериментатора. Как руководитель он пользовался всеобщим непререкаемым авторитетом и глубоким уважением подчиненных за неизменно одинаковое благожелательное отношение к сотрудникам вплоть до последнего разнорабочего, за его стремление помочь им не только в работе, но и в бытовых условиях. Вместе с тем отличительной чертой характера Углова была исключительная правдивость, абсолютная прямолинейность и вытекающая отсюда откровенность³⁷, что сослужило Углову плохую службу в его отношениях с руководством. Вот что по этому поводу пишет А.В. Дикарев: «При несогласии с правильностью решения своего начальника Углов неизменно и иногда резко возражал во имя справедливости, невзирая на неудовольствие начальника. Подписывая технические условия на поручаемые военным ведомством разработки новой аппарату-

ры, Углов никогда не соглашался на требования, которые он считал невыполнимыми при данном уровне техники или сроков, четко оговаривал в этом случае свое особое мнение»³⁸.

Еще одной характерной чертой Углова как руководителя было умение подбирать людей на каждый конкретный участок работы. Сам Углов осуществлял общее руководство разработкой всех радиостанций. Разработка приемников проводилась под руководством А.В. Дикарева, при этом самое активное участие в этих работах принимал радиотехник Л.В. Виткевич. Большинство передатчиков было разработано под руководством инженера З.В. Виткевича, который также отвечал за общую компоновку станций. Laborант-конструктор К.П. Иванов, обладая большими конструкторскими способностями, занимался разработкой питания станций. Вместе с З.В. Виткевичем он принимали участие в большинстве приемных испытаний разработанных в отделе радиостанций в качестве представителя laborатории. И.В. Довгвилло из командного состава радиочастей перешел в laborаторию Углова в 1925 году и занимался здесь разработкой пеленгаторных станций. Laborант-конструктор А.Г. Шмидт был блестяще подготовленным инженером, его специализацией были радиостанции для высших звеньев управления, прежде всего вагонные станции типа 1ВФ³⁹.

Большинство из этих специалистов последовали за своим руководителем в Нижний Новгород, и многие из них подверглись репрессиям в 1930-е годы. Сам Углов недолго руководил ЦВИРЛ. В конце 1930 года он был арестован, однако через 9 месяцев освобожден. Непродолжительное время он работал в измерительном отделе laborатории, затем два года начальником отдела на Нижегородском радиозаводе им. Ленина, а с 1933 года преподавал в горьковских вузах. В 1937 году Углова снова арестовали, а в 1938-м он был расстрелян⁴⁰.

Что касается ЦРЛ, то в 1930-е годы она претерпела несколько реорганизаций, два раза объединялась с радиозаводом им. Коминтерна в еди-

ные научно-производственные структуры (1930—1931 гг. — Центральная радиолaborатория — завод, 1935—1937 гг. — Комбинат мощного радиостроения). Лаборатория стала своего рода инкубатором, где «созревали», а затем передавались в промышленность радиотехнические предприятия, продолжавшие там выполнять роль самостоятельных лабораторий и производств⁴¹. Наиболее значительная часть подразделений ЦРЛ в 1937 году была объединена в НИИ-33, который, в свою очередь, в 1939 году стал Государственным союзным заводом № 327, призванным решать задачу оснащения войск связи РККА современными радиосредствами⁴². Из наиболее существенных военных разработок ЦРЛ 1930-х годов следует отметить вагонную радиостанцию 1ВФ различных модификаций (МИКСТ, РОМБ), а также радиостанцию РАТ, ставшую в годы Великой Отечественной войны единственным средством обеспечения радиосвязи Генерального штаба с фронтами.

22 июня 1941 года наша армия встретила с весьма слабым арсеналом радиовооружения. Однако все сделанное в предвоенные годы было не напрасным. Созданная в это время научно-производственная база, накопленный опыт по разработке, внедрению в производство и серийному выпуску радиосредств позволили в условиях военного времени в короткие сроки наладить обеспечение действующей армии всем необходимым для организации эффективного управления войсками. И ЦРЛ, как крупнейший научно-исследовательский центр, сыграла в этом немаловажную роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральная радиолaborатория в Ленинграде. [Очерк истории ЦРЛ — ИРПА] / Под ред. И.В. Бренева. М.: Сов. радио, 1973. С. 70.

² Пересыпкин И.Т. Военная радиосвязь. М.: Воениздат, 1962. С. 123.

³ Радиотехник. 1918. № 1. С. 11

⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ и ВС). Ф. 60р. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

⁵ Халетский И.А. Войска связи и их значение: Сб. статей / Под ред. Н.А. Коростылева. М.: Тип. Возд. Флота, 1924. С. 69.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 60р. Оп. 1. Д. 34. Л. 27.

⁷ Отдел был создан приказом по правлению треста от 22/23 ноября 1923 г. Первоначально он состоял всего из пяти человек: самого Углова, А.В. Дикарева, лаборантов З.В. Виткевича и К.П. Иванова, радиотехника П.Н. Гурова. Позже к ним присоединились делопроизводитель Н.А. Траскин, радиотехники Л.В. Виткевич (брат З.В. Виткевича), И.К. Румянцев и И.В. Довгилло, лаборант А.Н. Князев и токарь А.Л. Тукмачев. См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2205. Оп. 3. Д. 1. Л. 23.

⁸ Приказ по правлению ЭТЗСТ от 23 мая 1924 г.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 1321. Оп. 2. Д. 4. Л. 47.

¹⁰ Там же. Ф. 2205. Оп. 3. Д. 1. Л. 24.

¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 60р. Оп. 1. Д. 47. Л. 9.

¹² ЦГА СПб. Ф. 2205. Оп. 3. Д. 1. Л. 24.

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 60р. Оп. 1. Д. 34. Л. 25.

¹⁴ Дуплексная связь — двухсторонняя электросвязь между двумя пунктами, при которой в каждом из них передача и прием сообщений могут вестись одновременно.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 2205. Оп. 3. Д. 1. Л. 25.

¹⁶ Там же. Л. 23.

¹⁷ Там же. Ф. 945. Оп. 3. Д. 42. Л. 46.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Ф. 2205. Оп. 3. Д. 5. Л. 13.

²⁰ Там же. Ф. 945. Оп. 3. Д. 5. Л. 36; Ф. 2205. Оп. 3. Д. 1. Л. 44.

²¹ Там же. Ф. 2205. Оп. 3. Д. 1. Л. 44.

²² Там же. Д. 4. Л. 97.

²³ Там же. Д. 5. Л. 3.

²⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 60р. Оп. 1. Д. 93. Л. 5.

²⁵ Тележный Б.Г. Вклад института военной связи в создание военно-полевых ламповых радиостанций в России / Электросвязь. 2002. № 9. С. 44

²⁶ ЦГА СПб. Ф. 2205. Оп. 2. Д. 1. Л. 112.

²⁷ Там же. Д. 8. Л. 137.

²⁸ Там же. Л. 104.

²⁹ Там же. Д. 1. Л. 46.

³⁰ Там же. Ф. 945. Оп. 3. Д. 58. Л. 27.

³¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 61р. Оп. 2. Д. 8. Л. 7, 8.

³² ЦГА СПб. Ф. 945. Оп. 3. Д. 58. Л. 9.

³³ Там же. Л. 33.

³⁴ Там же. Д. 87. Л. 45, 63.

³⁵ Там же. Ф. 478. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

³⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 60р. Оп. 1. Д. 47. Л. 10.

³⁷ Там же. Д. 34. Л. 30.

³⁸ Там же. Д. 47. Л. 13.

³⁹ Там же. Д. 93. Л. 7.

⁴⁰ Там же. Д. 47. Л. 12.

⁴¹ Румянцев Н.Д. История одного радиозавода // Бюллетень электропромышленности Ленинграда. 1945. № 4. С. 46.

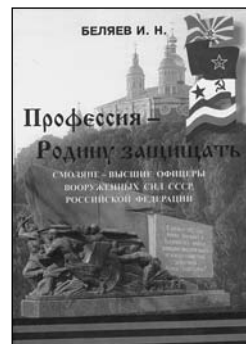
⁴² Михайлов В.А. Научно-исследовательский институт «Вектор» — старейшее радиотехническое предприятие России 1908—1998 гг. СПб.: НИИ «Вектор», 2000. С. 71

Подполковник
Т.В. АЛЕКСЕЕВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКА

Профессия — Родину защищать

Обложка
книги

ЭТА ОВАЯ книга* И.Н. Беляева о смолянах представляет собой энциклопедический справочник об уроженцах малой родины — высших офицерах Вооруженных Сил СССР, Российской Федерации, выбравших своей главной профессией, смыслом жизни защиту Отечества с оружием в руках. Она посвящена 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, тем, кто сражался с врагом в те суровые годы, а в послевоенный период укреплял оборонное могущество страны, защищал ее священные рубежи.

Первая книга под названием «На службе Отечеству: Смоленяне — военачальники, генералы, адмиралы» была издана еще в 1988 году. В ней было напечатано 170 биографических справок о военачальниках, высших офицерах. Во второй книге таких справок дано более 150.

Автором обеих книг является известный смоленский историк-краевед Иван Николаевич Беляев, заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный гражданин города-героя Смоленска.

Книга адресована всем, кто интересуется героическим прошлым и настоящим Смоленского края, для кого история малой родины — могучий источник вдохновения, силы и совести для осуществления жизненных планов во имя России.

* Беляев И.Н. Профессия — Родину защищать. Энциклопедический справочник. Кн. 2. Смоленск: Смоленская городская типография, 2005. 356 с.

А.Н. ЧАБАНОВА

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ РАДИОРАЗВЕДКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВМФ.

1895–1945 гг.

Период конца XIX – начала XX века характерен стремительным развитием вооружения и военной техники, а стало быть, и военного искусства. С появлением новых видов оружия и техники увеличилась боеспособность войск (сил), что способствовало решению более сложных тактических, оперативных и стратегических задач, изменению форм и способов вооруженной борьбы. Все это послужило толчком и к развитию военно-морского искусства. Появление новых классов кораблей, подводных сил, морской авиации, увеличение дальности поражения привело к расширению пространственного размаха вооруженной борьбы на море и необходимости организации взаимодействия разнородных сил, а значит, к совершенствованию системы управления. В полной мере это относится к такому элементу принятия решения, как оценка обстановки, включая оценку противника, т.е. разведывательная деятельность, одним из новых видов которой стала радиоразведка.

РЕВОЛЮЦИЯ в области управления силами флота произошла после изобретения радио в 1895 году служащим Морского ведомства России А.С. Поповым. Истоки этого успеха формировались в стенах

Минных офицерских классов в Кронштадте, основанных в 1874 году. Эти классы, а также функционировавшая при них минная школа Балтийского флота являлись первыми учебными заведениями, готовившими квалифицированных специалистов минного дела – будущих офицеров радиоразведки отечественного ВМФ. В стенах этих учебных заведений велись исследования в области электричества, магнетизма и электромагнетизма. В 1883 году преподавать в классах стал А.С. Попов, окончивший год раньше физико-математический факультет Петербургского университета. В 1895 году Попов с помощью изобретенного им грозоотметчика обнаруживал грозу на расстоянии 30 км. Таким образом, первым практическим применением радио было использование его как средства обнаружения и наблюдения грозы, молнии, мощного электрического излучения. Так зародился принципиально новый метод установления и поддержания энергетического контакта для связи, наблюдения и радиоразведки.

В марте 1896 года А.С. Попов продемонстрировал прием беспроводным телеграфом двух слов «Генрих Герц», переданных с расстояния 250 м. Существенный скачок в увеличении дальности и оперативности использования беспроводного телеграфа был вызван открытием возможности приема сигналов азбуки Морзе на слух с помощью телефонной трубки¹. С этого времени в области связи и наблюдения на флоте появились специалисты нового профиля – слухачи. Уникальная способность человеческого уха различать тона и оттенки звуков, выделять нужный при наложении звуков один на другой позволила решать задачи связи, наблюдения и разведки.

Через четыре года указанием Главного морского штаба при

Минных офицерских классах была организована телеграфная подготовка минных офицеров и телеграфистов рядового состава для кораблей, на которых устанавливались станции беспроводного телеграфа. Практическая подготовка проводилась на специально выделенных двух станциях минного отряда Балтийского флота и десяти станциях эскадры Черноморского флота.

По инициативе заведующего делом беспроводного телеграфирования в Морском ведомстве в октябре 1904 года минный отдел Морского технического комитета (МТК) вышел с предложением о введении во флоте специальности телеграфиста и об организации в минной школе Балтийского флота особого класса «для обучения теории и практике беспроводного телеграфа». Обучаться в этом классе должны были матросы, служившие на береговом телеграфе. При этом одновременно с докладом управляющему морским министерством был представлен целый пакет документов—проектов, среди них: «Положение о телеграфистах Морского ведомства», «Положение о классе для телеграфистов», «Программа класса телеграфистов по беспроводному телеграфированию». В докладе указывалось, что «обучение телеграфированию во флоте в том виде, как оно теперь поставлено, дает неудовлетворительные результаты»².

ВСЕ ЭТИ проекты были взяты за основу, несколько доработаны и в мае 1905 года «Положение о телеграфистах Морского ведомства» и «Правила о подготовке нижних чинов к званию телеграфистов» были одобрены Адмиралтейством советом. 13 июня последовало их высочайшее утверждение. Началась подготовка специалистов рядового и младшего командного состава по техническому обслуживанию и

практическому использованию станций беспроводного телеграфа для связи и наблюдения.

27 января 1904 года началась Русско-японская война. Идеи перехвата сеанса радиосвязи противника стали осуществляться на практике. 24 февраля 1904 года в командование флотом Тихого океана вступил вице-адмирал С.О. Макаров. 7 марта он издал исторический приказ № 27, который явился первым официальным документом в области радиоразведки. В короткий срок почти на всех кораблях и судах Тихоокеанской эскадры, оснащенных радиостанциями, было организовано совмещенное в свободное от связи время несение вахт разведки – радионаблюдение. Под Порт-Артуром к решению этой задачи привлекалась береговая радиостанция, расположенная в районе Золотой горы. С 8 мая 1904 года вахты радионаблюдения были оставлены только на флагманском корабле эскадры – броненосце «Цесаревич» и на береговой станции.

Однако усилия по спешному оснащению кораблей средствами радиосвязи ожидаемого эффекта не дали. Обусловлено это было целым рядом факторов, в частности отсутствием специалистов. Практически на всех кораблях, за редким исключением, радиоаппаратура обслуживалась нижними чинами, не имевшими подготовки в области беспроводной телеграфии.

В августе 1905 года все броненосцы и крейсера 2-й Тихоокеанской эскадры для работы на радиостанциях доукомплектовывались одним минным квартирмейстером и двумя минерами сверх установленного штата, полагавшегося для установки радиоаппаратуры. С этой же целью на миноносцы добавили по два минера³. Однако принципиально ситуацию это не изменило, поскольку в мирное время система подготовки таких специалистов только зарождалась, была нецентрализована, а потому с началом войны необходимым мобилизационным ресурсом в этой сфере деятельности флот не располагал.

Тогда во время стоянки в Либаве на эскадре из нижних чинов были организованы две группы для изучения беспроводного телеграфирования. Однако с выходом кораблей в море занятия в группах были прерваны. Теоретически длительный переход эскадры позволял организовать подготовку радиоспециалистов, но для этого нужны были подго-

товленные и имеющие опыт работы с радиоаппаратурой офицеры, а таковых не оказалось.

Тем не менее, радиоразведка сыграла положительную роль в ходе боевых действий. В войне впервые были применены элементы только что зарождавшегося в русском флоте вида разведки сил противника – перехвата радиопереговоров и определения места деятельности противника, а также дешифрование перехваченных радиogramм. Между тем результаты деятельности радиоразведки могли оказаться более значимыми, если бы не отсутствие специально подготовленного и назначенного только для ведения радиоразведки личного состава, а также нужного количества специалистов, владеющих иностранными языками и специалистами-криптоаналитиками.

ВХОДЕ военных реформ 1905—1912 гг. произошли серьезные изменения в системе военной разведки России⁴. Получили развитие и органы флотской разведки. 3 февраля 1907 года в Морском главном штабе (МГШ) слушался доклад об административном устройстве наблюдательных постов. Спустя месяц, 4 марта 1907 года, Николай II утвердил постановление о развертывании системы береговых наблюдательных постов и станций (БНПиС) «как органов Разведывательной службы флота». 15 мая 1908 года проект «Положения о береговых наблюдательных постах и радиостанциях» был представлен на утверждение⁵, и лишь 23 ноября 1909 года был подписан приказ № 310 по Морскому ведомству, который ввел в действие «Положение о береговых наблюдательных постах и станциях Морского ведомства»⁶.

Проведение военных реформ позволило оборудовать побережье Балтийского и Черного морей БНПиС, являвшимися структурными подразделениями Службы связи флотов, но по специфике деятельности замыкавшимися на разведку флота. Однако незавершенность реорганизации разведки не позволила добиться четкой организации разведывательной деятельности в операционных зонах флотов. Прежде всего отрицательно на деятельности БНПиС сказались двойное их подчинение, приведшее к совмещению функций связи и разведки, недостаткам управления и решения специальных задач⁷.

Причиной недостатков в деятельности разведки являлось и

то, что, несмотря на проведение реформ, система подготовки разведчиков не получила необходимого развития: курс разведки в академиях не читался (сведения по этой проблеме слушатели получали в курсе общей стратегии), недостаточны были языковые навыки офицеров-разведчиков, не хватало специальной литературы и учебных пособий⁸. Неразвернутой оставалась и специализированная подготовка радиоразведчиков. По-прежнему задачи радиоперехвата и радиопеленгования на флоте решал рядовой и младший командный состав Службы связи, прошедший трехмесячную подготовку на курсах радиотелеграфистов при минных школах в Кронштадте и Севастополе.

В таком состоянии Россия вступила в Первую мировую войну 1914—1918 гг., в ходе которой, несмотря на значительные достижения флотской радиоразведки, система подготовки кадров для этого передового вида разведки так и не была создана. Хотя уже в марте 1915 года начал функционировать самостоятельный орган – Радиостанция особого назначения, решавший только задачи радиоразведки, специалистов для работы в нем по-прежнему не готовили. Уроки Русско-японской войны 1904—1905 гг. оказались в этой области неучтенными: система подготовки специалистов радиоразведки не сложилась, а потому 1905—1917 гг. можно считать этапом ее зарождения в досоветский период. В эти годы появилась возможность комплектования органов радиоразведки специалистами, имеющими базовую радиосвязную (радиотелеграфную) подготовку и соответствующий опыт службы. В то же время специалистов-аналитиков и опытных руководителей разведывательной деятельностью не было.

К сожалению, в ходе восстановления и развития отечественного ВМФ в межвоенный период (1922—1941 гг.) подготовка специалистов радиоразведки сохранила досоветскую «связную» направленность: создаваемая система флотской радиоразведки структурно (до 1936 г.) оказалась в рамках Службы наблюдения и связи (СНиС) РККФ, радиоразведчиков отдельно не готовили и органы флотской радиоразведки комплектовали выпускниками Электроминной школы им. А.С. Попова, Школы связи ВМС РККА (впоследствии Училище связи ВМС РККА,

ВМУС им. Орджоникидзе, ВМИРЭ, ВМУ им. М.В. Фрунзе и т.д.

ПЕРВЫМИ элементами зарождавшейся в советском военно-морском флоте системы подготовки специалистов радиоразведки являлись организация в 1939 году при береговом радиоотряде (БРО) Тихоокеанского флота курсов радистов-переводчиков японской телеграфной азбуки, а также открытие в сентябре 1940 года для комплектования офицерскими кадрами системы флотской радиоразведки класса переподготовки на Высших специальных офицерских классах ВМФ (Ленинград)⁹. И те и другие прервали работу с началом Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Следует признать, что в рассматриваемый период система подготовки специалистов радиоразведки по-прежнему отсутствовала, качественные изменения в ее организации наметились лишь в подготовке офицерского состава, а потому период 1922—1941 гг. можно считать советским периодом этапа зарождения системы подготовки специалистов радиоразведки отечественного ВМФ.

С началом Великой Отечественной войны так же остро, как и проблема оснащения флота техническими средствами радиоразведки, встала задача подготовки способных вести радиоразведку операторов боевых постов. Вызвано это было необходимостью восполнения потерь личного состава и увеличением расчета сил и средств¹⁰, выделяемых для ведения разведки. В результате помимо решения оперативных задач в срочном порядке необходимо было обеспечить части радиоразведки личным составом, а значит, организовать его подготовку, т.е. в очередной раз приходилось в военное время ценной дополнительной напряженности сил и увлечения средств устранять недостатки, допущенные в военном строительстве России (СССР) в мирное время.

В большинстве береговых радиоотрядов (БРО) флотов (флотилий) проблема укомплектованности личным составом для выполнения поставленных задач решалась путем доукомплектования до штатной численности мобилизационным ресурсом и переходом на трехсменные, а иногда и двухсменные вахты в отличие от четырехсменных вахт режима мирного времени. Однако в условиях постоянной необходимости наращивания сил и средств разведки в ходе войны мобилизационный ресурс быстро иссяк, а ча-

сти радиоразведки ВМФ по-прежнему остро испытывали недостаток личного состава.

Для решения проблемы на Краснознаменном Балтийском флоте (КБФ) циркуляром начальника штаба КБФ от 16 сентября 1941 года на базе Военно-морской школы № 2 Ленинградского совета Осоавиахима было создано учебное заведение для подготовки радистов-разведчиков – Специальные радиокорсы разведывательного отдела КБФ (СРК РО КБФ)¹¹. Первоначально курсы предназначались для подготовки разведывательных групп радиоузла особого назначения (РУОН) и радиоинструкторов агентурных отделений. Ознакомившись с результатами подготовки первых выпускников в марте 1942 года, начальник 4-го отдела (радиоразведки) разведывательного управления (РУ) ГМШ ВМФ военинженер 1 ранга С.М. Магницкий¹² приказал организовать при РО флотов (флотилий) аналогичные курсы по подготовке радиоразведчиков и доукомплектовать их до штатной численности личным составом БРО флотов (флотилий)¹³. Это решение можно считать началом этапа становления, а период 1941—1942 гг. завершением советского периода этапа зарождения системы подготовки специалистов радиоразведки отечественного ВМФ.

Во исполнение приказа в апреле 1942 года на Каспийской военной флотилии в резервной школе в городе Махачкале было отобрано 35 учеников-радистов¹⁴, а в июле 1942 года начали подготовку 24 радиоразведчика из краснофлотцев-девушек¹⁵.

В 1942 году приступили к обучению радиоразведчиков и на СРК РО КБФ¹⁶. При наборе на курсы пришлось ориентироваться на добровольцев – рабочую молодежь ленинградских предприятий, студентов и учащихся средних школ, большую часть которых составляли девушки. Первые 20 девушек-радистов были направлены для прохождения службы операторами боевых постов радиоразведки БРО КБФ в октябре 1942 года. Вместе с тем привлечение к обучению девушек-добровольцев не могло полностью обеспечить возраставшие кадровые потребности радиоразведки. В этих условиях командование флотом разрешило принимать на курсы подростков. В апреле 1942 года на предприятиях Ленинграда и в ремесленных училищах были набраны 25 мальчи-

ков в возрасте от 13 до 15 лет, из которых сформировали учебную группу воспитанников.

Однако качество подготовки радиоразведчиков не всегда соответствовало требуемому уровню. Так, на Черноморском флоте ученики-радисты, прибывшие в БРО из Учебного отряда флота, прежде чем приступить к самостоятельному несению вахты радиоразведки, доучивались в составленной из них учебной группе¹⁷. В БРО КБФ окончательная подготовка радиоразведчиков проходила непосредственно на подвахтах, а затем – в процессе самостоятельного несения вахты¹⁸. Это объяснялось тем, что прибывавший из школы ученик-радист, как правило, мог принять лишь 80–90 знаков в минуту, а этого было явно недостаточно для быстрой подготовки к выполнению сложного задания¹⁹. Весь личный состав учеников-радистов, прибывавших в радиоотряд Беломорской военной флотилии, никакого представления о деятельности радиоразведки не имел. Подготовку радистов-разведчиков они полностью проходили в отряде²⁰. Наиболее качественная подготовка операторов боевых постов радиоразведки была организована в специальной группе при Учебном отряде Тихоокеанского флота, потому что там обучали радистов опытные старшины-инструкторы БРО ТОФ.

Отдельные элементы специальной подготовки радиоразведчиков отработывались в системе боевой подготовки. Так, в радиоотряде Каспийской военной флотилии в соответствии с программой боевой подготовки в 1943 году офицерскому составу на изучение иностранных языков отводилось 240 часов²¹. Для изучения опыта организации боевой подготовки в частях радиоразведки в декабре 1943 года был командирован начальник отделения радиоразведки РО штаба Тихоокеанского флота подполковник И.В. Гогуев. Он оценил организацию боевой подготовки в радиоотряде Северного флота как отработанную до мельчайших подробностей в отличие от организации боевой подготовки и офицерской учебы радиоотряда КБФ²².

Между тем исследование документов из фондов Центрального военно-морского архива показало, что организация боевой подготовки и на Северном флоте была не на высоте. Так, в приказе командующего Северным флотом вице-адмирала А.Г.

Головки от 9 февраля 1942 года указывалось: «В результате проверки состояния берегового радиопеленгаторного пункта (БРП) № 5 радиоотряда Северного флота было выявлено, что боевая подготовка с личным составом не проводилась с 22 июня по декабрь 1941 г.»²³. Столкнувшись с проблемой незнания радистами-разведчиками английского языка в радиоотряде КБФ пришли к выводу, что изучению иностранных языков радистами необходимо уделить особое внимание, для чего в будущем следует ввести в штат соответствующих преподавателей, а языковые занятия считать составной частью боевой подготовки²⁴.

В феврале 1944 года в разведывательном управлении ГМШ ВМФ были проведены сборы руководящего состава радиоразведки флотов (флотилий). Среди прочего обстоятельно был рассмотрен опыт подготовки специалистов радиоразведки в учебных центрах (отрядах) флотов (флотилий). Сознывая, что организовать качественную подготовку специалистов радиоразведки одновременно на всех флотах и флотилиях невозможно из-за нехватки обучающего персонала и отсутствия учебно-материальной базы, начальник РУ ГМШ ВМФ контр-адмирал М.А. Воронцов²⁵ принял решение сделать это централизованно. В результате циркуляром начальника ГМШ ВМФ от 22 сентября 1944 года СРК РО КБФ были выведены из подчинения РО КБФ, переподчинены начальнику РУ ГМШ ВМФ, переименованы в СРК ВМФ²⁶ и стали учебной базой для всей радиоразведки советского ВМФ.

ПО НОВОМУ штату в составе СРК ВМФ предусматривались пять учебных рот по 100 человек каждая, подразделение для подготовки старшин и офицерские классы. В ноябре—декабре 1944 года на курсы из флотских частей разведки прибыли офицеры и старшины, назначенные на должности преподавателей и инструкторов. Плановые занятия начались 1 декабря 1944 года. В четырех учебных сменах 1-й и 2-й рот обучали радистов для РУОН. В 3-й роте готовили радистов-катанистов для радиоразведки ТОФ, в 4-й и 5-й ротах – радиоразведчиков для БРО других флотов (флотилий).

В подразделении подготовки старшин обучение велось по группам: в одной обучались радиоразведчики для БРО (30 че-

ловек), в другой – радисты-связисты для РУОН (22 человека). Для подготовки офицеров-радиоразведчиков были сформированы три учебные группы: две готовили офицеров оперативно-го состава для БРО и одна – офицеров для РУОН. В одной из этих групп обучались офицеры, окончившие военно-морские училища, но не имевшие достаточного опыта службы в радиоразведке, две другие были укомплектованы офицерами без военно-морского образования и старшинами, служившими в БРО и РУОН флотов (флотилий).

Первый выпуск учеников-радистов (не менее 500 человек) и старшин (48 человек) СРК ВМФ состоялся в июне 1945 года, в офицерских группах – 23 сентября 1945 года. Приказом наркома ВМФ мичманам и главным старшинам, прошедшим полный курс обучения и успешно сдавшим государственные экзамены, было присвоено воинское звание младший лейтенант. Большинство выпускников назначалось на офицерские должности в оперативные отделения БРО флотов (флотилий), некоторые – на более высокие должности²⁷. Отметим, что в 1945 году отечественный военно-морской флот спустя немногим более 40 лет после появления радиоразведки на флоте, через 30 лет после создания первой флотской части радиоразведки и 20 лет после начала строительства радиоразведки в советском ВМФ впервые получил специально подготовленный для радиоразведывательной деятельности рядовой, младший командный и офицерский состав.

В декабре 1944 года был устранен существовавший долгое время еще один недостаток в обучении специалистов радиоразведки – отсутствие руководящих документов, определявших организацию их подготовки. Флоты получили долгожданное «Руководство по обучению радистов на кораблях и в частях ВМФ»²⁸, которое определяло подготовку и радистов-разведчиков.

Учитывая вышеизложенное, 1944/45 год можно считать завершением становления системы подготовки специалистов радиоразведки отечественного ВМФ: подготовка стала централизованной, охватывающей все категории военнослужащих, учитывающей потребности и особенности всех флотов (флотилий) и обеспечивающих подразделений (РУОН), была определена руководящими документами

подготовка радиоразведчиков в действующих частях и на кораблях. Таким образом, 1942—1945 гг. следует считать этапом становления системы подготовки специалистов радиоразведки отечественного ВМФ.

В заключении остается сказать, что обобщенный исторический опыт зарождения и становления системы подготовки специалистов радиоразведки отечественного ВМФ за 1895—1945 гг. позволяет выделить два этапа этого процесса:

1905—1942 гг. – этап зарождения системы подготовки специалистов радиоразведки отечественного ВМФ, включающий в себя два периода: досоветский (1905—1917 гг.) и советский (1922—1942 гг.); на этом этапе утверждён первый руководящий документ – «Правила о подготовке нижних чинов к званию телеграфистов» (1905 г.), органы радиоразведки укомплектованы кадрами с телеграфной (Минные офицерские классы, минные школы) и связной (Электромеханическая школа, Школа связи, Военно-морские училища) подготовкой без специализации, началась подготовка операторов-радиоразведчиков на специально созданных курсах при БРО ТОФ (1939 г.) и офицеров-радиоразведчиков при ВСОК ВМФ (1940 г.), радистов-разведчиков при СРК РО КБФ (1941 г.);

1942—1945 гг. – этап становления системы подготовки специалистов радиоразведки отечественного ВМФ, в процессе которого началась подготовка операторов-радиоразведчиков на курсах при РО (в учебных отрядах) всех флотов (флотилий), располагающих органами радиоразведки (1942 г.), дополнительная специальная подготовка в учебных группах при БРО флотов (флотилий) и в ходе боевой подготовки, создано первое учебное заведение для подготовки специалистов радиоразведки ВМФ (СРК ВМФ, 1944 г.) и осуществлено первое пополнение всей системы радиоразведки отечественного ВМФ выпускниками-специалистами (1945 г.).

Основным фактором, сдерживающим создание и развитие системы подготовки специалистов радиоразведки отечественного ВМФ, являлось отсутствие системного подхода в военном строительстве государства накануне Русско-японской, Первой мировой и Великой Отечественной войн, в частности, отсутствие комплексных научных (включая исторические) иссле-

дований опыта строительства и деятельности отечественной и зарубежной разведки, уроки и выводы из которых имеют практическую значимость при определении направлений и содержания военного строительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изобретение радио А.С. Поповым. М., Л.: Изд. АН СССР, 1945. С. 165, 166. ² Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 871. Л. 386—391.

³ Сборник приказов и циркуляров по 2-й эскадре флота Тихого океана за 1904 и 1905 год. Владивосток, 1905. С. 106.

⁴ См. подробнее: *Кикнадзе В.Г.* Строительство военной разведки России в ходе военных реформ 1905—1912 гг. // Судьбы реформ и реформаторства в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Коломна: КГПИ, 2006. С. 150—155.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 233. Л. 1; Ф. 610. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 (цит. по: *Биккенин Р.Р., Глуценко А.А., Партала М.А.* Очерки о связистах российского флота / Под ред. Ю.М. Кононова. СПб., 1998. С. 80, 103).

⁶ Морской сборник. 1910. № 1. Официальный отдел. С. 28—31, 34.

⁷ См. подробнее: *Кикнадзе В.Г.* Радиоразведка Российского флота в Первой мировой войне // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 144—152.

⁸ *Алексеев М.* Военная разведка России от Юрика до Николая П. М.: ИД «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1988. Кн. 2. С. 42—48, 85, 86.

⁹ Первый выпуск этого класса (8 человек), как и всех классов ВСОК ВМФ, в связи с началом Великой Отечественной войны состоялся на месяц раньше планового срока — в конце июня 1941 г. (Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 5875. Оп. 25. Д. 1. С. 20).

¹⁰ Приказом начальника разведывательного управления (РУ) ВМФ от 9 февраля 1942 г. на КБФ надлежало увеличить расчет средств радиоразведки на 20 постов (ЦВМА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 27. Л. 70). В результате 17 июля 1942 г. штат берегового радиоотряда КБФ был заменен с увеличением числа военнослужащих на 54 и вольнонаемных на 73 человека. На Черноморском флоте к началу 1942 г. в береговом радиоотряде некомплект составлял 126 человек. Кроме этого, необходимо было дополнительно развернуть 27 постов радиоперехвата, 4 поста радиопеленгования и 3 поста по перехвату агентурной сети Германии, что требовало 99 человек радистов-разведчиков. На Северном флоте в радиоотряде к марту 1942 г. некомплект составлял 122 человека, на Амурской флотилии по состоянию на 10 января 1942 г. — 53 человека, из которых радистов-разведчиков — 33 (ЦВМА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 27. Л. 239, 240). Минимум, на который необходимо было увеличить средства радиоразведки Каспийской военной флотилии, составлял 20 постов (при трехсменном несении вахты — 60 человек), а также один

береговой радиопеленгаторный пункт (ЦВМА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 31. Л. 182, 204, 205). 18 сентября 1943 г. от наркома ВМФ начальнику РУ ВМФ поступило указание представить «Перечень необходимых мероприятий по радиоразведке и оперативной радиосвязи на театрах воюющих флотов». Перечень был представлен к 4 октября 1943 г. Из него в части, касающейся расчета сил и средств, следовало: «По личному составу. Краснознаменный Балтийский флот: развертывание двух радиопеленгаторных пунктов — 34 человека; увеличение приемного центра (ПЦ) радиоотряда на десять вахт — 30 человек. Черноморский флот: увеличение ПЦ радиоотряда на десять вахт — 30 человек. Северный флот: увеличение ПЦ радиоотряда на пять вахт — 15 человек. Всего — 109 человек» (ЦВМА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 32. Л. 58, 59).

¹¹ ЦВМА. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

¹² *Магницкий Серафим Михайлович* (25 июля (7 августа) 1905 г., г. Саранск (ныне Республика Мордовия) — июль 1985 г., Ленинград) — инженер-полковник (1942). В Красной армии с 1919 по 1924 г., в ВМФ — с 1933 г. Окончил радиошколу 2-й радиобазы РККА в Казани (1922), электромеханический факультет Ленинградского политехнического института (1933), Курсы инженеров-механиков флота (1934), Курсы особой техники при ВЭТА (1934). Начальник радиоразведки РУ ГМШ ВМФ (1941—1946). Уволен в запас в декабре 1960 г. с должности начальника Высших специальных офицерских классов ВВМИРТУ. Награжден орденом Ленина (1956), Красного Знамени (1949), двумя орденами Отечественной войны 1-й степени (1943, 1985), орденом Отечественной войны 2-й степени (1945), Красной Звезды (1944), медалями.

¹³ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 27. Л. 79, 80.

¹⁴ Там же. Д. 28. Л. 34.

¹⁵ Там же. Д. 27. Л. 93, 277.

¹⁶ Там же. Д. 6. Л. 132.

¹⁷ Командиром группы назначался хорошо подготовленный старшина. Основное время занимала слуховая и операторская подготовка, а именно: слуховая подготовка — 180 ч; операторская подготовка — 60 ч; техническая подготовка — 24 ч; общевоинские дисциплины — 12 ч; политическая подготовка — 12 ч. По каждой пройденной теме проводилось контрольное занятие, на котором выяснялась степень усвоения материала. За 10—12 дней до окончания теоретических занятий устанавливалось несение практической радиовахты под наблюдением инструктора. По окончании программы теоретического курса ученикам-радистам устраивался экзамен, после чего они закреплялись за соответствующим вахтенным радиооператором для обучения несения оперативной вахты (так называемая подвахта). Подвахту нес ученик-радист 20—30 дней, после чего ему доверялось самостоятельное несение оперативной вахты, а радист, готовивший ученика, переводился в другую радиорубку и дублировал его 2—3 вахты. Ученик-радист, отслуживший на самостоятельной вахте 2—3 месяца, приказом командира радиоотряда зачислялся

ся на штатную должность радиста. Это мероприятие повышало ответственность каждого ученика, несущего самостоятельную вахту (ЦВМА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 123. Л. 151—154).

¹⁸ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 123. Л. 84.

¹⁹ Для полного и качественного несения оперативной вахты необходимо было принимать 140—150 знаков в минуту. Соответственно после подготовки на курсах оператор должен был уметь принимать не менее 120—125 знаков (ЦВМА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 123. Л. 85).

²⁰ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 28. Л. 44.

²¹ Там же. Д. 35. Л. 27.

²² Там же. Л. 108.

²³ Там же. Д. 27. Л. 79.

²⁴ Программа боевой подготовки в БРО КБФ подтверждает, что ни старшинский, ни рядовой состав изучением иностранных языков действительно не занимался. Так, в 1944 г. боевая подготовка была организована в группах по категориям личного состава в следующем порядке: 1) офицерский состав оперативного дежурства: военно-морская тактическая и специальная подготовка — 32 ч; политическая подготовка — 34, изучение иностранного языка — 112; 2) офицерский состав технической части: техническая и специальная подготовка — 74, политическая подготовка — 34, изучение иностранного языка — 52; 3) офицерский состав обслуживающих подразделений: изучение корабельного устава — 70, политическая подготовка — 34, изучение иностранного языка — 50; 4) старшинский состав: изучение техники и специальные занятия — 96, строевая и тактическая подготовка — 84, физическая подготовка — 18, санитарная подготовка — 8, политическая подготовка — 106; 5) рядовой состав: изучение техники и занятия по специальности — 136, строевая и тактическая подготовка — 44, физическая подготовка — 14, санитарная подготовка — 8, политическая подготовка — 98 (ЦВМА. Ф. 17. Д. 38661. Л. 262, 263).

²⁵ *Воронцов Михаил Александрович* (15 ноября 1900 г., с. Гнилицы (ныне Нижегородской области) — 16 февраля 1986 г., Москва) — вице-адмирал (1951). В ВМФ — с 1918 г. Окончил военно-фельдшерскую школу (1920), подготовительную школу училища комсостава флота (1923), Военно-гидрографическое училище (1926), гидрографический факультет ВМА им. К.Е. Ворошилова (1934). Заместитель начальника (август—сентябрь 1941 г.), начальник РУ ГМШ ВМФ (сентябрь 1941 — апрель 1945 г.). Уволен в запас в апреле 1964 г. с должности начальника 2-го отдела ГШ ВМФ. Награжден орденом Ленина (1945), двумя орденами Красного Знамени (1944, 1949), Отечественной войны 1-й степени (1943), Красной Звезды (1938), медалями, иностранным орденом.

²⁶ ЦВМА. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 1. С. 1.

²⁷ Там же. С. 2.

²⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 10. Д. 76. Л. 92.

**Капитан 1 ранга
Ю.П. ГОРИН;
капитан 3 ранга
В.Г. КИКНАДЗЕ**

«НЕЛЬЗЯ ПОД ВИДОМ БОРЬБЫ С ЕДОКАМИ УНИЧТОЖАТЬ СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ В КРАСНОЙ АРМИИ»

«Военно-исторический журнал» опубликовал серию материалов, показывающих, мягко выражаясь, недостаточную подготовку материальной части Красной армии к ведению летом 1941 года полномасштабных боевых действий, что и явилось одной из причин стремительного, порой беспорядочного отступления наших войск под ударами вермахта. Сегодня мы знакомим наших читателей с письмом начальника войск связи Западного Особого военного округа генерал-майора А.Т. Григорьева, адресованным начальнику Управления связи Красной армии генерал-майору Н.И. Гапичу. Автор его сигнализирует о плачевном состоянии системы связи в округе, сам того не ведая, за год до начала Великой Отечественной войны. Но прежде — краткая биография автора письма.

Андрей Терентьевич Григорьев родился в 1889 году в д. Игнатово Зубцовского района Западной области¹. Образование получил в реальном и коммерческом училищах (1906; 1907). До призыва на военную службу работал в технической конторе. В 1912 году после окончания учебной команды лейб-гренадерского Екатеринбургского полка унтер-офицер А.Т. Григорьев назначается начальником телефонной команды полка. Сведений о прохождении службы в Русской армии и участии его в Первой мировой войне в послужном списке нет. В октябре 1918 года Григорьев вступил в РККА рядовым и уже через два месяца был назначен квартирмейстером (начальником штаба) батальона связи 2-й Повстанческой дивизии, затем командиром батальона связи 58-й стрелковой дивизии, а к окончанию Гражданской войны являлся помощником начальника управления связи 12-й армии. Затем его назначили инспектором связи Украинского военного округа².

После окончания Курсов усовершенствования высшего начсостава РККА (1926) и Курсов высшего начсостава штабных работников (1927) А.Т. Григорьев возглавлял войска связи Приволжского (1927—1929), затем Бело-

А.Т. Григорьев

Н.И. Гапич

русского (1929—1933) военных округов. С ноября 1933 года по 1 апреля 1935 года, будучи прикомандированным к Народному комиссариату связи (НКС) СССР, он исполнял должность заместителя начальника Главного управления данного комиссариата. С апреля 1935-го по июнь 1936 года А.Т. Григорьев — начальник кафедры службы связи Военной электротехнической академии РККА, затем помощник по связи армейского инспектора штаба Белорусского военного округа (БВО), а с ноября 1936 года — начальник войск связи округа. В июне 1940 года ему было присвоено звание генерал-майор.

Будучи хорошо осведомленным о неудовлетворительном состоянии связи в войсках округа, А.Т. Григорьев понимал, какие трагические последствия это может иметь в случае начала боевых действий, что и вынудило его обратиться с письмом к вышестоящему руководству. Конечно, практически ничего до июня 1941 года из поставленных им вопросов решить не удалось. В результате связь и управление войсками округа (фронта) сразу же были потеряны. Как и командующий фронтом генерал армии Д.Г. Павлов, генерал-майоры В.Е. Климовских и А.А. Коробков, начальник войск связи генерал-майор А.Т. Григорьев был предан суду и расстрелян в июле 1941 года³. Реабилитирован в 1957 году.

СССР
Народный комиссариат обороны
Начальник войск связи
Белорусского военного округа⁴
21 августа 1940 г[ода]
№ 677/10

Начальнику Управления связи
Красной армии генерал-майору
ГАПИЧУ Н.И.

Уважаемый Николай Иванович!

Зная Ваш живой интерес к информации снизу, я позволю себе настоящим письмом изложить ряд вопросов практического порядка, которые были у нас слабым местом в период проведения операции по освобождению западных областей Белоруссии, к сожалению, и на сегодня [они] не получили сколько-нибудь заметного улучшения.

Я имею в виду здесь только изложить Вам состояние вопросов организационно-материального порядка, которые на сегодня к горлу подпирают, если можно так выразиться*.

1. В период операций 1939 г[ода] мне выпала задача 3 раза в течение 10 дней перебазировать управление фронтом (Смоленск, Минск, Волковыск) и подготовить за это время 4-й пункт (Белосток). То же было и в армиях.

Вы знаете состояние штата наших батальонов связи и радиодивизионов армий и фронта. Эти основные наши силы и средства рассчитаны на одно положение при ограниченном резерве средств. Кроме того, [организационная] структура этих батальонов предусматривает обеспечение [связи в] операции[ях] не современного характера, а периода Гражданской войны.

Жизнь от нас требует обеспечить управление в иных формах боя и операции. Для этого надо же в первую очередь серьезно пересмотреть вопрос о средствах управления.

Я считаю, что отдельны[е] батальон[ы] связи фронта, а соответственно и армий, должны организационно быть способными обеспечить управление в 2-х эшелонах штаба и быть готовыми к развертыванию и оперпункта⁵.

Мы же этого не имеем. А отсюда и вся неудовлетворенность и командования, и нас, самих связистов.

2. Как можно обеспечивать управление в подвижных формах операции, когда при штабе фронта имеются только в военное время 6 самолетов У-2, 10 автомашин — и все. Если Вы учтете, что

размещение наших войск в гарнизонах Литвы и Латвии происходило без развертывания частей связи, а по штату мирного времени, то станет очевидной вся трудность и сложность этих задач. Снова все огорчения направлены в нашу сторону. Я думаю, что настало время иметь [в] округ[е] в мирное время все средства управления.

Самолетов, и не только У-2, нужно иметь 15—20, автомашин — 20—30 и, безусловно, необходимо иметь командиров-академиков как делегатов связи командования⁶. Пусть это не будет «ХЭНЧ»⁷, но это будет грамотный командир, который на самолете найдет нужную часть и получит важные сведения, и даст ответы на вопросы в случаях, когда связь установить невозможно.

Сейчас пока мы базируемся только на проволоку⁸ и немного [на] радио, т[ак] к[ак] радиосредств мало. Этого мало, и не обеспечивает управления при суточном темпе (в Литовском походе⁹ — по 50—60 км в сутки в среднем).

3. Полевая почта. Мы провели две операции без настоящего использования этой организации. В 1939 г[оду] по приказу Ген[ерального] штаба почту подняли на 11 день после начала мобилизации. Все учреждения ППС¹⁰ своих частей не нашли и собрались только после выхода войск к новой границе. В результате и жалобы и проклятья получали снова связисты.

В июне этого [1940] года мы сразу создали свои, при частях связи, под контролем политотделов, почтовые экспедиции. Через них доставлялись почта и газеты в Литву и Латвию без нарушения, и не было недовольств. Но это только с доставкой газет и писем. А как быть с деньгами? Эти экспедиции денег пересылать не могут, и пока НКС сформировал почтовые отделения ([в составе] 2 работников НКС), прошло больше месяца времени.

Я считаю совершенно необходимым полевую почту поднимать одновременно с подъемом первого эшелона войск.

В операциях, подобных Литовской, [необходимо] дать право округам призывать от НКС почтовых работников. В противном случае мы не избежимся от трудностей с обеспечением армии [почтовой связью].

Кроме того, надо округу (фронту) ввести в штат или придавать по требованию транспортные самолеты гражданского типа для доставки газет в армии и корпуса. Доставка газет только автомашинами не всегда возможна и [связана с больши-

ми затратами] по времени. Имея три машины типа «Дуглас» или ПС-84, армия будет быстро получать листовки и газеты. Это полностью было оправдано жизнью в Литовской операции, где мы имели только один «Дуглас».

4. Положенное [на] военное время [во] фронте «Полевое управление связи фронта НКС» в такой организации оказалось громоздко, негибко и сугубо канцелярское (65 чел[овек] штата).

Я полагаю возможным оставить только Управление полевой почты¹¹, а электросектор¹² и др[угие] сектора упразднить. Вместо них усилить т/т отдел¹³ [областных НКС], и он обязан выполнять все наши задания.

То, что мы имели в «уполесвязи»¹⁴, себя не оправдало. Электросектор управлять строительными ротами не может и никогда с ними не справится.

5. Особенно «дико» поставлено у нас дело со службой дислокации на почтовых сортировочных пунктах НКС (фронтовые).

Вместо грамотных и доверенных командиров-академиков¹⁵ (во всех армиях эту работу выполняют офицеры Генштаба) у нас НКС укомплектовал это сугубо важное учреждение пьяницами, дебоширами и лицами, не согласованными с НКВД.

Кто должен ведать и отвечать за это, найти ясного ответа я не смог. Дальше допускать этого нельзя.

6. Опыт работы проведенных операций показал, что НКС очень оторван от наших требований. Мы готовим операцию, у них никто ничего не знает.

Я требования предъявляю — дать колонны и материалы на работы, у них их нет, и они без Москвы ничего не могут делать. Мне нужны люди для занятия узлов Вильно, Двинск, Ковно и др., у них [людей] нет, и Москва не помогает. Правда, все, что можно взять, я брал. Но это не система работы.

Я думаю, что необходимо срочно переиздать постановление СТО¹⁶ СССР от 1 октября 1934 г. № 164к и эти вопросы там вписать крепко.

7. Особенно плохо работает НКПС¹⁷ в отношении обслуживания связи ВОСО¹⁸.

Этот Наркомат совершенно не обеспечивает связи управлений ВОСО, и по опыту операций в Польше¹⁹ оказался или совершенно неподготовленным, или он не желает обеспечивать требования армии.

Полагал бы необходимым в отношении связи НКПС обязать выполнять наши задания. Начальнику связи округа (фронта) надо дать право и проверять связь этого наркомата, и требо-

* Стиль и язык документа оставлены без изменений.

вать обеспечения связи ВОСО. Сейчас начальник связи округа к ним отношения не имеет, а 3-й отдел тоже ничего не делает к побуждению НКПС. В результате ВОСО обслуживаем мы за счет НКС. Это неверно.

8. По совершенно непонятным причинам роты, формируемые НКС, обеспечиваются конским транспортом. Эти роты оказались совершенно непригодными в период Польской операции²⁰. В этом году снова их укомплектовывают лошадьми.

Надо это решительно пересмотреть и обеспечивать эти части только автотранспортом. Роты оказались неподготовленными к работе. Никаких сборов НКС этих рот не проводит, а состав к ним приписан всех ВУС²¹. Я ежегодно в Генштаб представлял доклады с просьбой разрешить призывать хотя бы часть рот на сборы, но разрешения не получал.

Так было и в этом году. Роты не призываются. Я считаю это совершенно неверным.

Необходимо если не все, [то] часть рот ежегодно призывать. Наркомат связи надо обязать эти роты готовить. Это себя полностью оправдывает.

9. Военно-оперативные узлы НКС — Мобилизационное управление Генштаба не вносит их в схему развертывания округа. Без этого приписка начальников ВОУ²² и политсостава проходит с трудом.

Необходимо все ВОУ внести в схему развертывания не только НКС, но и округа.

10. В округе до сего времени находятся постоянного типа голубиные станции, [а] в штатах корпусов имеются подвижные голубестанции.

Обстановка оставила все постоянные станции далеко позади, и сейчас мы переводим их: из Витебска в Лиду; из Борисова в Белосток; из Слуцка в Кобрин. Полоцкую станцию готовили к переброске в Поставы, но теперь, в связи с изменением границ, перевод этой станции в Поставы нецелесообразен. Полагаю необходимым ее перевести в Прибалтийский округ, так же как из Лиды станцию было бы целесообразнее перевести в ПрибВО.

В период проведенных операций эти станции своей роли не сыграли. Были случаи применения голубей в Польской операции, но без должного эффекта, а в Литовской операции голуби не использовались.

В отношении подвижных голубестанций дело обстоит плохо. Ни одной подвижной станции в округе не было, и прибывшие к нам корпуса (1, 47, 21, 28) под-

вижных станций не имеют. УСКА²³ ни станций и ни ответа о времени их изготовления не дает. Как быть дальше?

Мое мнение. Этот вид связи в современных формах операции себя оправдать не может.

Не исключаю, что в целях [обмена] информации, для разведотдела округа, голуби могут найти и находят применение. Полагал бы возможным голубей как средство оперативной связи исключить из состава средств связи и передать их разведотделам для обеспечения доставки служебной информации.

11. Начальники связи [округа (фронта)], да и не только они, нуждаются крайне в твердом Наставлении по службе связи.

Совершенно необъяснимо, почему только служба связи не имеет Наставления. Все армии имеют это сугубо необходимое руководство.

При проведенном большом омоложении связистов в армии отсутствие руководства особенно сказывается.

12. За последние три—четыре года мы, связисты, потеряли ясность в той необходимой перспективе нашего нового вооружения средств[ами] связи, вводимы[ми] на снабжение войск, без которой трудно работать.

Даже мне, начальнику связи округа, совершенно неизвестно, какие новые виды средств связи вводятся на снабжение, какие их свойства, какое обоснование было положено в табельный их расчет и т.д. Пример: получили мы новый штат и табель для танкового корпуса, где узнали о совершенно новых радиостанциях, которых никто не видел. Раньше мы эти перспективы от УСКА получали. Хотелось бы знать и теперь.

13. Опыт проведенных операций показал, что наличие прямой телефонной связи командования фронта с армиями и корпусами — вопрос насущно необходимый. Наличие бронзы²⁴ в западных областях позволяет иметь командованию хорошую, прямую телефонную связь.

Здесь необходимо одно из двух решений: 1. Или обязать НКВД²⁵ обслуживать по в/ч связь командования²⁶, как они это делают для правительственных, партийных и областных организаций. Тем более что подготовку линий для этих связей Генштаб и УСКА обязывают для них делать нас (так было в операциях 1939 г[ода], так это было и в Литве). 2. Получить от НКС (правительственным постановлением) второй канал в/ч на бронзе (первый занят НКВД) и снабдить части связи до корпусов и дивизий включительно коммутаторами в/ч (типа [коммутаторов, имею-

щихся в] НКВД), и эту связь командованию по в/ч будут обслуживать войсковые связисты.

По этому вопросу мы направили доклад наркомату обороны. Полагаю, что вы поддержите этот вопрос, и мы обеспечим хорошую связь командованию.

14. По-прежнему остается тяжелым положение с мобрасчетами Генштаба по исчислению потребности имущества связи. Генштаб по-прежнему зачисляет в мобобеспеченность все имущество связи текущего довольствия.

Это же совершенно негодное дело. Кого мы собираемся обманывать? Ведь часть имущества явно не пригодна для боя, и его надо заменять новым. Этого не делается. В результате части выходят на фронт с некомплект в 25—30 проц. Так было в 1939 г[оду], так было и в Литовскую операцию.

До сего времени у нас значатся на учете, а также в списке боевого применения, такие аппараты, как Юза²⁷, японские телефоны, [телефоны] Гейслера, Эриксона²⁸. Ремонтировать их мы не можем, нет запасных частей, а ведомость обеспеченности заполняем.

Не лучше ли иметь заведомый некомплект определенных видов имущества, чем считать в НЗ²⁹ то, что фактически для боя непригодно.

По этому вопросу в докладе наркомату мы подробно доложили (№ 675/57 от 10.7). Полагаю, что Вы поддержите наше представление и внесете ясное определение по этому вопросу.

15. Радиосвязь в современных операциях является основным видом связи. Однако при проведении операций у нас было много трудностей:

1. Крайне ограничены у нас средства радиосвязи. Вместо организации линий связи — мы сидим на сетях, при наличии 4—5 абонентов. В сети включили даже конницу.

2. [По радио] по-прежнему работаем ключом. Скородействие и автоматику не применяем [из-за их отсутстви[я]].

3. Соединения корпус — дивизия почти не имеют радиосвязи, т[ак] к[ак] длинноволновые 4Д³⁰ вышли из строя, а замены не поступило.

4. Части автораций³¹ за последние годы не получают, заменяем тачаночными³², но это делу помогает мало, тем более это стало непонятно, [так как] штабы передвигаются на автосредствах.

Полагаю, что вопросы радиосвязи надо решительно пересмотреть. Необходимо усилить радиосредствами крупные штабы (фронт, армия, корпус, дивизия). Необходимо вести автома-

тическую передачу и дать буквопечатающую передачу. Необходимо дать РУК³³ с выносным и автоматическим приемом.

Нельзя же строить управление современных операций старыми средствами.

16. При решении вопросов радиосвязи надо решительно пересмотреть всю систему управления радиосвязью. Наши радиодокументы сложны при оформлении данных. В условиях быстрого изменения обстановки и перегруппировок в ходе операции данные по радио при составлении и их доставке занимают много времени. Особенно это отражалось на авиации.

Настала насущная необходимость перестройки системы управления [с помощью] радиосвязи. Необходимо максимально упростить порядок, находить каждому свое место, особенно это нужно при перегруппировках. Также является необходимым дать единую таблицу радиосигналов с небольшим количеством ключей к ним. Опыт показал, что составление радиосигналов отнимает много времени на подыскание величин. Получается потеря времени. Проще давать ключи к сигналам на необходимое время. Такая система дает возможность раскодировать радиограмму соседнего соединения, что бывает весьма необходимо.

17. В части оснащения частей связи предметами вооружения мне представляется совершенно необходимым:

а) ввести аппарат СТ-дуплекс³⁴ в штаб фронта (армии);

б) обеспечить войска источниками питания из расчета потребности для новых типов аппаратов СТ³⁵, а штабы армии для Бодо-дуплекс³⁶ и СТ;

в) линии связи корпус—дивизия обеспечить аппаратами СТ, [аппарат] Морзе³⁷ не удовлетворяет;

г) обеспечить войска телеграфными коммутаторами³⁸ типа Ш-40, ШК-20. До сих пор их в частях нет;

д) обеспечить войска типовыми вводными кабелями (жгуты). До сих пор части кустарничают, портят кабель, получая весьма мало эффекта. В то же время инженеры могли дать прекрасные кабели для своих станций с хорошей изоляцией. Я полагаю, что и части связи должны быть снабжены кабелями-жгутами для вводов;

е) для штаба фронта необходимо иметь телефонную станцию³⁹ ЦБх2х200 вместо Р-60 (неплохо иметь перевозимую ОЛ-200, автоматическую⁴⁰);

ж) снабдить округ запчастями к аппаратам СТ и новым радиостанциям.

Совершенно непонятное положение, когда из-за небольшой поломки новый аппарат СТ выходит из строя.

К рациям РБ и РРУ⁴¹ не только нет запасных частей, но нет даже и ламп.

Считаю совершенно необходимым при отпуске новой аппаратуры предусматривать отпуск и запасных частей.

18. Совершенно ненормальным считаю положение с аппаратами Уитстона⁴² и Бильдсвязи⁴³. Введены в таблицу узла связи эти аппараты, а работать мы на них не можем, т[ак] к[ак] узел связи Генштаба [работать] отказывается. В результате у нас есть люди, есть матчасть, а работать не можем и людей не готовим.

Полагаю совершенно необходимым ввести ежедневную практическую работу Минск — Москва по Уитстону; днем работаем на Бодо-дуплекс, ночью переходить на Уитстон. Бильдсвязь также надо использовать на работе Минск — Москва. Нам необходимо готовить личный состав, чего, вероятно, начальник узла [связи] Генштаба упорно не хочет понять.

В противном случае надо исключить эти аппараты и не держать людей без дела.

19. Вопрос о наших зарядных базах для крупных станций (фронт, армия) надо пересмотреть. Движки Л-3 и Л-6 теперь удовлетворяют нас не могут⁴⁴. Получив Бодо-дуплекс и СТ, мы нуждаемся в батареях больших мощности в 60 и 100 а/ч. А заряжаем эти батареи движками меньшей мощности. Это губит батареи. Полагаю необходимым этот вопрос пересмотреть и дать нам соответствующие зарядные базы. Я считаю при этом совершенно необходимым зарядные базы иметь в двух комплектах, как минимум, и смонтированными на автомашинах. Весьма ускорило бы подвижность всего телеграфа, если бы мы имели на авто[мобилях] и источники питания.

20. Наряду с общей организационной неприспособленностью батальона связи фронта и армии к требованиям большой оперативной подвижности штабов необходимо решительно изменить взгляд «законодателей» наших штабов на значение технического персонала для телеграфа.

На телеграфе штаба по штату военного времени положено 11 аппаратов Бодо (сейчас получаю дуплексы), и на всю массу этих аппаратов нет в штате телеграфа ни одного инженера.

Мыслится, что эту технику будут обслуживать один техник и

механики-красноармейцы срочной службы. Считаю это совершенно неправильным. Нельзя этого дальше терпеть. В Минском телеграфе⁴⁵ имеются 10 аппаратов Бодо (из них 4 дуплексных), и их обслуживают в каждой смене инженер, один старший техник на каждые 4 аппарата, и имеется главный инженер. В результате у нас просто, постоянно сбиваются аппараты, не получается должный коэффициент использования самого аппарата и [проявляются] бесконечные недовольства [со стороны] командования.

В равной степени надо решительно изменить ставки техникам телеграфа и АТС⁴⁶. По совершенно непонятным соображениям наши техники приравнены к должности командира взвода, а начальник телеграфа фронта и начальник АТС [емкостью] на 1000 № [номеров] — приравнены к должности командира роты. Эти ставки чрезвычайно занижены. Сейчас без высококвалифицированного состава мы на телеграфе не обойдемся, а привлечь из НКС никого не можем, т[ак] к[ак] на эти ставки к нам опытные работники не идут.

В результате мы не имеем опытных техников сейчас и их не растим. Красноармеец срочной службы за 2 или 3 года не может быть равен по квалификации технику и инженеру НКС. Такое положение в дальнейшем приведет к тяжелым последствиям.

21. Последним вопросом я позволю себе обратить Ваше внимание на положение службы связи в целом и ее состояние в армии.

Начиная с 1937 г[ода] по совершенно непонятным причинам служба связи пошла по кривой на снижение своей роли и значимости в армии. Началось ничем не объяснимое сокращение штатов. Дошло до такого состояния, что у начальника связи фронта и армии не оказалось ни в мирное, ни в военное время ни одного помощника или заместителя. Уничтожили совершенно в мирное время службу радиотелеграфа.

Вычеркнули совершенно из лексикона слово «ННС»⁴⁷ во фронте. Мы потеряли понятие о руководстве нижестоящими начальниками связи, т[ак] к[ак] ни инспекторов, ни вообще командиров связи у меня нет. Это привело к тому, что вместо плана связи и планирования операций начальник связи «висит» буквально на аппарате и отдает распоряжения, т[ак] к[ак] первое отделение выбрасывается по узлам для их подготовки к новому переходу штаба. Такая «метода» работы приводит к со-

вершено нетерпимому положению, при котором стерлось понятие о службе связи в округе и армии, а остался только начальник связи, который находится в тысячу раз в худших условиях работы, чем это было в период Гражданской войны, где я был именно начальником связи. Мы, связисты, тогда и обеспечивали управление войсками. Руководить могли нижестоящими начальниками связи и строили, хоть и не весьма успешно, систему связи. Сейчас у нас этого ничего нет.

В то же время работа стала во много раз сложнее. Думаю, что дальше так продолжаться не может. Нельзя под видом борьбы с едоками уничтожать систему управления в Красной армии и всю службу связи.

Наряду с этим нельзя не отметить совершенно недопустимое положение, когда работники в отделе связи по категории и положению ниже, чем в армии. Самая высокая у меня должность равна должности начальника связи корпуса.

По этим вопросам много пришлось говорить в прошлом году на совещании у заместителя начальника Генштаба генерал-лейтенанта т. Смородинова, но дело не изменилось.

Я считаю решительно необходимым пересмотреть всю организацию службы связи сверху донизу.

Нельзя больше терпеть таких мероприятий, как приказ НКО [...] 1939 года, который был, безусловно, выпущен в спешке, т[ак] к[ак] дальше все могло остановиться, и этот приказ до сих пор не получил осуществления.

Настоящим я высказал Вам те, с моей точки зрения, недочеты, которые требуют настоятельно изменения.

Так дальше ни работать, ни руководить нельзя, ибо это будет только ухудшать дело связи.

Сейчас иные оперативные решения, и служба связи должна быть на соответствующем месте. В противном случае мы окажемся не способными обеспечить эти решения на поле боя. Время не ждет.

Наша Родина не так бедна, чтобы продолжать ссылаться на наши недостатки. По затронутым вопросам хотелось бы знать ваше мнение.

Искренне уважающий вас

**генерал-майор войск связи
А. ГРИГОРЬЕВ** /подпись/

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 71. Оп. 296521. Д. 87. Л. 14–25. Машинописный экз.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В послужном списке А.Т. Григорьева имеется исправление, и местом рождения указана Западная область, которая была создана после Февральской революции (в марте 1917 г.). Область включала в себя: Минскую, Могилевскую, Витебскую, Смоленскую губернии и территории некоторых уездов Виленской губернии (Центр области — г. Минск). См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 214.

² Украинский военный округ (УВО) (1922—1935). Управление округа дислоцировалось в Харькове.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Приказ наркома обороны Союза ССР от 28 июля 1941 г.

⁴ В подлиннике документа указан Белорусский военный округ, однако с 11.07.1940 г. он имел название Западный Особый (ЗапВО), с началом войны преобразован в Западный фронт.

⁵ Речь идет об эшелонировании как пунктов управления (ПУ), так и узлов связи (УС ПУ).

⁶ Автор письма говорит о том, что войска связи должны быть укомплектованы достаточными силами и средствами в мирное время и не зависеть от мобилизационных мероприятий, т.е. их готовность должна быть упреждающе более высокой, чем тех войск, для обеспечения связи которых они предназначены. Командиры-академики — командиры частей, имеющие высшее академическое образование.

⁷ Вероятно, имеется в виду человек — «ходячая энциклопедия».

⁸ Т.е. проводную связь.

⁹ Прибалтийский военный округ был создан после ввода советских войск на территорию Прибалтики 11 июля 1940 г. Ввод и размещение гарнизонов Красной армии в соответствии с договоренностью между СССР и прибалтийскими государствами (начало октября 1939 г.) осуществлялись за счет войск Белорусского военного округа. В середине июня 1940 г. войска СССР вступили на территорию Прибалтики. Это событие автор и называет «Литовским походом».

¹⁰ ППС — полевая почтовая связь.

¹¹ В Уполесвязи (Управление полевой связи НКС) по штату 1938 г. имелись пять отделений: электросвязи, почтовой связи, шифровально-дислокаторское, связи ПВО и снабжения. Поэтому автор, вероятно, имеет в виду отделение полевой почты. Функции Уполесвязи определялись положением, утвержденным НКС (приказ НКО от 26.3.1940 г.), где говорилось об обязательном предоставлении для нужд оперативной связи намеренных по мобилизационному плану местных проводных и радиосредств НКС.

¹² Под электросектором подразумеваются электрические (радио и проводные) средства связи.

¹³ Т/т отдел — телефонно-телеграфный отдел.

¹⁴ Уполесвязи — управление полевой связи НКС.

¹⁵ Имеются в виду офицеры, получившие специальное образование в Военной электротехнической академии РККА.

¹⁶ СТО — Совет труда и обороны СССР, действовал в 1923—1937 гг.

¹⁷ НКПС — Народный комиссариат путей сообщения.

¹⁸ ВОСО — отделы (управления) военных сообщений.

¹⁹ Автор имеет в виду поход Красной армии в Западную Белоруссию.

²⁰ Речь также идет о походе Красной армии в Западную Белоруссию.

²¹ ВУС — военно-учетная специальность.

²² ВОУ — военно-оперативный узел.

²³ УСКА — Управление связи Красной армии.

²⁴ Так обычно называли постоянные воздушные линии связи из цветного металла, которые имели более низкое сопротивление и были более приемлемы для телефонирования, чем линии связи из стальных проводов.

²⁵ Народный комиссариат внутренних дел.

²⁶ К началу войны аппаратуру высокочастотного уплотнения цепей (в/ч связь) имели только части правительственной связи НКВД.

²⁷ Телеграфный аппарат Юза со специальной буквенно-цифровой клавиатурой. Обладал малой устойчивостью на линиях дальней протяженности. Применялся, как правило, в звене армия — корпус.

²⁸ Марки полевых телефонных аппаратов, состоявших на вооружении Русской армии с начала 1900-х гг.

²⁹ НЗ — неприкосновенный запас.

³⁰ 4Д — длинноволновая радиостанция первой системы радиовооружения Красной армии. Транспортировалась на 4-х двуколках без рессор.

³¹ Автотрации — радиостанции, смонтированные на автомобильной базе.

³² Тачанка — рессорная конная повозка.

³³ РУК — коротковолновый радиоприемник.

³⁴ СТ-дуплекс, т.е. буквопечатающая телеграфная связь, позволяющая вести одновременно передачу и прием информации.

³⁵ СТ (советский телетайп) — буквопечатающий телеграфный аппарат с высокой на то время пропускной способностью (2500 слов/час).

³⁶ Бодо-дуплекс — телеграфный аппарат, позволяющий вести одновременный обмен информацией в обоих направлениях (т.е. дуплексно). Промоздок и неудобен при перемещении (время разворачивания 6—10 ч), однако мог обеспечить достаточно устойчивую связь на значительном расстоянии, поэтому применялся в звене от армии и выше.

³⁷ Морзе — телеграфный аппарат, передача информации с которого осуществлялась ключом в виде знаков азбуки Морзе. Скорость телеграфирования с помощью аппарата была низкой.

³⁸ Коммутационные устройства емкостью на 40 и 20 абонентов.

³⁹ Образцы телефонных коммутаторов (станций) ручного обслуживания.

⁴⁰ ОЛ-200 — автоматическая телефонная станция емкостью 200 номеров.

⁴¹ РБ, РРУ — радиостанции полкового и батальонного звена.

⁴² Телеграфный аппарат Уитстона, передача с которого осуществлялась с помощью заранее отперфорированной на транзиттере ленты. Прием осуществлялся в виде знаков Морзе. Аппарат громоздок, его обслуживала команда из 6 человек. Мог применяться от штаба армии и выше.

⁴³ Бильдсвязь — прообраз современной факсимильной связи.

⁴⁴ Л-3, Л-6 — бензоагрегаты для подзарядки аккумуляторных батарей.

⁴⁵ Имеется в виду городской телеграф узла связи НКС г. Минска.

⁴⁶ АТС — автоматическая телефонная станция.

⁴⁷ ННС — начальник направления связи.

*Публикация
подполковника запаса
А.П. ЖАРСКОГО*

РОССИЙСКИЕ ВОИНЫ, СЛЕДУЯ ТРАДИЦИЯМ, ЖЕРТВОВАЛИ СОБОЙ РАДИ ПОБЕДЫ И ЛЮБВИ К СВОИМ ЗНАМЕНАМ

О порядке зачисления героев навечно в списки части и подразделения

КАЖДАЯ армия имеет своих героев, подвиги которых используются в качестве примеров для воспитания военнослужащих. Почитание таких героев, создание, если можно так выразиться, их культа является важной стороной в военно-патриотической и в целом в военно-воспитательной работе. Это почитание может выражаться в различных формах — в возведении памятников героям, издании литературных произведений, посвященных их жизни и подвигам, и т.д. Одной из наиболее, так сказать, красивых воинских традиций, связанных с увековечением памяти героев русской армии, является занесение их имен навечно в списки воинских частей, что имеет большое значение для патриотического воспитания личного состава.

В русской армии эта традиция зародилась в 1840 году. Первым солдатом, занесенным навечно в списки своей части, стал рядовой Архип Осипов, герой Кавказской войны 1817—1864 гг. Родом из крестьян с. Каменка под Киевом (Украина), ранее отличился в Русско-иранской (1826—1828) и Русско-турецкой (1828—1829) войнах, награжден медалями. В ходе Кавказской войны гарнизон численностью около 500 человек защищал Михайловское укрепление на берегу Черного моря от натиска более чем 3000 горцев. Силы были слишком неравны, мюриды ворвались в укрепление, и Осипов взорвал пороховой погреб. Он погиб, нанеся при этом большой урон противнику. Это произошло 22 марта 1840 года. Архип Осипов за этот подвиг приказом военного министра генерала от кавалерии светлейшего князя А.И. Чернышева № 79 от

8 ноября¹ 1840 года был навечно занесен в списки 1-й гренадерской роты 77-го Тенгинского пехотного полка².

Впоследствии на переключках в полку первым произносили имя Архипа Осипова, на что из строя отвечали: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении». Серебряная медаль, принадлежавшая, по легенде, А. Осипову, хранилась в полковой церкви — на иконе святого мученика Автонома. Сама икона также являлась исторической реликвией: по преданию, она была подарена полку 12 сентября 1771 года А.В. Суворовым в память о победе над войсками литовского гетмана графа Огинского³ под Столовичанами в ходе боев с силами шляхетской Барской конфедерации. Ежегодно 22 марта (в день гибели А. Осипова) читалась заупокойная молитва в память о герое; 22 марта 1890 года во Владикавказе состоялась торжества по случаю пятидесятилетия его подвига. Еще раньше, в 1876 году на месте Михайловского укрепления (ныне Архипо-Осиповка Геленджикского района Краснодарского края) был сооружен памятный крест, а в 1881 году во Владикавказе открыт памятник Архипу Осипову и другому герою тех событий — командиру форта штабс-капитану Лико. 19 августа 1911 года был утвержден юбилейный нагрудный знак 77-го пехотного Тенгинского полка. В центре знака на овальном серебряном выпуклом барельефе было помещено изображение фигуры А. Осипова с фитилем в руке, в верхней час-

ти знака — лента с надписью: «Братцы, помните мое дело»⁴.

Вторым военнослужащим, удостоившимся такой посмертной награды, как занесение в списки части, стал спустя более сорока лет бомбардир Агафон Никитин. В 1881 году он был зачислен в списки 6-й батареи 21-й артиллерийской бригады за то, что, попав в плен к текинцам при штурме войсками М.Д. Скобелева крепости Геок-Тепе, под жесточайшими пытками отказался обучать их стрельбе из орудий⁵.

Ритуал чествования памяти Агафона Никитина в 21-й артиллерийской бригаде проявлялся в следующем. Каждый вечер на переключке фельдфебель выкрикивал: «Агафон Никитин», на что командир 1-го взвода отвечал: «Погиб во славу русского оружия в крепости Геок-Тепе». Перед казармой был установлен памятник герою, он числился наводчиком первого орудия, а его жалование шло на неугасимую лампаду перед батарейным образом св. Агафона. Порцию Агафона Никитина ежедневно отдавали нищим. В 6-й батарее числилось семь штатных наводчиков вместо восьми — на первом орудии А. Никитина заменял запасной наводчик. При этом во время походов на передке первого орудия ехали два номера, третье место оставалось для А. Никитина. Наконец, по ходатайству личного состава батареи и при его участии в родном селе героя была сооружена церковь во имя св. Агафона. Священник этой церкви за каждой литургией поминал раба Божия Агафона, а в день

храмового праздника разъяснял в проповеди все величие его подвига. Забегая вперед, отметим, что во всех остальных случаях в списки частей Русской армии заносились только представители армейской пехоты, так что Агафон Никитин оказался единственным в своем роде исключением.

ЦЕЛЫЙ ряд занесений имен погибших героев в списки воинских частей пришелся на начало XX столетия. Это было связано в основном с двумя событиями — обнаружением знамен, спасенных русскими солдатами и офицерами во время Аустерлицкого сражения 20 ноября (2 декабря) 1805 года, и Русско-японской войной 1904—1905 гг. Знамена были найдены почти век спустя. В 1897—1898 гг. производилась отправка книг, планов и карт ряда архивов Главного штаба из столицы в Москву. В ходе этих работ и был обнаружен сверток со спасенными в 1805 году знаменами Нарвского, Азовского, Бутырского, Пермского и Галицкого мушкетерских полков. В Россию эти знамена вернулись в 1808 году, но решение по их дальнейшей судьбе затянулось. Позднее Военно-походная его императорского величества канцелярия, которая вела переписку по этому вопросу, была упразднена, знамена же остались в ее архиве, который, в свою очередь, вошел в состав архива Инспекторского департамента (на начало XX в. — Общий архив Главного штаба), где они и были обнаружены почти через сто лет после их спасения. По докладу начальника Генерального штаба (так теперь стал именоваться Главный штаб) генерал-лейтенанта Ф.Ф. Палицына Николай II 21 ноября 1905 года повелел, «принимая во внимание, что на знамена эти, как не бывшие в руках неприятеля, справедливее смотреть как на спасенные, нежели как на утраченные, и имея в виду, что вышеуказанные полки участвовали в последующих войнах России и имеют за это участие боевые отличия», передать знамена на хранение в 3-й пехотный Нарвский, 45-й пехотный Азовский, 66-й пехотный Бутырский и 131-й пехотный Тираспольский (наследник Пермского

мушкетерского) полки. Знамя Галицкого полка никуда передано не было, так как этого полка к тому времени уже не существовало⁶. Кроме того, тогда же император повелел занести навечно в списки указанных полков тех, благодаря кому знамена не попали в руки к французам. Это портупей-прапорщики (как правило, они были знаменосцами) Михаил Шеремецкий (Нарвский полк), Николай Кокурин (Бутырский полк) и Семен Кублицкий (Пермский полк, занесен в списки 131-го пехотного Тираспольского полка), а также прапорщик Грибовский (Азовский полк). Чуть позднее, 25 февраля 1906 года в списки 45-го пехотного Азовского полка был занесен еще один человек, причастный к спасению другого знамени Азовского мушкетерского полка⁷, — унтер-офицер Семен Стариков⁸. Ровно через два месяца, 25 апреля 1906 года за аналогичный подвиг, совершенный в ходе Русско-шведской войны 1808—1809 гг., в списки 26-го пехотного Могилевского полка был занесен рядовой Петров⁹.

Спасение знамен не случайно занимало такое место в иерархии боевых подвигов. Во всех европейских армиях очень высоко ценились захват в бою вражеского знамени или спасение своего¹⁰. В русской армии на рубеже XIX—XX вв. культивируется отношение к знамени как к особой воинской святыне. Именно в это время начинается кампания по возврату в полки старых знамен. Сначала, в 1897 году полкам было разрешено ходатайствовать об оставлении им на хранение старых знамен и штандартов, но при условии, что у этих полков имелись свои церкви, а в месте их квартирования при мобилизации формировались запасные части, которым предписывалось принимать регалии на хранение при выступлении полка в поход. Отметим, что ранее при вручении полкам новых юбилейных или Георгиевских знамен и штандартов старые сдавались в арсеналы. Вскоре знамена стали выдаваться в полки из центральных хранилищ, включая такие крупные, как Артиллерийский исторический музей. За 1902 год и пер-

вую половину 1903 года музей выдал в части 42 старых знамени и штандарта, среди которых были и знамена начала XVIII века¹¹. Специально для воинских частей был даже издан справочник, в котором перечислялись и описывались все знамена, штандарты и другие регалии, хранившиеся в музее. Причем помимо другой информации указывалось, какие из существовавших на тот момент полков могли претендовать на выдачу им той или иной регалии. Этот процесс продолжался и в последующие годы¹².

ВХОДЕ Русско-японской войны 1904—1905 гг. произошел также ряд случаев спасения боевых знамен. Так, за данные подвиги в списки 162-го пехотного Ахалцихского полка были последовательно занесены трое военнослужащих: унтер-офицер Гришанов (7 ноября 1906 г.), поручик Хондажевский (22 марта 1907 г.) и капитан Жирнов (8 января 1908 г.); в списки 4-го стрелкового полка — штабс-капитан Ожизневский, старший унтер-офицер Андрей Ракитников и младшие унтер-офицеры Василий Нестеров и Сергей Смирнов, а в списки 19-го стрелкового полка — поручик Шоке и младший унтер-офицер Ананий Лобачев (все занесены 7 ноября 1906 г.); в списки 241-го резервного Орского батальона — унтер-офицеры Лев Виноградов, Шестяев и рядовой Николай Лебедев¹³, спасшие во время Мукденского сражения знамя 241-го пехотного Орского полка (все занесены 24 ноября 1906 г.).

Были отмечены случаи спасения знамен и в Первую мировую войну. Речь идет прежде всего о знаменах полков 2-й армии, попавшей в окружение в Восточной Пруссии в 1914 году. Многие знамена этой армии попали в руки неприятеля¹⁴, но часть удалось спасти¹⁵. Однако тех, кто совершил эти подвиги, тогда не смогли зачислить в списки своих частей. По всей вероятности, как и в случае с коллективными наградами воинских частей, решение этого вопроса отложили до победного окончания войны¹⁶. По известным причинам после войны этого тоже не произошло.

Следует отметить и такие традиции, бытовавшие в Русской армии, как вознаграждение за достойное поведение солдат, попавших в плен. Так, в ходе Русско-японской войны 1904—1905 гг. рядового 284-го пехотного Чембарского полка Василия Рябова, выполнявшего разведывательное задание, захватил противник. Так как Рябов был переодет в китайскую одежду, японцы приговорили его к расстрелу как за шпионаж. Поведение русского солдата во время приведения приговора в исполнение вызвало уважение у японских военных — именно от них подробности этих событий затем и стали известны русскому командованию. За свой подвиг Василий Рябов приказом по военному ведомству № 689 от 7 ноября 1906 года был занесен навечно в списки полка, однако не Чембарского, а другого, 216-го пехотного резервного Инсарского¹⁷. Дело в том, что Чембарский полк по окончании войны был расформирован, а при новой мобилизации вновь формировался бы из частей Инсарского полка, и имя В. Рябова в таком случае осталось бы в списках вновь сформированного Чембарского полка. Однако при формировании в 1914 году второочередного 320-го пехотного Чембарского полка этого, по всей видимости, не произошло: полк формировался из личного состава 180-го пехотного Виндавского полка, а 196-й пехотный Инсарский полк выделил подразделения для другого второочередного полка — 336-го пехотного Челябинского. Поэтому можно предположить, что Василий Рябов остался в списках Инсарского полка. Интересно, что имя Василия Рябова 15 апреля 1910 года было занесено также в списки 6-й роты 68-го пехотного Бородинского полка, в котором он отбывал действительную военную службу. В приказе об этом указывалось: «...высокий подвиг покойного Рябова, свято выполнившего присягу и погибшего со словами «Готов умереть за Царя, Отечество и Веру», составляет по праву гордость полка, воспитавшего такого героя»¹⁸. Добавим к этому, что прах Василия Рябова в октябре 1909 года был переве-

зен из Маньчжурии в Россию и захоронен с почестями на родине героя — в с. Лебедевское, неподалеку от Пензы.

Последним перед Первой мировой войной в списки части — 1-й роты 15-го пехотного Шлиссельбургского полка — был зачислен 1 октября 1912 года гренадер Степан Новиков, спасший в Кинбурнском сражении 1(12) октября 1787 года жизнь А.В. Суворову. Ритуал был приурочен к 125-летней годовщине сражения¹⁹.

Высокое моральное значение подвигов А. Осипова, А. Никитина и других героев, занесенных в списки частей, широко использовалось для воспитания личного состава. Портреты героев можно было увидеть в армейских казармах по всей России. Во многом благодаря им в Русской армии всегда были живы традиции самопожертвования ради победы, достойного поведения в плену и любви к своим знаменам.

Отметим, что такая форма увековечения памяти героев, отдания воинских почестей за совершенные ими подвиги, как зачисление навечно в списки воинской части осталась в наших Вооруженных силах и после Октябрьской революции. Зачислению подлежат военнослужащие, в основном посмертно, совершившие героические подвиги, за которые они удостоены высшей степени отличия — звания Героя Советского Союза, с 1992 года — Героя Российской Федерации, или награждены орденом Славы трех степеней. Они зачисляются в списки воинских частей, к которым имели непосредственное отношение (проходили службу, обучались и т.п.). Зачисление героя навечно возможно только в одну воинскую часть. Этот исключительно почетный акт оформляется приказом министра обороны. Первым в ходе Великой Отечественной войны был зачислен навечно в списки 1-й роты 254-го гвардейского мотострелкового полка Герой Советского Союза гвардии рядовой А.М. Матросов (приказ НКО 1943 г. № 269). Всего в советское время в списки воинских частей (кораблей) и военно-учебных заведений были зачислены навечно более 350 военнослужащих. Эта традиция продолжается и поныне.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Даты приводятся по старому стилю.
- ² Штутман С. Зачислить навечно // Родина. 1994. № 3—4. С. 78, 81.
- ³ Цитович Г.А. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание в двух частях. Пятигорск, 1913. С. 409. Сам А.В. Суворов за «совершенное разбитие литовского гетмана графа Огинского» получил орден Александра Невского.
- ⁴ Андоленко С. Нагрудные знаки русской армии. М., 2002. С. 106.
- ⁵ Приходкин Б. Агафоновская батарея // Военная быль. 1952. № 1. С. 7, 8.
- ⁶ Андоленко С. Знамена Азовского полка под Аустерлицем // Военная быль. 1969. № 95. С. 28.
- ⁷ С 1802 г. мушкетерские полки имели по шесть знамен (по два на каждый батальон).
- ⁸ Андоленко С. Занесение навечно в списки частей за боевые подвиги // Военная быль. 1964. № 67. С. 39, 40.
- ⁹ См.: Военная энциклопедия. Т. 16. СПб., 1914. С. 376.
- ¹⁰ Так, в прусской армии еще после кампаний 1813—1815 гг. на древках знамен стали крепиться нерегламентированные кольца в память о повреждениях знамени или о гибели знаменосца. В 1867 г. такие кольца были официально утверждены, а с 1873 г. появились новые, серебряные, на которых указывались имена солдат и офицеров, погибших при защите знамени.
- ¹¹ Железнов В.Ф. Войсковые регалии // Пособие для составления полковых историй и устройства полковых музеев. СПб., 1906. С. 86.
- ¹² См.: Описи знаменам, штандартам, прапорам, прапорцам, значкам, трубам за отличие, грамотам, скобам и прочим войсковым регалиям, хранящимся в Артиллерийском историческом музее, с указанием принадлежности таковых частям войск. СПб., 1903.
- ¹³ 20 февраля 1910 г. батальон вошел в состав 191-го пехотного Ларго-Кагульского полка, но имена героев, по всей видимости, в его списки занесены не были. См.: Андоленко С. К статье «Занесение в списки» // Военная быль. 1965. № 74. С. 47.
- ¹⁴ См.: Лампе А.А., фон. Русские знамена в плену (справка) // Новый часовой. 2001. № 11—12. С. 200—206.
- ¹⁵ См., например: Андоленко С. Два знамени // Военная быль. 1968. № 90. С. 6—13.
- ¹⁶ Шевяков Т.Н. Система коллективных наград русской армии через призму Великой войны 1914—1918 годов // Гербовед. 2003. № 5. С. 109.
- ¹⁷ С 20 февраля 1910 г. — 196-й пехотный Инсарский полк. См.: Дополнение к справочной книжке Императорской главной квартиры. 181-й — 208-й пехотные полки. СПб., 1912. С. 30.
- ¹⁸ Дополнение к XXVI тому третьего Полного собрания законов Российской империи. С. 40 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание третье. Т. XXVIII. Отделение первое. СПб., 1911.
- ¹⁹ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXXII. Отделение I и дополнения. Пг., 1915. С. 1475.

И.В. ХОХЛОВ

«Я НИЧЕГО ТАК СИЛЬНО НЕ БОЮСЬ, КАК... ТИХИХ ДНЕЙ НА ПОЗИЦИИ»

Фронтовые письма
есаула А.А. Упорникова
периода Первой мировой войны

1916 год

12 [июня]. Мне бы самому хотелось написать от души письмо, полное бодрости, но это было бы неправда. Сейчас действительно на душе мелкий болотный дождь, такой же, как идет сейчас здесь, какую-то вялость вызывает он и иногда просто сил нет. Где-то там, на юге сейчас восторг. Давно уже я не был в настоящем бою, в таком бою, после которого чувствуешь себя вновь появившимся на свет. Прервал на время свое писание и просто болтал сейчас с казаками своего взвода и хохотал до слез. Нет, все же жизнь хороший дар. Скорей бы покончить со всем, что теперь есть.

29 [июня]. История моего путешествия довольно интересная. Дело в том, что, кроме [выполнения] небольших поручений по службе, я ехал в Царское к брату, который предложил мне быть у него в батарее старшим офицером. Предо мной открывалась довольно быстрая карьера, и первое время перспектива показалась мне слишком заманчивой. Таким образом, я ехал с полным намерением превратиться из «конника» в очень «тяжелого» и... повернул назад. Вчера сыграл решительный «отбой» этому делу, а сегодня рад, как мальчишка, что снова в своей родной батарее.

Меня остановила необходимость перестать быть казак. Перестать верить и любить все то, чему верил и [что] любил раньше, перестать быть конником... как-то

это слишком тяжело, и я чувствую, что просто с тоски умер бы.

Казак страшно рады, что я снова в батарее, и это лучшая награда за все два года. Сегодня пришлось услышать так много хорошего, что мне иногда просто совестно становится.

Вот чисто боевая награда, ничуть не похожая на те «вывески храбрости», которых так много в тылу и совсем не встретишь на линии огня. Сегодня на душе прямо праздник, и сейчас я питаюсь земляники взвода в знак особого внимания за возвращение в строй.

1 [июля]. Прошел только месяц, как мы переброшены на этот фронт. Казалось, что это было очень давно. Последнее время немцы нам мало надоедают, и мы живем несколько дней совсем мирно. Вообще это лето пока для меня мало воинственно, а с прошлым годом прямо сравнить нельзя. В это время мы тогда ходили, как тени.

2 [июля]. Сiju в ожидании немецкой атаки. Расположился со всеми удобствами на батарее. Да и то сказать, уже недели три стоим на одном и том же месте, пора и устроиться.

6 [июля]. Сейчас живу почти отшельником, ибо из всех офицеров остался один. Дела у меня [идут] сейчас порядком, так как командир дня три уже болеет, и мне

А.А. Упорников с той, кому адресовал свои фронтовые письма, — женой Валентиной в последние минуты перед очередной отправкой на фронт после короткого отпуска 1917 г.

приходится действовать. Жду более светлых дней, когда снова соберутся все, а сейчас коротаю время по-немногу. Успеваем все. В хороше налаженной части все должно работать, как часы, и остается только дирижировать. Да и немцы нас мало тревожат эти дни.

Война еще только начинается. Действительно, немцы еще очень сильны, а за ними столько еще долгу. Придется еще и будущее лето драться.

8 [июля]. Вообще [войне] я всегда отдавал и отдаю должное, и в этом отношении мне не в чем себя упрекнуть. За всю войну я ни разу не чувствовал себя таким из-

КАЗАКИ страшно рады, что я снова в батарее, и это лучшая награда за все два года

дерганым, как за это короткое и даже спокойное время.

10 [июля]. Всякое спокойствие на фронте только тягостно. Я ничего так сильно не боюсь, как этих тихих дней на позиции. Всегда они несут с собой массу неожиданностей, более неприятных, чем их ждешь.

Здесь иногда бывают довольно странные минуты – это когда перестаешь чувствовать будущее. Передать это ощущение точно трудно, но характерная его особенность, что все обрывается проходящей минутой.

Впереди нет ничего, и это так несуразно! Вообще за это лето, несмотря на сравнительное спокойствие, я лично пережил больше, чем за всю войну. Спокойствие, конечно, частное, касающееся только нашего фронта. Постарел как-то.

13 [июля]. Я жду боя, как счастья, как времени, когда все перестанет существовать. К сожалению, мы до сих пор только отбиваемся. В этот короткий срок, кажется, первый раз устал за войну. И как глупо устал — на каких-то «архирейских» позициях, там, где и дела на грош.

Газеты читать больно – как обидно не участвовать в таких шикарных делах, как на юге. Нет, раньше мы были как-то счастливее на этот счет.

Пишу с наблюдательного. Живу с удобствами, да к тому же [–] командующий батареей.

19 [июля]. Начинается третий год войны, и теперь больше, чем когда-нибудь раньше, чувствуется, что впереди еще много таких дней. Но это не беда – лишь бы не возвращаться домой побежденными. За два года

слишком много потрачено сил, чтобы остановиться теперь перед дальнейшим.

2 [августа]. Вот уже прошло почти лето, а я не чувствую перемены, и, как в апреле, так до сих пор живу почти под вечным дождем и сыростью. Никогда я еще так сильно не хотел расстаться с надоевшими позициями. Здесь иногда чувствуешь, как вся энергия постепенно улетучивается, и на душе прямо болезненный осадок. Обиднее всего, что сознаешь, что теперь нужен больше всего запас бодрости, и так досадно растрачивать его среди гнилых туманов. Если к этому прибавить, что вот уже месяц, как я почти не вижу людей, то ты можешь представить себе, что за каторга такая позиция. Единственная связь с миром [–] это телефон. Но на войне нужно все испробовать. Хотелось бы скорей сдвинуть немцев, тем более, что здесь это не представит большой трудности. Этот год им приходится скверно, да оно и понятно – все-таки нам есть чем драться.

6 [августа]. Мне сегодня снова легко и весело дышать, на душе одна бодрость, и если бы сейчас приказали наступать, то я бы так стрелял, как ни разу еще за всю войну.

Забавный случай. Когда шел со своим приятелем, уральцы-офицеры первый раз назвали меня командиром «дерзкого взвода». Оказывается, это название пришло ко мне еще с прошлого года, а я только сегодня его услышал. Для меня это, конечно, приятно, ибо ты сама поймешь, что в этом слове для офицера одна похвала.

Слишком приятно заслужить такое имя в дивизии.

Иногда я представляю себе, как при-

А.А. Упорников
1914 г.

ятен будет момент, когда наконец раздадутся первые звуки «отбоя». Что это будет за момент! Ведь нет сомнения почти, что это будут звуки победы, и какой праздник должен это быть для армии! Даже голова кружится, когда думаешь, что такой конец все-таки будет – он даже близок, по-моему.

10 [августа]. Что все эти физические неудобства в сравнении с тем, что приходится переживать каждый день! Ведь если там, вверху, пишутся приказы, выносятся резолюции, кричат о гибели, если там паника, то что должны чувствовать мы... Теперь я уже привык к мысли, что мы ничто, что вообще русской армии нет. Но и то просто злость берет, как все подорвано и разрушено. А наш солдат-товарищ ходит себе с довольным и победным видом. Да и винить его, собственно, не за что. Что можно требовать от толпы? А всё, что сделало эту кашу, слишком далеко от нас и, мо-

А.А. Упорников
(в центре с биноклем)
на наблюдательном пункте

Сентябрь,
1915 г.

жет быть, в простоте душевной [кто-то] мыслит себя истинным другом народа.

Я себя часто виню, но не могу, что хочешь, вернуть былого увлечения. На все смотришь сквозь слова: «Не все ли равно». Пусто здесь, и с каждым днем все бессмысленней наше бесконечное стояние. Неужели же не найдется людей, которые поймут наконец, что лечить поздно, что на леченом коне далеко не ездят и что пора же наконец что-то сделать. Я убежден, что скоро, очень скоро будет конец всему, хотя, по-видимому, кругом говорят совсем другое. Может быть, я снова не прав. А в общем, от своей судьбы не уйдешь!

Год тому назад мы до потери сознания отстаивали вход в Беловежскую пуцу. Нас в тот день два раза окружали, и казалось, что выхода больше не будет. А потом, когда мы снова прорвались и присоединились к своим, когда вошли в пуцу, сколько чудных минут было пережито. Трудно передать, как удивителен переход от высшего напряжения к полному покою. И тем более он был [так] резок, что пуца покрыла все звуки, остановила перед собой врага и одарила нас такими изумительными картинами, что все остальное показалось слабым и несерьезным. Жалки человеческие усилия в местах, где природа развернулась во всю мощь. Я, хотя [и был] настоящий прозаик, дремал в седле до самого дворца, но когда открывал один глаз, то все-таки чувствовал всю красоту [природы].

14 [августа]. Сейчас на постоянных позициях времени остается очень много, но как томительно однообразно оно. Если бы не было случайных походов и если бы отсутствовали постоянная напряженность и аккуратные взаимные приветствия артиллерии, то можно было бы умереть от тоски.

Лето проходит. Для меня оно свелось в сущности к ничегонеделанью и иногда [к] отвратительной скуке [и ощущению] полного одиночества. В конце концов это все че-

пуха, а так как от войны вообще требовать хорошего смешно, то не все ли равно, где проводить эти дни. Хотелось, конечно, побольше движения, но это до будущего.

Сегодня познакомился с командиром батареи – нашим близким соседом справа. Оба мы подымались на аэростате для пристрелки по немецким батареям.

Хотя война и полна неожиданностей, но в этом году как-то все заплелось проволокой, и прежнего размаха уже нет. Мы, кавалерия и конно-артиллерия, самый несчастный народ в такой войне, ибо нет задач, нам сколько-нибудь свойственных, а быть не на [своем] месте – скучно. Сколько я мечтал об этом лете в длинные вечера зимой на Стайках. Сколько раз подробно рассматривал все карты и как надеялся к этим дням быть далеко впереди! Теперь, по-видимому, придется ждать будущего, хотя, может быть, еще осень позволит что-нибудь сделать. Но... вряд ли.

15 [августа]. Прошлый год иногда вспоминаю с удовольствием, хотя и плохо было, но все же мы вели жизнь более подходящую для конницы.

30 [сентября]. По-видимому, мы и эту зиму проведем в бесконечном стоянии перед проволокой, а такая перспектива меня мало прельщает.

противно, и лично я перестал надеяться на хорошее будущее. Вялость чувствуется во всем, а это отравляет и без того противное существование. На днях мы уйдем на старые места, откуда с такой радостью я уходил в августе. Противно будет снова сидеть без дела и гнить в болотах, но что поделаешь, ведь нужно же кому-нибудь быть там.

2 [октября]. Мне дали Анну 2-й степени. Скорей бы только проходило время бездействия, особенно если его нельзя будет провести так, как хотелось бы. Это самые худшие минуты на фронте. Здесь и тоска, и всякая другая нечисть прочно вьют свои гнезда, и нет ничего, что могло бы разогнать их.

За этот год сложились новые взгляды у меня на войну, и это потому, что уж давно не было настоящего дела для конницы, да и не будет, наверное, еще долго. А пора уж! Ведь надо же, наконец, а то совсем пропадешь с тоски. Положим, вверху виднее, а наше дело довольно простое.

4 [октября]. Эту зиму мне, верно, целиком предстоит провести на позициях. Сейчас нужно отдать полную дань войне и так или иначе подчиняться ее законам. Противно год быть на войне и почти не воевать, а в то же время чувствовать себя стесненным

КОГДА читаешь теперь газеты, то невольно вспоминаются слова Гинденбурга, что победит тот, у кого нервы окажутся сильнее на пять минут

Во всяком случае, это никому не может показаться сколько-нибудь заманчивым.

1 [октября]. Как легко было бы на душе сейчас, если бы все проволоки, окопы и прочее остались позади и мы гнали немцев по чистому полю. Это было бы утомительное время, но впереди так много награды за него.

Чем больше живу здесь, тем больше бросается в глаза разница настоящего с прошлым. Здесь стало как-то

гораздо больше, чем среди прежних действительно боевых дней. Бездействие – это худшая сторона нашей жизни – это настолько ужасная вещь, что когда-нибудь в истории наибольший упрек будет сделан этому. Поневоле как-то опускаются руки.

5 [октября]. Вне боевых действий, вернее, в неподвижной войне так мало интересного для конницы. Все сводится к измору, а это такая скучная вещь, что я не

могу равнодушно выносить ее. Переживется, конечно.

Витя* счастливее меня — на его фронте снова что-то разгорается и, по-видимому, там будут боевые дни. Нам остается только завидовать своим товарищам и по-прежнему гнить в болотах либо стоять, направив дуло вверх, в надежде подбить немецкий аэроплан. Я так рвусь туда, где идут серьезные операции. Во-первых, там дни проходят куда скорее, во-вторых, память о прошлом мне слишком приятна в сравнении с настоящим, а в-третьих, просто совестно, что так давно нигде не был.

Пока же довольно мрачные перспективы. Я бы рад был, если [бы] нас ожидали серьезные дни: среди них легче живется, а после чувствуешь всю прелесть жизни. Пишу много о войне. Здесь только она царствует, как сильнейший закон Земли, а ведь от ее перемен так много зависит. Невольно интересуемся всеми мелочами ее, и, конечно, хочется быть там, где стоит быть. Ведь жаль же тратить время и силы на пустоту, когда чувствуешь, что мог бы сделать много хорошего. Ну да нужно и здесь быть кому-нибудь.

7 [октября]. Через два-три дня мы уйдем на прежние места, и я уже теперь с огорчением думаю об этой комбинации. Вот самые трудные и неприятные стороны войны. Чувствовать себя на положении замерзающего, целыми днями сидеть по надоевшим блиндажам, видеть перед собой все ту же картину — какая это скучная вещь. Однако скулить нечего — нужно ведь быть кому-нибудь и там, а раз это мы, значит, такое уж наше счастье.

8 [октября]. Ну, кажется, последние дни тихой стоянки [—] и снова мы окунемся в свою прежнюю жизнь. Подводим последние итоги жизни в тылу, то есть забираем запасы, красим остальное и прочее, прочее. А на душе, как назло, светло и радостно. Будто бы впереди не долгие месяцы.

Отдадим все должное войне — ведь это наш долг перед родиной. Постепенно наш род оружия становится самым важным, и только теперь начинают ему отводить то место, на которое он давно должен был бы быть поставлен.

Я от души только хочу скорее решительных действий. Ведь только они могут дать нам тот конец, о котором все мечтают. Как хорошо было бы, если не смутились бы зимними холодами и попробовали сделать возможным то, что представляется невозможным. Неужели уроки прошлых войн забыты, неужели не помнят, что успех всегда бывает там, где он кажется невыносимым. Может быть, ты не разделяешь моего желания скорее снова драться по всему фронту. А мне оно представляется всегда заманчивым.

Впереди предстоит зима в окопах.

Понемногу «отбой» становится мечтой, но все-таки мы еще подеремся. Если бы только хоть раз еще, но как следует, только бы не бесконечно гнить в болотах. Это хуже всякого боя.

10 [октября]. Когда читаешь теперь газеты, то невольно вспоминаются слова Гинденбурга, что победит тот, у кого нервы окажутся сильнее на пять минут. Порой кажется, что предел упругости у обоих враждующих сторон приходит к концу, особенно когда вспоминаешь все виденное и слышанное за время отпуска. Теперь прямо с ожесточением буду ждать весны. До нее наш фронт вряд ли станет деятельным, но с первыми теплыми днями должны начаться решающие бои. Это лето мало меня коснулось, но сделано ведь очень много. Скорей бы снова весна и, главное, счастливая. ...Я так жду начала решительных действий. Право, за прово-

локой мне душно и хочется снова чувствовать себя боевым офицером. В той обстановке так много хорошего. Кругом здесь встречаешь только то, с чем никогда бы не хотелось встречаться.

2 [ноября]. Уже ноябрь, и скоро конец и этому году. За время войны так много пережито, что начинает казаться, что война была всегда.

4 [ноября]. Уже несколько дней стоим на позиции, и самым тяжелым лишением является для меня отсутствие твоих писем.

6 [ноября]. Я снова живу среди надежд на будущее и, как в прошлом году, мечтаю о том, что весной не придется так глупо торчать на месте, как это случилось с нами прошедшим летом. Здесь мы, по-видимому, прочно обосновались, а весной, я думаю, мы пойдем наконец вперед. Интересно, сколько еще впереди предстоит таких же дней, как сегодня, вчера и много остальных. Вот когда я решительно отказываюсь от роли предсказателя. Ну, да поживем и увидим все будущее.

Пойми, сейчас при встрече с тобой я все же никогда не могу забыть о войне. Надо сознаться, что до сих пор она привлекает меня и своей грандиозностью, и теми сильными переживаниями, которыми так обильно время [на] позиции.

7 [ноября]. К близкому соседству с немцами настолько привык, что временами совершенно перестаешь думать, что они так недалеко от нас.

Ночью проснулся, шинель страшно надавила плечи, вышел, чтобы проверить посты, — на дворе хоть и мороз, но такая дивная ночь, что просто уходить не хотелось. И, знаешь, кругом ни одного выстрела.

Размечтался я вчера ночью страшно и долго бродил по тропинкам кругом батареи. В

ВПЕЧАТЛЕНИЕ такое, что каждый хочет урвать кусок повкуснее. А война — такая отличная декорация для всего этого

* Брат жены.

такие минуты меня всегда начинает одолевать нетерпение и хочется скорей в последний раз сцепиться с немцами. Снова настроение становится бодрым и без всякой видимой причины начинает чувствоваться, что мы немцев скоро поколотим. Как будто в самом воздухе разлита эта уверенность в своей силе и все прибывающей слабости врага...

13 [ноября]. Когда вспоминаю начало войны и сравниваю с тем, как приходится жить сейчас, то просто не хочется верить, что и то, и то

то, что заработал за эти два года. Казаки ко мне сейчас присматриваются и ждут, по-видимому, как буду вести себя я в новом положении**.

17 [ноября]. Теперь я очень часто мечтаю о времени, когда наконец буду всегда с тобой. Пишу это тебе почти в каждом письме. Вот бы Витя увидел эти строки, написанные рукой когда-то так рвавшегося на войну корнета. Но я по-прежнему бы рвался на войну, если бы не был сейчас в окопах, и даже больше: жизнь эта мне не надоела, а надежда на движение вперед

21 [декабря]. Теперь, положим, мы больше начинаем ждать весны, и я верю, что если уж будет продолжаться война, то хоть нас-то уж не заставят по-прежнему гнить. Право, бой лучше, чем это положение.

23 [декабря]. Меня теперь, конечно, очень интересует, что принесет с собой [19]17 год. Иногда хочется взглянуть в будущее и хоть приблизительно узнать, что будет в это время через год. Теперь, право, не живешь, будто бы отбываешь какое-то наказание. Я, вероятно, долго буду вспоминать, как в кошмаре, об этих болохах. Теперь, когда делать нечего, читаю газеты от строчки до строчки. Ну и кавардак же идет! Воображаю, какая жара теперь наверху и сколько происходит там неизвестных [для нас] событий. Впечатление такое, что каждый хочет урвать кусок повкуснее. А война – такая отличная декорация для всего этого.

24 [декабря]. Немцы зашевелились против наших соседей и, как это часто бывает, испортили все. Пришлось пройти проверить наблюдательные пункты и снова столкнуться с действительностью. Впрочем, погода отличная, и сейчас так хорошо, что не хватает только тройки, санок и хорошей компании. Такое чувство, как сейчас, постоянно испытываешь весной. Все так хорошо кругом, что просто не верится, что ты на войне и что то, что ты делаешь, и есть война. Ведь странно же, когда идешь, как сейчас, по снегу, светит луна, под ногами хрустит, когда все так тихо – странно становится от сознания, что проходишь то место, где вчера шальной пулей ранен такой-то. А главное [—] обидно. Быть раненым, убитым в бою как-то уж более понятно, но сейчас прямо обидно. Наша жизнь скучна, и только то там, то здесь, вроде прежних набегов, рыщут разведчики. И так же, как тогда, ждешь, что будет дело. Но это, если и будет, то вряд ли скоро, я пока что живу по-старому.

25 [декабря]. Ты спрашиваешь, как мы здесь относимся к слухам о мире. Так же, ве-

ПОЛИТИКА меня перестала трогать. Газеты, когда они есть, читаю с отвращением

зовется войной. Впрочем, если тогда мы больше всего страдали от грязи и это было единственное, с чем я никак не мог примириться, то теперь на смену ей явилось страшное однообразие позиционной жизни.

Пишет ли тебе Витя и где он сейчас? Мне кажется, что они путешествуют по Румынии. Иногда от всего сердца завидую ему, а впрочем, у каждого своя судьба, и я надеюсь, что и мы наверстаем в будущем потерянные дни.

16 [ноября]. Теперь уже моя жизнь снова приняла свои постоянные рамки. Дни потянулись очень однообразные, но мне даже не хочется ничего другого. Конечно, только из круга позиционной жизни. Если бы под рукой была библиотека, то зарылся бы в нее с головой, но здесь книжный голод, и при большом количестве времени это довольно неприятный враг. От нечего делать пытаюсь изучать немецкий язык. Мне хочется быть отличным офицером еще больше, чем раньше, и я почти уверен, что этого я добьюсь сравнительно легко. Я далек от мысли составлять себе карьеру всеми подходящими способами, вернее, эти мысли мне редко приходят в голову, но очень хочу сохранить за собой все

продолжает и волновать, и радовать. В этой жизни много хорошего.

17 [декабря]. По-видимому, еще не конец войне. Надо думать, что в будущем для нас еще потянутся дни испытаний. Мне хочется во что бы то ни стало участия, наконец, после долгого перерыва в настоящих боях. Не знаю, что меня тянет, но кажется, мне хочется снова испытать, способен ли я снова говорить с гордостью, что в опасности я не потеряюсь. Я чувствую, что теперь казаки будут больше, чем раньше, следить за каждым шагом моим, и меня прямо подмывает показать на деле, что во мне еще больше духа и твердости, чем раньше. Не знаю, откуда эта уверенность, но она есть, и этого довольно. Только бы скорей так или иначе кончилось это бесконечное ничегонеделанье.

19 [декабря]. Для меня же, как всегда, жизнь вне боевой, и действительно боевой обстановки кажется очень неполной.

20 [декабря]. Атмосфера в батарее заметно изменилась – видно, продолжительный отдых не в пользу. Все это ведет к злейшему врагу жизни – скуке. Времени свободного слишком много.

** После женитьбы.

роятно, как и вы. Читаем газеты, потом складываем их и – больше ничего. Ведь все равно толку не добьешься, а что будет в будущем, увидим. Тут довольно философски относятся ко всем животрепещущим вопросам и больше, гораздо больше интересуются близким будущим и своими «приятелями» – немцами. Я, конечно, тоже почти так же отношусь к газетам и часто совсем забываю, что кто-то собирается мириться.

Ты ведь знаешь мои самые искренние желания. Они не изменились здесь, и если я настроен на старый лад, т.е. боевой, то только потому, что из двух зол выбираю лучшее. Драться так драться, но только уж не киснуть.

А все же есть люди, которым война представляется как ряд очень приятных путешествий. Как нужно мало иметь мозгов все-таки, чтобы говорить так. Ведь это значит совсем ничем не интересоваться. А в общем, ведь почти подавляющее большинство так смотрит. Только точки зрения разные. Война ведь вообще широкое поле для многих дел. Только обыкновенно забывают, что кто-то и чем-то расплачивается за это.

26 [декабря]. Снова на меня пахнуло летним настроением, то есть какой-то гнетущей скукой. В такие минуты все становится противным, и просто места себе не находишь. Обидно, что за этот год условия сложились так, что вся энергия куда-то испарилась, а в душе осталась только слякоть какая-то. Трудно передать это настроение – тоска.

Ничего не поделаю с собой, и если днем еще существую, то ночные дежурства проклинаю от всей души.

1917 год

4 [января]. Газеты читаешь с отвращением, да и ко всему остальному относишься так же. И еще больше от этого тянет скорее покончить со всем.

8 [января]. Привет с дороги. Страшно доволен, что вырвался снова из гнилых мест, и сегодня целый день дышал

ОБИДНО будет, если отрицательные стороны возьмут верх и вместо блага получится крах

с восторгом свежим воздухом. Говорю свежим, потому что болота – это не свежий воздух.

13 [января]. Мы отошли сейчас от старых мест, но стоим в землянках и проводим время по-прежнему. Собственно говоря, сегодня еще только первый день нашей жизни на новом месте, но я думаю, что долго мы здесь не задержимся. За эти дни я так много передумал, пока путешествовал. Политика меня перестала трогать. Газеты, когда они есть, читаю с отвращением. Надоела вся эта белиберда. Меня сейчас трогает только то, что близко и дорого сердцу, и только к тебе несутся все желания. Я думаю, что за будущее лето много должно быть перемен, и я все же продолжаю быть уверенным, что наша с тобой телеграмма будет иметь последствия***.

В прошлом году в эту пору была масса надежд – хотелось много сделать и использовать до конца свои силы. Теперь как-то чувствуется, что много растрепалось даром. Раньше манили к себе слава и прочее. Теперь я удивительно равнодушен ко всему этому. Слишком много насмотрелся обратных явлений и слишком критически стал относиться ко всему, что казалось таким значительным раньше. Одного только хочется до боли, чтобы нашей армии никто не мог сделать упрека. Страшно хочется удачи весной. Ведь в этом одном задержка. Как бы хорошо было внести беспорядок в аккуратный лагерь немцев и заставить их пережить всю тяжесть отступления. Это мечты – сбудутся ли они?

1 [марта]. На днях думаю покинуть эти места, и это лучше. Тоскливо было бы продолжать жить здесь. Куда и как мы уйдем – трудно сказать. Ведь начинает таять, и

вместе с этим появляются новые надежды на будущее лето. По правде, меня мало куда тянет, и я даже не могу представить себе, каким бы я был в настоящем бою. Слишком большой перерыв. Именно это время мне казалось особенно тяжелым.

Мне порой даже совестно, что война приняла такие мирные рамки. Можно ведь захиреть от такой жизни. Ну, да не беда. Лучше всего было бы, чтобы развязка была возможно скорей. Я думаю, что это скоро станет общим мнением.

3 [марта]. Кажется, мы долго еще простоим на старых местах. Это немного обидно. Ведь все это слухи.

4 [марта]. Ты теперь уже знаешь, какая каша начинает завариваться. Я воздержусь от рассуждений по поводу всего, что сейчас творится. Ты ведь знаешь мое мнение, и во всяком случае жалеть не о чем****. Теперь посмотрим, что будет твориться на фронте. Скорей бы уж начались решительные дни.

Как назло, в этом году весна не торопится, да и умы больше заняты тем, что совершается сейчас в тылу. Кажется, победа решительная, и только бы сумели развить первый успех. Обидно будет, если отрицательные стороны возьмут верх и вместо блага получится крах. Для нас, боевых частей, все случившееся как-то мало меняет дело. Мы все же больше заняты тем, что творится прямо перед нами. Да оно так и быть должно. Мне только одного сильно хочется, чтобы это лето не было для меня таким же малодетельным[, как минувшее]. Хочется движения, хочется кавалерийской жизни.

**** Речь идет о Февральской революции 1917 г. и отречении Николая II от престола.

*** Приезд жены на фронт.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ ГРАФА А.И. ОСТЕРМАНА-ТОЛСТОГО В РОССИЮ

В январе 2007 года исполнилось 225 лет со дня рождения героя Отечественной войны 1812 года генерала от инфантерии графа Александра Ивановича Остермана-Толстого, генерал-адъютанта, шефа лейб-гвардии Павловского полка. Последние 30 лет генерал жил за границей, однако ни в Женеве, где его похоронили, ни в родовом имении Остерманов-Толстых под Рязанью, где спустя некоторое время должно было состояться перезахоронение праха, могилы Александра Ивановича пока не обнаружено. В предлагаемой вниманию читателей статье делается попытка приоткрыть завесу тайны, окружавшую жизнь и смерть этого талантливого, но ныне несправедливо забытого русского военачальника.

ГЕНЕРАЛ от инфантерии граф Александр Иванович Остерман-Толстой (1772—1857), сын генерал-поручика Ивана Ивановича Толстого¹, внук Анны Андреевны Толстой, урожденной графини Остерман, военную службу начал прапорщиком в 1784 году в лейб-гвардии Преображенском полку, в 1788—1791 гг. добровольцем участвовал в войне с Турцией, за боевые отличия получил сначала чин подпоручика, затем поручика. В 1793 году он из лейб-гвардии перешел в армию с зачислением во 2-й батальон Бугского егерского корпуса и в 1796 году произведен в полковники.

А в это время в Москве подходил к концу жизненный путь двух братьев графов Остерманов, Федора и Ивана Андреевичей. Их отец, когда-то всемогущий граф Андрей Иванович Остерман, генерал-адмирал, фактический руководитель внешней и внутренней политики России при Анне Иоанновне, сосланный в 1741 году в Сибирь, в Березов Елизаветой Петровной, оставил после себя двух бездетных сыновей и дочь Анну Андреевну — бабушку нашего героя. Именно по этой родственной линии Остерманам² было разрешено передать в 1796 году графский титул и герб своему внучатому племяннику Александру Ивановичу Толстому. Так 24-летний полковник А.И. Толстой стал графом Остерманом-Толстым. В 1797 году он был переведен в Рязский мушкетерский полк, на следующий год произведен в генерал-майоры и назначен шефом Шлиссельбургского мушкетерского полка. Однако на этом военная карьера прервалась: генерал-майор А.И. Остерман-Толстой был переименован в действительные статские советники. На военную службу он вернулся лишь со вступлением на престол Александра I. В 1798 году Остерман-Толстой женился на княжне Елизавете Алексеевне Голицыной. Детей в этом браке у него не было.

А.И. Остерман-Толстой участвовал во всех войнах против Наполеона, сражался при Аустерлице, Пултуске, под Прейсиш-Эйлау и Фридландом. В сражении при Гутштаде он был тяжело ранен, за отличие получил чин генерал-лейтенанта, орден Св. Георгия 3-й степени и золотую шапку с алмазами, а по излечении назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка и начальником 1-й пехотной дивизии. Но расстроенное здоровье вынудило его уйти в отставку. С началом Отечественной войны 1812 го-

Граф
А.И. Остерман-Толстой

да он вернулся в строй, получил в командование 4-й пехотный корпус, входивший в состав 1-й Западной армии М.Б. Барклая-де-Толли. Ему выпало дать отпор французам 25—26 июля при Островне, где русские войска сдерживали превосходившие их силы французов, наступавших по обеим сторонам р. Западная Двина от Бешенковичей к Витебску. В один из сложных моментов боя, когда офицеры штаба спросили, каков будет его приказ, чтобы избежать потерь от мощного картечного огня неприятеля, генерал ответил: «Стоять и умирать!». Блестяще справился генерал с поставленными задачами и на поле Бородина. С кургана, где ныне стоит высокий обелиск — главный памятник мемориального комплекса, Остерман-Толстой управлял войсками и лично водил в контратаки полки до тех пор, пока тяжело контуженный не был вынесен с поля боя.

Со своим корпусом А.И. Остерман-Толстой дошел до Дрездена. 29 августа 1813 года он вновь отличился в битве с французами при Кульме. Там, в горах Богемии, он еще раз прославил русское оружие, не позволив со своим отрядом в 17,5 тыс. человек корпусу Д. Вандама (37 тыс. чел.) выйти в тыл к нашим союзникам. В ожесточенном сражении Остерман-Толстой лишился левой руки; его заменил А.П. Ермолов³. Отряд потерял до 6000 человек,

но упорной обороной спас союзную армию от разгрома. Позже, когда в бой вступили главные силы союзников под командованием генерала от инфантерии М.Б. Барклая-де-Толли, корпус Вандама был разбит, а сам он попал в плен. Наградой за Кульм Остерману-Толстому стал орден Св. Георгия 2-й степени, а богемские дамы поднесли русскому генералу украшенный камнями золотой кубок.

По излечении и возвращении в Петербург в 1815 году Остерман-Толстой назначается шефом лейб-гвардии Павловского полка — привилегия членом царской семьи — и получает звание генерал-адъютанта. Произведенный в августе 1817 года в чин генерала от инфантерии он вскоре по состоянию здоровья увольняется в бессрочный отпуск, а затем навсегда покидает Россию. В 1835 году при открытии памятника в Кульме Остерман-Толстой в знак прошлых заслуг получил орден Св. Андрея Первозванного, а австрийский император прислал ему специально вычеканенную золотую медаль.

ЗА ГРАНИЦЕЙ отставной генерал познакомился с Мари Лепри, урожденной Пальяри, которая в пятнадцатилетнем возрасте была выдана замуж за довольно пожилого графа Лепри, и к тому времени уже овдовела. Есть сведения, что их познакомил поэт Ф.И. Тютчев, двоюродный племянник и протеже графа А.И. Остермана-Толстого, находившийся в то время в качестве дипломата в Германии⁴. Правда, Лепри так и не стала его второй законной женой, поэтому дети не смогли унаследовать фамилию и графский титул и по всем сохранившимся документам проходят как Николай, Катрин и Агриппина Остерфельд⁵.

В разгар Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. А.И. Остерман-Толстой, оставив семью во Флоренции, пытался предложить Николаю I свою кандидатуру в качестве командующего группировкой российских войск на Балканах, однако император предпочел видеть на посту командующего генерал-фельдмаршала П.Х. Витгенштейна, который, не дождавшись плодов своих усилий — выгодного для России Адрианопольского мирного догово-

ра в феврале 1829 года ушел в отставку. Есть сведения, что А.И. Остерман-Толстой все же успел повоевать с турками, приняв участие в освободительной войне Египта с турецким султаном в 1831—1833 гг. Будучи под именем полковника Иванова военным советником Ибрагима-паши, сына правителя Египта Мухаммеда Али, он разрабатывал стратегические планы и руководил ходом боевых операций, весьма успешных для Египта. 11 декабря 1832 года в битве у Коньи турецкие войска были разгромлены, а их командующий — великий визирь взят в плен. Египетская армия стала быстро продвигаться к Стамбулу. В этот критический момент турецкий султан Махмуд II обратился за помощью к России. В феврале 1833 года русская эскадра с десантными войсками прибыла в Босфор, что вынудило египтян приостановить наступление. В мае 1833 года турки и египтяне заключили мирное соглашение, а для России этот кризис закончился выгодным договором с Турцией, в котором, так или иначе, присутствовала невидимая заслуга и Остермана-Толстого.

С 1837 ГОДА Александр Иванович вместе с детьми навсегда обосновался в Женеве. Катрин в 1841 году вышла замуж за Фракито Ошандо (1810—?), сына испанского маркиза дона Франциско Санчеса Ошандо де ла-Банда и его супруги Софии де Крюденер, брат которой барон Павел де Крюденер находился на российской дипломатической службе и возглавлял наше посольство в Берне⁶. Он был знаком с князем Александром Голицыным, другом покойного императора Александра I и влиятельным вельможей при дворе Николая I. По ходатайству князя Фракито поступил в российскую коллегию иностранных дел и был введен в высшие круги петербургского общества. Начав службу в российской столице, молодой дипломат познакомился с представителями придворной знати, в том числе с княгиней Софьей Волконской, женой Петра Михайловича Волконского, министра двора. Спустя несколько лет, в 1840 году, уже работая в Берне, Фракито за-

ехал в Женеву, где снова встретился с Волконской и познакомился с ее братом князем Николаем Григорьевичем Репным-Волконским, активным участником войн с Наполеоном, и его другом графом А.И. Остерманом-Толстым. В женевском салоне Волконской он и познакомился с Катрин, которой едва исполнилось 16 лет.

Венчание Катрин и Фракито состоялось в католическом храме города Ниона, в 20 километрах от Женевы, и в протестантской церкви соседней деревни Селинии. После свадебного обеда молодые отправились в путешествие вокруг Женевского озера. Увы, счастье было недолгим: Катрин вскоре серьезно заболела.

В архиве семьи де Крюденер сохранилось письмо А.И. Остермана-Толстого из Женевы в Берн к Павлу де Крюденеру, датированное 26 мая 1843 года, в котором Александр Иванович просил русского посла продлить на месяц отпуск своему зятю из-за болезни жены.

Успокаивая Александра Ивановича и желая здоровья отцу и дочери, Павел де Крюденер отдает должное военным заслугам полководца: «Прошу простить, ваше превосходительство, за все, что касается формы и... моего стиля. Эта жесткость исходит от обстоятельств, а никак не от моих личных чувств, кои я испытываю к вашему превосходительству как человек искренне преданный, который никогда не осмелится относиться без восхищения и патристического уважения к первому из наших генералов».

Успев родить своему Фракито двух дочерей, Катрин Ошандо умерла в Берне 14 декабря 1844 года от туберкулеза. Ей не было и двадцати лет.

По просьбе Остермана-Толстого его младшая дочь Агриппина еще при жизни сестры была принята на воспитание в семью Франциско и Софии Ошандо де ла-Банда. В 1848 году Агриппина вышла замуж за Шарля де Бюде, женевского помещика из знатной французской семьи. Основоположником рода был Гийом Бюде, единомышленник и соратник отца реформации Жана Кальвина (1509—1564). В числе его потомков — известные в Европе государственные деятели, во-

еннослужащие, литераторы, меценаты. Свекру Агриппины Жаку-Луи де Бюде принадлежал замок в соседнем с Женевой французском городке Ферней-Вольтер, в котором в 1758—1778 гг. жил Вольтер⁷, а сейчас находится его музей.

Агриппина подарила отцу двух внуков и внучку: Александра (1850—1913), Рене Алоиса (1863—1897) и Изабель (1852—1903). Скучные данные, сохранившиеся в женевских архивах, позволяют судить об Агриппине как о даме высоко образованной и культурной, которая входила в круги женевской элиты. Агриппина скончалась 25 мая 1887 года и была похоронена на коммунальном кладбище в Пети-Саконне.

Сын Александра Ивановича Николай Остерфельд родился и жил в Париже, в районе Пасси. Он часто бывал у отца в Женеве и поддерживал теплые приятельские отношения с Шарлем де Бюде.

В сентябре 1850 года Шарль получил известие из Франции от княгини Голицыной о том, что Николай серьезно болен: «16 сентября, понедельник. Тепло, пасмурно. Вечером плохие новости из Трувиля от кн. Голицыной о Николае». Видимо, новости действительно были очень плохие, потому что на следующий день Шарль срочно выехал в Париж. Он застал своего друга и родственника в тяжелом состоянии и несколько дней подряд навещал его вместе с князьями Голицыными и генералом Павлом Толстым. А 25 сентября Шарль де Бюде сделал в своем дневнике следующую запись: «Я в Пасси. В 10.30 Николай издал последний вздох...».

В 1851 году А.И. Остерман-Толстой перезахоронил Николая в Женеве. Граф часто заходил на кладбище, чтобы провести могилу сына. Сегодня на старом кладбище уже не отыскать ни могилы Николая Остерфельда, ни захоронения его сестры Агриппины де Бюде. И даже деревья уже другие: те когда-то спилили, а мощные пни и корни пустили новые побеги.

ПОЧТИ все ныне здравствующие потомки А.И. Остермана-Толстого слышали, что в их роду был русский генерал, граф, о котором писал Лев Толстой, а князь П.А. Вяземский⁸ отличал в нем «прямодушие, откровенность, благородство и

глубоковрезанное чувство народности». Автору этих строк удалось познакомиться с некоторыми из потомков графа, побеседовать, поддержать в руках пожелтевшие фотографии и даже сделать несколько удивительных открытий.

Франсуа Бюрнан из Феши, что в кантоне Во, показал мне серебряное блюдо из походного сервиза генерала, о чем свидетельствует гравировка, датированная 1813 годом.

В самом центре старой Женевы, на улице Мэри стоят вплотную друг к другу солидные четырехэтажные дома постройки XVII—XVIII веков, сохранившие архитектурный стиль эпохи Возрождения и дух средневекового города. Один из них, наиболее примечательный, был построен в 1620 году итальянским неогциантом Франческо Тюрреттини.

Сегодня этим домом-замком владеет Бернар Тюрреттини, праправнук Остермана-Толстого по линии младшего сына Агриппины де Бюде Рене-Алоиса. Бернару, бывшему послу Швейцарии в Швеции и постоянному представителю при ООН, уже за 90. Его жена Вибрандис Тюрреттини, несмотря на свой тоже весьма почтенный возраст, очень энергична, подвижна и жизнерадостна.

— С момента прихода в эту семью, — рассказывает мадам Тюрреттини, — я слышала о нашей русской крови, что-то невнятно говорили о каком-то русском герое — друге царя и враге Наполеона, о его военных подвигах и наградах. Но невозможно было узнать ничего определенного, пока брат мужа Робер не позволил мне познакомиться с подборкой документов, давно пылившихся у него в шкафу. Я нашла сведения о последних годах жизни Остермана-Толстого, прадеда моей свекрови Изабель Тюрреттини.

Среди этих бумаг обнаружился и дневник Шарля де Бюде, представляющий особую ценность для исследователей. Его отрывистые строчки доносят до нас бесценную информацию. Есть в дневнике и поистине сенсационная запись: «Вторник, 30 января 1849 г. Ясно, ветрено. Графу 77 лет, отметили». Замечательно! Теперь мы знаем, если верить этой записи, точную дату рождения Остермана-Толстого — 30 ян-

варя (тогда по российскому календарю это было 19 января) 1772 года, в то время как многие российские источники указывают 1770 год его рождения, причём без даты.

В 1851 году, после смерти матери, Шарль де Бюде продал доставшийся ему в наследство замок, тот самый, в котором жил Вольтер, и за пятую часть его стоимости купил виллу «Георг» в Пети-Саконне. В свой новый красивый двухэтажный дом они с Агриппиной перевезли Александра Ивановича, обеспечив ему должные внимание и заботу. Тогда усадьба Шарля де Бюде, занимавшая площадь в 4,2 гектара, располагалась на возвышенности, откуда открывался замечательный вид на Женеву. Из сохранившейся с тех времен каменной беседки граф мог часами любоваться лазурным спокойствием Женевского озера и красивыми силуэтами старого города⁹. Можно только догадываться, о чем думал при этом, вспоминая прожитое, престарелый генерал, верный слуга государя и Отечества, подлинный патриот, для которого Россия по его образному выражению, была не мундиром, а кожей.

Широко улыбающаяся в молодости судьба — графский титул, генеральское звание, удачный брак — впоследствии не щадила его. Она наносила удар за ударом: страшная болезнь первой жены, тяжелые ранения, ампутация руки, несправедливая опала, потеря двух детей. Приведу строки из письма, А.И. Остермана-Толстого Николаю I в 1831 году: «Мне уже прозвонило 59. Физические силы полностью подорваны. Два серьезных огнестрельных ранения и на одну руку меньше позволяют мне быть уверенным в том, что в какой-то степени я выполнил свой долг как русский и как солдат».

Будучи весьма состоятельным человеком¹⁰, граф в силу каких-то, пока еще не установленных причин, последние годы жил весьма скромно. После его смерти Шарль де Бюде перечислял в письме Леониду Голицыну вещи, оставшиеся от тестя, а также... его долги, которые затем оплатили российские наследники графа, его племянники князя Валериан, Леонид и Александр Голицыны.

Хоронили генерала, по свидетельству швейцарца Гюстава Ре-

ПРИМЕЧАНИЯ

**Открытие памятной доски
на месте временного
захоронения
А.И. Остермана-Толстого**

*Женева,
16 февраля 2006 г.
Фото М. ГУСАРОВА*

вийю, 14 февраля 1857 года. «К воротам скромного кладбища женева предместья Пети-Саконне, — пишет Г. Ревийю, — подъехала траурная повозка с гробом, украшенным двумя лавровыми венками, впереди которой шли священник русской церкви и два дьякона, распевая траурные псалмы и размахивая кадилом с дымящимся ладаном; за гробом следовала вся проживающая в Женеве русская знать, несколько друзей покойного, члены его второй семьи, а также жители Пети-Саконне, чье внимание привлекла эта необычная процессия».

Но, увы, нет на старом кладбище в Пети-Саконне могилы боевого русского генерала, как нет точных сведений о каком-либо другом месте его захоронения. Дело в том, что спустя три месяца после погребения тело Остермана-Толстого по просьбе российского правительства было эксгумировано с целью отправки в Рязанскую губернию и перезахоронения в семейной усыпальнице рядом с его предками. Тому имеются документальные подтверждения: регистрационные записи в книге женева мэрии, протокол об эксгумации и даже публикации в газете «Ревю де Женев».

В одном из частных архивов сохранилась переписка родственников генерала, из которой следует, что инициатором его перезахоронения на родине был посол России в Швейцарии барон Павел де Крюденер.

Сопроводять гроб до Варшавы должны были Жан Огюст Вайсс-Хаас, бывший лакей Остермана-Толстого Пьер Мари Гавар, и гувернантка мадмуазель Пэнгэли. В Польше им надлежало передать останки племяннику Остермана-Толстого по линии жены князю Александру Михайловичу Голицыну для последующей доставки в Россию. В упомянутом частном архиве есть два письма Вайсса-Хааса из Пайерна и Цюриха, где кортеж останавливался для ночевки 30 мая и 3 июня 1857 года. Они адресованы соответственно дочери генерала Агриппине и ее мужу Шарлю де Бюде. Судя по содержанию писем, поездка проходила спокойно без происшествий и трудностей.

К сожалению, на этом следы теряются. Пока, насколько мне известно, не найдено свидетельств того, что траурный кортеж достиг Рязанской губернии. По крайней мере, могилы Остермана-Толстого в его родовой усыпальнице не обнаружено. Поэтому по инициативе российских дипломатов на внутренней стене кладбища Пети-Саконне, рядом с бывшей временной усыпальницей Остермана-Толстого, ему установлена мемориальная доска.

Торжественное открытие мемориальной доски с участием мэра Женевы, руководителей российских дипломатических представительства и потомков Остермана-Толстого состоялось 16 февраля 2006 года. Эта мемориальная доска не только дань памяти верному сыну России, но и призыв к потомкам — установить наконец место погребения этого незаурядного человека.

¹ По другим данным имя отца Иван Матвеевич.

² После ссылки отца пострадали и сыновья. Федора Андреевича (1723—1811) вместе с братом Иваном Андреевичем (1725—1804) перевели из гвардии в армию. Федор, однако, вновь выдвинулся в ходе Семилетней войны (1756—1763), был членом Военной коллегии, сенатором, московским генерал-губернатором. Иван, лишенный не только гвардейского звания, но и орденов, уехал за границу; в 1757 г. он был назначен в русское посольство во Францию, затем в Швецию, а с 1774 г. стал членом Коллегии иностранных дел. При Павле I, до 1798 г., был государственным канцлером, возглавлял Коллегию иностранных дел.

³ Руку генералу ампутировал на месте боя полевой хирург под барабанную дробь и громкие песни солдат: так приказал командир, чтоб не было слышно его стонов. По преданию, эта рука была захоронена в семейной усыпальнице Остерманов-Толстых в селе Красное Сапожковского уезда Рязанской губернии.

⁴ **Тютчев Федор Иванович** был сыном кузины Остермана-Толстого Екатерины Львовны Тютчевой, урожденной Толстой (1776—1866). Генерал устроил племянника на службу в Министерство иностранных дел и в 1822 году привез его в Мюнхен к месту первой заграничной командировки.

⁵ Сейчас уже точно установлены даты, места рождения и смерти детей Остермана-Толстого: Николай родился 6.12.1823 г. в Париже — умер 25.09.1850 г. в Париже; Катрин родилась 17.01.1825 г. в Пизе — умерла 14.12.1844 г. в Берне; Агриппина родилась 12.03.1827 г. в Пизе — умерла 25.05.1887 г. в Женеве.

⁶ Барон **Крюденер Павел Алексеевич** (Paul de Krüdener, 1784—1858) российский дипломат, посол, сын посла Алексея Константиновича Крюденера и Варвары-Юлианы Виттинггофф, писательницы, известной как мадам де Крюденер, близкой знакомой Александра I.

⁷ **Вольтер Франсуа Мари Аруэ** (1694—1778), французский философ-просветитель и поэт, критик феодализма и церкви. Состоял в переписке с Екатериной II.

⁸ **Вяземский Петр Андреевич** (1792—1878), князь, поэт, литературный критик, академик Петербургской АН (1841), член Государственного совета, товарищ (заместитель) министра просвещения, глава цензурного ведомства. В молодости был близок к декабристам, друг А.С. Пушкина.

⁹ Сейчас здесь располагается Международная Федерация обществ Красногребаста и Красногребаста.

¹⁰ В России А.И. Остерман-Толстой владел 70 тыс. гектаров земли.

А.В. ТОКАРЕВ

ФРАНЦ ЛЕФОРТ – ДРУГ И НАСТАВНИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Изучая историю международных отношений, не следует забывать, что контакты государств и народов, какой бы глобальный характер они ни носили, осуществляются через конкретных людей. Несмотря на то, что история официальных двусторонних дипломатических отношений между Россией и Швейцарией не столь уж древняя, с 1906 г. (хотя первое швейцарское консульство открылось в Санкт-Петербурге в 1816 году), взаимосвязи двух стран продолжают уже несколько столетий. Швейцарское присутствие в России наиболее ярко проявилось в деятельности уроженцев Швейцарии, чья жизнь в той или иной степени была связана с нашей страной. Невозможно в одном коротком очерке рассказать обо всех швейцарцах, внесших выдающийся вклад в науку, культуру и образование России. Но одно из имен заслуживает особого внимания, это имя Франсуа (Франца Яковлевича) Лефорта. С него началась история швейцарцев в России в новую эпоху великих преобразований Петра I.

ФРАНСУА Лефорт родился в Женеве 2 января 1656 года. По происхождению он принадлежал к привилегированному кругу женевской торговой и политической аристократии, считавшейся хранительницей устоев кальвинистской морали и образа жизни. Его пра-

дед Жан Антуан Лиффорти получил женевское гражданство в 1565 году¹. На протяжении столетия написание фамилии претерпело изменения: из Лиффорти/Lifforti она стала писаться на французский лад — Лиффорт/Liffort, а затем еще более «офранцузилась», превратившись в Лефорт/Lefort. Позднее привилось написание в два слова — Ле Форт, что имеет место до настоящего времени.

Франсуа Лефорт был восьмым ребенком в семье. Его отец Жак Лефорт торговал аптекарским товаром и предполагал для сына ту же карьеру. В детском возрасте Франсуа воспитывался в Женевской академии, а по достижении им 14 лет отец отправил мальчика для обучения в Марсель, к одному из негоциантов. Однако, душа юноши не лежала к торговому делу, он сбежал от наставника и поступил кадетом в марсельский городской гарнизон. Но недовольный отец вызвал сына в Женеву, где тот был вынужден против воли продолжить обучение в отцовском торговом доме. Ситуация осложнялась еще и тем, что с 1642 года существовало постановление городского совета Женевы, запрещавшее своим гражданам наниматься на военную службу в другие государства.

В конце 1673 года в Женеву приезжает младший брат принца Курляндского Карл Яков, знакомство с которым побуждает юного Лефорта с особым упорством добиваться у родителей разрешения поступить в полк принца, воевавший в Нидерландах против французов. Влияние и связи семьи Лефортов в городе пригодились для того, чтобы снять запрет на службу за границей, и в начале июня 1674 года восемнадцатилетний Франсуа Лефорт покинул родной город. Рассержен-

ный отец не дал ему даже рекомендательных писем к своим торговым контрагентам в Нидерландах и выделил на дорогу всего 60 гульденов. Но это не смутило молодого человека. Во-первых, Карл Яков обещал ему покровительство, а во-вторых, речь шла о поддержке справедливой войны протестантов, защищающих свою землю от экспансии короля-католика Людовика XIV².

В течение нескольких месяцев 1674 года Лефорт принимал участие в качестве волонтера в боевых действиях, где был ранен осколком гранаты в ногу. Когда война в Нидерландах подошла к концу, положение Франсуа стало неопределенным. Не имея постоянной должности в армии, он остался без средств к существованию. В это трудное для него время он встретил голландского полковника Якоба ван Фростена, набравшего от имени царя Алексея Михайловича охотников для военной службы в Московии. Обещание капитанского чина с высоким жалованием в России определило выбор Лефорта. В начале сентября 1675 года в компании еще нескольких наемных офицеров он прибыл в Архангельск.

РОССИЯ встретила иноземцев отнюдь не гостеприимно. Выяснилось, что ван Фростен не имел никакого поручения от русского правительства, и путь в Москву для них оказался закрыт до особого разрешения Посольского приказа. Челобитная о приеме на русскую службу не помогла, всем вновь прибывшим было велено отправляться «в свои земли», но так как стояла уже поздняя осень и навигация закончилась, неудавшимся наемникам было разрешено приехать в столицу, чтобы затем покинуть Россию через немецкую границу. На пути в

Москву они узнают о смерти царя Алексея Михайловича и вступлении на престол его старшего сына Федора, но положения иноземцев это не изменило, русское правительство в их услугах не нуждалось. Части более опытных офицеров удалось устроиться в Пушкарском приказе инженерами (что было ниже офицерского звания), а Лефорт опять оказался без места, но из России не уехал. Он поселился в Немецкой слободе и попытался поправить свои дела выгодной женитьбой на дочери полковника Кроуфорда. Одновременно

узорчатой камки»³. Таков был русский обычай той эпохи, служилые люди часто получали государево жалование тканями или мехами.

Следующие несколько лет служба Лефорта проходила на Украине под начальством Патрика Гордона⁴. Продолжалась война с Османской империей, и Лефорт во главе своей роты не раз приходилось участвовать в стычках с крымскими татарами. После заключения Бахчисарайского мира 1681 года он подал прошение об отпуске на родину, и при условии обязательного возвращения получил на пол-

свободе. Потом снова была боевая служба на Украине и участие в двух Крымских походах князя Василия Голицына в 1687 и 1689 годах. Оба предприятия окончились неудачей, но это не помешало Лефарту по возвращении из второго похода получить чин полковника⁵.

Чин и состояние позволяли жить на широкую ногу, устраивая праздники и приемы, а обходительность и любезность хозяина привлекали в его дом многочисленных именитых гостей. Одним из них часто оказывался князь Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат фаворита царевны Софьи, но при этом наставник юного царя Петра и едва ли не глава партии, враждебной царевне, узурпировавшей власть. Именно Борису Голицыну Лефорт обязан своим знакомством с юным царем Петром, которое произошло незадолго до драматических событий августа-сентября 1689 года.

ОБОСТРЕНИЕ борьбы за власть между возмужавшим царем Петром и царевной Софьей разрешилось в пользу царя. Находясь в Троице-Сергиевом монастыре, Петр вызвал к себе верные ему стрелецкие полки, а также солдатские полки нового строя во главе с иноземными офицерами. После некоторых колебаний командиры полков, в том числе Патрик Гордон и Франц Лефорт, подчинились царскому указу, предопределив тем самым падение власти Софьи. Не последнюю роль сыграло то, что на стороне Петра был их покровитель князь Б.А. Голицын. С осени 1689 года Гордон и Лефорт входят в ближний круг царских советников, их отношения с царем становятся все более дружескими, но по обычаям Московского государства дружба правого царя с иностранца-

СОВРЕМЕННОК Лефорта князь Б.И. Куракин дал ему следующую характеристику: «Помянутый Лефорт был человек забавный и роскошный или назвать дебошан французский»

возродились виды на военную службу с началом войны России с Турцией. Надежды ни на то, ни на другое не оправдались из-за болезни Лефорта, полтора месяца он был на грани жизни и смерти.

Почти два года провел Лефорт в Немецкой слободе без определенных занятий, если не считать его кратковременной службы в качестве секретаря у датского резидента Магнуса Гиое. Но время, проведенное среди населявших Немецкую слободу иностранцев, служивших русскому царю, не пропало даром. Лефорт обзавелся полезными знакомствами в этой среде и его положение упрочилось настолько, что он получил согласие на брак с дочерью полковника Франца Суэ Елизаветой. Кроме приличного приданого, женитьба в июле 1678 года позволила ему через тещу, урожденную Бокховен, породниться с героем Чигиринских походов генерал-майором Патриком Гордоном. Возможно, что именно это благотворно повлияло на его карьеру. В августе 1678 года он был принят на военную службу в Иноземском приказе в чине капитана. В ноябре того же года ему было выдано первое жалование — «десять аршин одноцветной

года проезжую грамоту. Находясь в Женеве весной 1682 года Лефорт получил несколько заманчивых приглашений на службу, но отклонил их, говоря, что сердце его лежит к России, где, кстати, оставалась его новая семья. В сентябре он вернулся в Москву. Во время его отсутствия умер царь Федор Алексеевич, царем был объявлен младший сын Алексея Михайловича Петр, но восставшие стрельцы настояли на провозглашении царями одновременно двух братьев — Ивана и Петра Алексеевичей. Фактическая же власть оказалась в руках их старшей сестры царевны Софьи и ее фаворита князя Василия Голицына. Лефорт пользовался расположением князя, благоволившего к иностранцам, поэтому перемены только способствовали его карьере: на протяжении 1683 года он получил чин майора, затем подполковника, проживая все это время в своем доме на берегу Яузы в Немецкой

ЛЕФОРТ был совершенно чужд каким бы то ни было придворным интригам в борьбе за власть и никогда не пользовался своим колоссальным влиянием на царя в корыстных целях

ми, тем более исповедующими чужую веру, была делом неслыханным. Патриарх Иоаким с явным неодобрением смотрел на новых царских друзей, а в своем духовном завещании прямо предостерегал от контактов с иноверцами. Когда 28 февраля 1690 года на торжественный обед в Грановитой палате по случаю рождения царского наследника царевича Алексея был приглашен П. Гордон, патриарх энергично восстал против присутствия иноземца за столом во дворце вместе с православным духовенством, и юный царь должен был уступить⁶.

Петр, вероятно, вздохнул с облегчением, когда не стало строгого патриарха, ревнителя старины, и мог теперь, не боясь его укоризн, дать полную волю своим чувствам к новым друзьям-иноземцам и склонности к иноземному быту, с которым он начал знакомиться. Вскоре после смерти патриарха 17 марта 1690 года, как раз вопреки последним словам его завещания об иноземных обычаях и одеждах, царю было сделано «немецкое платье»: камзол, чулки, башмаки, шпага на шитой золотом перевязи и «накладные волосы», т.е. парик. Часть материалов для «строения» этого платья была куплена «у генерала Франца Лефорта»⁷. Действительно, еще в феврале 1690 года по случаю рождения царского наследника,

продолжалась до самой смерти Лефорта в 1699 году, не ослабевая и не омрачаясь ничем, несмотря ни на какие интриги недоброжелателей и вспыльчивый, импульсивный характер Петра.

Чем же так привлек молодого царя его новый друг и советник? Почему он, а не другой, например шотландец Патрик Гордон, также ближайший из советников-иностранных, занял первое место при царе? Гордон обладал несомненно куда большим жизненным и военным опытом и знаниями, но отличался более закрытым, сдержанным характером. Имела значение и разница в возрасте. Гордон был старше царя почти на сорок лет, а Лефорт – только на шестнадцать, и при своем живом нраве больше импонировал молодому Петру.

СОВРЕМЕННОМУ Лефорта князь Б.И. Куракин дал ему следующую характеристику: «Помянутый Лефорт был человек забавный и роскошный или назвать дебошан французский. И непрестанно давал у себя в доме обеды, супе и балы. И тут в его доме первое начало учинилось, что его царское величество начал с дамами иноземскими обходиться и амур начал первый быть к одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова. Правда, девица была изрядная и умная. Тут же в доме Лефорта началось дебошество, пьянство так вели-

Характеристику Куракина не назовешь доброжелательной, оно и понятно: представитель старой родовой аристократии, хотя и подчинившись новым условиям, не смирившийся в душе с петровскими преобразованиями, склонен был винить во всех грехах иностранцев. Но за словами осуждения можно разглядеть и нечто иное. Куракин писал: «В то же время фавор к Лефорту продолжался, токмо был для одних вечеринок и пиров, а в делах оный Лефорт сил не имел и не мешался, и правления никакого не имел, токмо имел чин адмирала и генерала от инфантерии. И понеже был человек слабого ума, и не капабель всех тех дел править по своим чинам, то все управляли другие вместо его. Помянутый Лефорт и денно и ночью был в забавах, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебош с дамами и питье непрестанное, оттого и умер во время своих лет под пятьдесят»⁹.

Все свидетели единодушно подтверждают, что Лефорт был совершенно чужд каким бы то ни было придворным интригам в борьбе за власть и никогда не пользовался своим колоссальным влиянием на царя в корыстных целях. Искренний и открытый, он так разительно выделялся среди прочих при дворе, что желчный Куракин не находил этому много объяснения, кроме «слабости ума». А между тем, степень участия Лефорта во всех важнейших делах «начала славных дней Петра» показывает как раз обратное.

В 1690—1694 годах Петр проводил время отнюдь не только в пирах и забавах. Постоянно проходили маневры и стрельбы в подмосковных селах Преображенском и Семеновском с участием потешных и солдатских полков. В этих учениях Лефорт командует значительными силами. С сентября 1691 года он – генерал-лейтенант, а 29 июня 1693 года в день именин Петра состоялось его пожалование в полные генералы. В это время царь целиком отдался своей давней мечте — кораблестроению и морскому делу, почти весь 1692 год он провел в Переяславле, где на Плещеевом озере

«ЗВЕЗДНЫЙ час» наступил для Лефорта в марте 1697 года, когда из Москвы в Западную Европу отправилось Великое посольство

были согласно обычаю розданы награды и чины. Лефорт был пожалован в генерал-майоры, что было знаком царской милости, а не следствием каких-либо военных заслуг. В истории осталась точная дата, 3 сентября того же года, когда Петр впервые посетил дом Лефорта в Немецкой слободе и с тех пор бывал там постоянно, иногда оставаясь ночевать. Начался период их дружбы, которая

кое, что невозможно описать, что по три дня, запершись в том доме, бывали пьяны, и что многим случилось оттого умирать. И от того времени и по сие число и донныне пьянство продолжается, и между великими домами в моду пришло. Помянутый же Лефорт с того времени пришел до такого градуса, что учинен был генералом от инфантерии, и потом адмиралом, и от пьянства скончался»⁸.

строилась целая флотилия, одним из кораблей которой, под названием «Марс», было поручено командовать Лефорту. В июле 1693 года Петр отправился в Архангельск, где совершил свой первый в жизни выход в море, разумеется, в сопровождении верного Франца Лефорта. Ему же на следующий год была поручена подготовка новой поездки на море, в том числе покупка в Голландии и доставка в Архангельск 44-х пушечного корабля «Св.

совестно и энергично выполнял все поручения царя и был щедро награжден по возвращении в Москву. «Звездный час» наступил для Лефорта в марте 1697 года, когда из Москвы в Западную Европу отправилось Великое посольство. Это грандиозное дипломатическое мероприятие имело многоцелевой характер. Официальной целью посольства, путь которого пролегал по Северной Германии до Нидерландов и обратно через земли Священной Римской империи, было сплоче-

коему для такого случая присвоили звание «наместника Новгородского». Вторым послом был назначен «воинский комиссарий» и «наместник Сибирский» Федор Алексеевич Головин, а третьим — дьяк Посольского приказа, «наместник Болховский» Прокофий Богданович Возницын. Хотя Головин и Возницын были опытными дипломатами, Лефорт лучше кого бы то ни было подходил на роль главы посольства в Европе, и он блестяще справился со своей задачей. Безоговорочно преданный Петру, владеющий несколькими европейскими языками, знающий правила европейского политеса, светский человек и обаятельный собеседник, Лефорт был для молодого царя незаменимым проводником в новой незнакомой ему области.

Полтора года продолжалось Великое посольство, но было прервано внезапным известием из Москвы о стрельцком восстании. Сразу после возвращения Петр начал «розыск» по стрельцкому заговору. В ходе допросов мятежных стрельцов среди поводов их недовольства часто фигурировало обвинение Лефорта в «порче» царя, утверждении иноземных обычаев и даже в злонамеренном вывозе царя за границу. Тем не менее, известны факты, когда Лефорт с риском для себя смирял вспышки царской ярости. Он же, по некоторым свидетельствам, удержал Петра от суровой расправы с опальной царевной Софьей, дело ограничилось ее пострижением в монахини. В попытках и

БЕЗОГОВОРОЧНО преданный Петру, владеющий несколькими европейскими языками, знающий правила европейского политеса, светский человек и обаятельный собеседник, Лефорт был для молодого царя незаменимым проводником в новой незнакомой ему области

Пророчество», капитаном которого он был назначен царем (фактически управлял кораблем в звании штурмана опытный моряк голландец Ян Флам)¹⁰. Уже после второй поездки на Белое море, вернувшись в Москву, Петр присвоил Лефорту звание адмирала, хотя говорить о существовании российского флота было еще рано.

1695—1696 гг. ознаменовались Азовскими походами, в которых Лефорту была отведена роль командующего одним из основных отрядов русского войска. Азовские походы стали первой серьезной внешнеполитической акцией молодого царя. То, что объектом наступления Петр избрал турецкую крепость Азов, свидетельствовало о главной цели кампании, — завоевание выхода к Азовскому морю, создание южного морского порта для России. Первый поход закончился неудачей, но Петр извлек уроки из ошибок и просчетов, и через год добился своего, — Азов был взят русскими войсками. В этих делах Лефорт впервые в жизни командовал столь большим воинским соединением (до 30 тыс. человек). Он не проявил себя выдающимся полководцем, но и упрекнуть его было не в чем. Он добро-

ние европейских держав в новой антитурецкой коалиции. Но кроме того, было необходимо выяснить ситуацию в Европе и определить место в ней России. Также стояла задача найма на царскую службу военных и морских специалистов, корабельных и иных дел мастеров. С посольством был отправлен отряд волонтеров из дворян для обучения за границей «морской науке». Главным же отличием от всех прежних посольств было присутствие в его составе самого царя под именем десятника

В ХОДЕ допросов мятежных стрельцов среди поводов их недовольства часто фигурировало обвинение Лефорта в «порче» царя, утверждении иноземных обычаев и даже в злонамеренном вывозе царя за границу

Петра Михайлова. Инкогнито давало ему свободу как в удовлетворении собственной жажды новых знаний, так и в ведении конфиденциальных переговоров. Представительские же функции были возложены на первого великого посла, генерал-адмирала Франца Яковлевича Лефорта,

казнях стрельцов царь заставил участвовать всех приближенных, но Лефорт избежал этого, отговорившись тем, что «на его родине это не принято». Никому другому Петр не простил бы такого подозрительного «сочувствия» к заговорщикам¹¹.

ПОСЛЕДНИМ отрадным событием в жизни Франца Яковлевича Лефорта стало вселение в новый дом, построенный для него по царскому указу. Хотя сразу хозяином дворца был объявлен генерал-адмирал, фактически царь строил для себя новую резиденцию в Москве, вместо нелюбимого Кремля и обветшавшего Преображенского. Дворец был построен меньше чем за два года. 12 февраля 1699 года генерал-адмирал торжественно справил новоселье, но это был его последний праздник. Вскоре он тяжело заболел. Он сильно страдал от болей в правом боку, начался «горячечный жар», больной стал впадать в беспамятство. Врачи оказались бессильны, используемое ими кровопускание не помогло, и в ночь на 2 марта Франц Лефорт скончался¹².

Выдающийся механик и изобретатель А.К. Нартов, служивший в течение двенадцати лет личным петровским токарем приводит в своих записках слышанный им рассказ: «По смерти любимца Лефорта государь учинил ему со всеми почестями, достоинству и заслугам его принадлежащими, славное погребение, при котором шел монарх за гробом до самой реформатской церкви, где при сказывании предки пастором Стумфиусом, когда вычислял он сего мужа заслуги, оказанные им государю и России, его величество обливался слезами и по окончании оных, повелел снять крышку с гроба, подошел к покойному генерал-адмиралу, обнял его и прощался с ним в последний раз с таким сокрушением, что все бывшие при сем чужестранные министры с чрезвычайным удивлением смотрели на сие плачевное зрелище»¹³. Тут же приводятся слова Петра, обращенные к боярам, не проявлявшим должной скорби и почтения к покойному: «Верность Франца Яковлевича пребудет в сердце моем, доколе я жив, и по смерти понесу ее с собою во гроб». Надо сказать, что это были чуть ли не первые в истории России церемониальные похороны, ко-

гда главная роль отводилась не столько церковному обряду, сколько военным и гражданским почестям. Тем более странно, что ныне место захоронения Лефорта неизвестно. Церковь, в которой он был первоначально погребен, была разобрана еще в XIX веке, а прах перенесен, вероятно, на Немецкое (сегодня Введенское) кладбище, но документального подтверждения этому не обнаружено.

ИМЯ Лефорта не исчезло и не забылось в России с его кончиной, оно осталось в названиях улиц, площади, набережной, моста через Яузу, да и целый район Москвы (бывшая Немецкая слобода) именуется Лефортово. По месту расположения стала называться Лефортовской печальной знаменитая военная тюрьма. Более достойным памятником остался Лефортовский дворец, который сохранил это имя, хотя после смерти первого хозяина им двадцать лет владел А.Д. Меншиков. С 60-х гг. XIX века до наших дней здесь располагается Военно-исторический архив.

Нет, наверно, ни одной исторической работы об эпохе Петра Великого, в которой не говорилось бы о Франце Лефорте. При этом даваемые как современниками, так и историками оценки его личности порой противоположны. Одни низводят его до уровня «дебошана» и пьяницы, другие видят в нем наставника молодого Петра, внушавшего ему идеи европеизации России, помогавшего царю-реформатору советами и практическими делами. При такой разногласии возрастет значение документа-первоисточника, изучение которого позволяет неподвзтому читателю самому оценить характер личности и масштабы деятельности героя.

В связи с 350-летием Ф. Лефорта между Российским государственным архивом древних актов (РГАДА) и Посольством Швейцарии в Москве достигнута договоренность о проведении совместной культурной акции для ознакомления общественности России и Швейцарии с историей их отношений.

Этой цели должно послужить издание сборника, куда войдут документы из полутора десятков фондов РГАДА, а также документы, любезно предоставленные нам швейцарскими коллегами из Государственного архива Женевы. Здесь материалы переписки Лефорта с родителями и братом, где отразилась и личная жизнь, и карьера. Первые документы русского происхождения — «челобитные» на имя государей московских. Переписка с Петром, где шутки чередуются с серьезной политикой. Официальные подлинники грамоты Женевской республики к русским царям, отражающие дружественные межгосударственные отношения, установившиеся благодаря влиянию Лефорта. Особое место отводится документам о его деятельности в качестве первого посла Великого посольства в Европу. Наконец, представлены документы о строительстве Лефортовского дворца — выдающегося памятника истории и архитектуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грезин И.И. Франсуа Лефорт, его семья, происхождение и жизнь до отъезда в Россию / Дворец и Архив // Труды РГВИА. Вып. 3. М., 2001. С. 18, 19.

² Лефорт Франц. Страницы истории. М., 1999. С. 12.

³ Там же. С. 28.

⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 124. Малороссийские дела. 1678 г. Д. 19. Д. 32.

⁵ Лефорт Франц. Указ. соч. С. 31, 32.

⁶ Богословский М.М. Петр Великий. Материалы для биографии. М., 2005. Т. 1. С. 86, 87.

⁷ Там же. С. 89.

⁸ Петр Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. М., 1993. С. 75.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Богословский М.М. Указ. соч. С. 176, 177.

¹¹ Лефорт Франц. Указ. соч. С. 73.

¹² Там же. С. 74, 75; Подольский Р. Петровский дворец на Яузе / Дворец и архив // Труды РГВИА. С. 67, 68.

¹³ Петр Великий... С. 262, 263.

М.Р. РЫЖЕНКОВ

«РАЗВЕРНУТЬ В НАШЕМ ФЛОТЕ КАЧЕСТВЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНСТРУКТОРОВ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ»

ВЯНВАРЕ 1908 года офицер Минного офицерского класса Кронштадтского учебно-минного отряда капитан 2 ранга И. Энгельман обратился к главному командиру флота и портов, начальнику морской обороны Балтийского моря вице-адмиралу И.И. Бирилеву (впоследствии адмирал, морской министр России) с докладной запиской по вопросу физического воспитания личного состава флота. В ней отмечалось, что, «пока все заботы начальства, врачей на основании законоположений направлены к сохранению здоровья... трата сил при службе на судах восполняется только хорошим питанием и соблюдением насколько возможно правил гигиены, но этого мало». В составлении записки принимал участие судово-врач, специалист по вопросам физического воспитания коллежский советник М.П. Шувалов.

По мнению авторов документа, на состоянии здоровья офицеров отрицательно сказывается отсутствие регулярной физической нагрузки и тренировки специальными упражнениями. Из-за этого многие офицеры уже к середине срока службы обзаводятся лишним весом и многочисленными болезнями, что не может не отражаться на качестве исполнения ими служебных обязанностей. Первой мерой введения системы физического воспитания было предложено «командировать морского врача со специальной подготовкой в Стокгольмский Королевский гимнастический институт», который «является в Европе единственным учреждением, где дело поставлено серьезно, широко и научно», чтобы тот, получив необходимую теоретическую и методическую подготовку, смог развернуть в нашем флоте качественное обучение инструкторов физического воспитания¹.

Начатая в то время подготовка специалистов физического воспитания осуществлялась планомерно, можно сказать, вплоть до 1922—1923 гг., даже несмотря на Первую мировую войну и революционные события в России. Однако последующее общее тяжелое положение в стране, недостаточное финансирование армии и флота вынудили военное руководство свернуть эту работу и отложить ее до лучших времен. В военных учебных заведениях всех уровней закрывались отделения, готовившие специалистов физической подготовки, преподаватели и уже подготовленные специалисты увольнялись в запас.

Только в начале 1930-х годов началось постепенное возвращение инструкторов физической подготовки на корабли, в соединения и учебные заведения, а в процессе разработки «Положения о военных академиях РККА» (1932—1933 гг.) их включили во флотские штатные структуры. Например, в служебной записке временно исполняющего должность начальника и комиссара Военно-морской академии Я.В. Волкова от 2 августа 1933 года, адресованной помощнику начальника ВМС РККА по политической части и представляющей проект нового штата учебного заведения, впервые появляется упоминание об общеакадемической кафедре физической подготовки в составе трех штатных единиц соответствующих руководителей (один старший). При этом требования к физическому состоянию и боевой подготовленности направляемых в академию кандидатов в слушатели возрастали день ото дня. В частности, приемная комиссия стала проводить испытания абитуриентов по элементам стрелковой и физической подготовки.

Даже в последующие годы, вплоть до 1990-х, когда, эта дисциплина то официально утверждалась, то отменялась, сама система физической подготовки как таковая, постепенно усиливающаяся материально-технической базой, все же существовала².

В конце 1990-х снова наступили не совсем благоприятные времена, и соответствующая кафедра Военно-морской академии в который раз подверглась организационно-штатным преобразованиям. В настоящее время она располагает лишь пятью преподавательскими должностями и двумя старшими инструкторами по спорту. Являясь общеакадемическим образованием, кафедра физической подготовки и спорта Военно-морской академии имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова проводит в меру сил физическую подготовку на всех курсах со слушателями всех специальностей и военнослужащими постоянного состава. Ее же научная деятельность направлена на создание базы данных по физической подготовке и спорту в Военно-морском флоте, что позволяет анализировать, обобщать и внедрять в систему подготовки военнослужащих академии самые передовые методики развития основных физических качеств и формирования двигательных навыков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 159. Л. 2—10.

² Там же. Ф. Р-352. Оп. 1. Д. 1162. Л. 1; Д. 1163. Л. 57; Д. 1298. Л. 1 об., 126, 131 об.; Центральный Военно-морской архив Российской Федерации (ЦВМА РФ). Ф. 2. Оп. 8. Д. 42. Л. 207; Д. 81. Л. 328, 360; Оп. 107. Д. 116. Л. 102, 179, 180.

Полковник М.В. ГАБОВ

СОБЫТИЯ И ОБРАЗЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

В 2006 ГОДУ российская общественность отметила 150-летие окончания Крымской (для западных держав – Восточной) войны 1853–1856 гг.

Государственный исторический музей совместно с Российским дворянским собранием организовал научно-практическую конференцию на тему «Итоги и уроки Крымской войны 1853–1856 гг.», а в Государственной публичной исторической библиотеке открылась выставка литературных трудов под общим названием «События и образы Крымской войны». Мероприятия, посвященные этому весьма важному в российской истории событию, состоялись не только в Москве: ведь боевые действия, кроме Крыма, велись и в Придунайских княжествах, на Кавказе, на Балтийском и Белом морях, и даже на далекой Камчатке. Так, в 1854 году бомбардировке подверглась Одесса: у пьедестала памятника основателю города герцогу Ришелье до сих пор лежит английское ядро. В том же 1854 году был обстрелян Новороссийск и Петропавловск-Камчатский. Причем, союзники даже высадились в Петропавловском порту, но в ходе ожесточенного боя их десант был отброшен и вернулся на корабли.

В 1855 году бомбардировке подвергся Соловецкий монастырь. Ядро, попавшее в верхнюю часть его стены, отскочило от нее, словно мячик, но небольшая вмятина все-таки осталась. Как только след от ядра под влиянием природных факторов начинал тускнеть, монахи забирались наверх и тща-

Главные ворота крепости Свеаборг

тельно подкрашивали углубление черной краской, чтобы его было видно с земли невооруженным глазом.

Память о Крымской войне сохранилась и в Финляндии, входившей в то время в состав Российской Империи. Речь идет прежде всего о Свеаборге, финское название которого – Суоменлинна. Свеаборг, как и Кронштадт, город-крепость. Они и похожи во многом по архитектуре зданий и их расположению, по планировке улиц. Это и не удивительно, поскольку сооружались они в одну эпоху – в XVIII веке. Но если Кронштадт задумывался и создавался как русская крепость против шведов, то Свеаборг – как шведская крепость против русских.

В 1809–1917 гг. Свеаборг являлся одной из баз русского Балтийского флота. Здесь сохранились военная церковь, ограда которой

Мемориальная доска в музее крепости Свеаборг

В центральном музее
Свеаборга

изготовлена из корабельных орудий, скрепленных морскими цепями, пакгаузы, арсеналы, форты, сухой док. Примечательно, что в городе много музеев. В одном из них, в центральном, в 2006 году функционировала специальная выставка, посвященная Крымской войне. Тогда береговую службу в Финляндском княжестве нес Гродненский гусарский полк, в котором, между прочим, в разные годы служили великий русский поэт М.Ю. Лермонтов и великий русский полководец М.Д. Скобелев.

В июле 1855 года англо-французская эскадра подвергла Свеаборг бомбардировке. Его гарнизон понес жертвы. Фамилии павших при обороне крепости выбиты золотом на двух мемориальных досках, установленных в музее. Эти мемориалы находятся в прекрасном состоянии, за что хочется сказать искреннее спасибо и работникам музея, и в целом народу и правительству Финляндии.

Так что память о теперь уже далекой и неудачной для России Крымской войне 1853–1856 гг. сохраняется не только в нашем Отечестве, но и за рубежом.

В.И. ГУСАРОВ

• ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемая редакция!

У нас в Польше, под Белостоком, есть место, где похоронены советские солдаты — военнослужащие 13 механизированного корпуса и 86 стрелковой дивизии, погибшие в первые дни Великой Отечественной войны. Эти бои описал полковник В.С. Степанов на страницах вашего «Военно-исторического журнала». На основе воспоминаний жителей окрестностей Бельска Подляшского я смог определить дальнейшие судьбы этих частей.

После взятия немцами Браньска и Боцек часть отрядов отступила в направлении Бельска. Отряды 25 танковой дивизии отступали на север в направлении Лап и Суража. Местные жители рассказывают о танковом отряде численностью в 100 танков, который в сумерках 23 июня прорывался из леса на север от Браньска через деревни Глинник, Сционы, Сеськи в направлении Петкова и Суража. Во время прорыва отряд вступил в бой с отрядами немецкой 7 пехотной дивизии. В результате боев немцы уничтожили 2 советских танка уд. Кевлаки, 3 танка — возле д. Сционы и около 9 танков — недалеко от д. Залесе. В близлежащем лесу из-за нехватки топлива было оставлено 3 танка. Во время этих боев немцы потеряли 10 человек убитыми и 16 ранеными. Убитых захоронили на краю леса между деревнями Залесе и Толчево.

Новые оборонительные позиции советские войска заняли вдоль линии: река Нарев — Бельск — река Орлянка. Однако и эта линия обороны была прорвана 24 июня. Ожесточенные бои вел 25 мотострелковый полк 25 тд, поддерживаемый танками, которые отступили от Браньска. Очевидцы этих боев сообщают, что советские отряды заняли позиции на краю леса и возвышенностях на запад от д. Райск. Немецкие отряды заняли позиции вдоль железнодорожной линии Бельск — Белосток со стороны д. Столовач. Контратака советских отрядов была остановлена. В деревне на холме у церкви был рукопашный бой. В этом бою погибло 18 немецких солдат. После боя, продолжавшегося весь день, советские отряды отступили за реку Нарев, оставив на поле по крайней мере 8 танков Т-26 и 2 грузовика. Потери обеих сторон неизвестны. Тела убитых советских солдат захоронили жители на краю д. Райск, а после войны тела были эксгумированы и доставлены на военное кладбище в Бельске.

Новая линия обороны была организована на правом берегу реки Нарев. Отряды советской 86 сд, отступающие под натиском немецкой 7 пд, заняли линию обороны на участке: Бацюты — Сураж — Рыболы. Возле д. Рыболы заняли оборонительные позиции уцелевшие отряды 25 тд, вероятно, включающие в основном 25 мотострелковый полк. Они защищали мосты через реку Нарев по дороге Бельск — Белосток. Среди защитников было много солдат из окрестных деревень. Пехоту поддерживала артиллерия и танки. Бои за мосты начались около 8 часов утра 25 июня. Ожесточенный бой продолжался до 6 часов вечера. На немецкой стороне сражалась 268 пехотная дивизия. В это время через железнодорожный мост на реке Нарев в д. Страбля двинулись немецкие части из 19 и 61 пехотных полков. Направились они через д. Черевки на Заблудово, намереваясь взять в окружение советские части, сражающиеся у Войшек и Рыбол. В этой обстановке советские отряды отступили в направлении д. Павлы и дальше — к Михалово и Городку. В боях при д. Рыболы погибло около 300 советских солдат. Кроме того, немцы уничтожили около 14–16 танков. Немецкие потери неизвестны. Очевидцы говорят о 3 палатках, в которые собрали тела убитых немецких солдат, вспоминают также о нескольких уничтоженных пушках и броневиках. Несколько дней спустя (в пятницу и субботу) по распоряжению немецких властей жители деревни Войшки, Рыболы, Пльски и Дениски захоронили тела советских солдат в окопах и огневых пунктах.

Одним из сражающихся на реке Нарев был солдат 25 мотострелкового полка Аркадий Львович Фельдман. Раненного в ноги и лицо Фельдмана нашли жители д. Канюки, укрыли его и вылечили. Восстановив свои силы, он отправился на восток и перешел линию фронта. Потом сражался во 2-й Могилевско-Гданьской артиллерийской бригаде.

Отряды, которые 24 июня 1941 года отступили из Бельска Подляшского в направлении Гайновки, около д. Чижы встретили немецкие части 263 пд. В результате артобстрела и пулеметного огня было уничтожено около 10 грузовиков, легковой автомобиль, бронемашина и 13 пушек. Потом немецкие солдаты застрелили раненых. Тела 500 советских солдат жители д. Чижы захоронили на месте, названном «Серебряной Горкой».

После войны жители этой деревни на месте захоронения поставили крест с надписью: «Памятник поставлен в 1948 г. 1 мая в память погибшему майору Дунаеву и бойцам танковых частей, погибших в боях за Родину в 1941 г.»

Память о героических сражавшихся советских солдатах и ныне жива среди жителей окрестных деревень. Священник православного прихода в Рыболах митрат Григорий Сосна в первое воскресенье мая каждого года служит панихиду на поле боя. По инициативе жителей этого прихода в 2003 году возник Общественный комитет сооружения памятника-кладбища с целью увековечить память солдат, погибших на реке Нарев. Председателем комитета является староста деревни Войшки Ян Бручко, секретарем — Валенты Герасимюк, сын солдата, погибшего в этом бою. Общественный комитет в своей деятельности наталкивается на множество преград, поэтому до сегодняшнего дня не выполнена основная задача — установка памятника.

От имени членов комитета обращаюсь к читателям «Военно-исторического журнала» с просьбой о поддержке идеи сооружения памятника-кладбища советским солдатам.

Если фронтовики, товарищи по оружию, сражавшиеся в июне 1941 года на Белосточчине, хотели бы связаться со мною и поделиться воспоминаниями, сообщая адрес для переписки:

Jan Nikolajuk
15 — 809 Bialystok
ul. Kalinowa 13 A/28
Polska

Ян НИКОЛАЙЧИК
(г. Белосток, Польша)

Вклад С.П. Боткина в привлечение женщин к уходу за ранеными и больными

5(17) сентября 2007 года исполняется 175 лет со дня рождения выдающегося русского терапевта Сергея Петровича Боткина (1832—1889), одного из основоположников клиники внутренних болезней как научной дисциплины в России, организатора Клинико-экспериментальной лаборатории, в которой впервые в России были проведены исследования по клинической фармакологии и экспериментальной терапии. Особая страница биографии ученого связана с привлечением женщин к работе на медицинском поприще, о чем и пойдет речь в данной статье.

ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ событием в истории России XIX века, отразившемся на дальнейшей политической, экономической и культурной жизни общества, явилась Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг. Успехи, достигнутые Россией в начальном периоде войны, быстро сменились тяжелыми поражениями, в том числе 349-дневной обороной Севастополя, бомбардировки которого привели к появлению тысяч раненых и убитых. Имевшиеся медицинские силы не справлялись с таким количеством боевых потерь. Именно в это время на перевязочных пунктах, в лазаретах и госпиталях Севастополя, Симферополя, Бахчисарая и Карасу-Базара появились «сердобольные вдовы» и сестры милосердия. Инициатором привлечения женщин к уходу за ранеными и больными воинами была великая княгиня Елена Павловна, организовавшая с этой целью Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия и увлекшая этой идеей Николая Ивановича Пирогова. Вспоминая о первых шагах будущей общины, Н.И. Пирогов писал, что у княгини имелся план: «основать организованную женскую помощь

больным и раненым на поле битвы.... Еще нигде не было испробовано посылать женщин на поле битвы...»¹.

Первые группы сестер милосердия и «сердобольных вдов» появились в Крыму в конце 1854 года. В следующем году с очередным отрядом сестер милосердия на театр военных

8 марта — Международный женский день

действий выехал только что получивший диплом Московского университета С.П. Боткин, который провел там 3,5 месяца. Из-за сильной близорукости он не мог выполнять хирургические операции, и Николай Иванович Пирогов направил его с группой сестер милосердия в тифозные барачки, старшей сестрой в которых была Елизавета Петровна Карцева. Работа с Елизаветой Петровной запомнилась Боткину на всю жизнь. Спустя 17 лет, уже будучи профессором терапевтической клиники Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии Сергей Петрович пригласил Е.П. Карцеву возглавить созданную 26 ноября 1870 года в Петербурге

Общину сестер милосердия Святого Георгия², которая в народе получила название Георгиевской общины. Ее покровительницей являлась великая княгиня Мария Федоровна, супруга будущего императора Александра III. Община занималась подготовкой высококвалифицированного медицинского персонала для ухода за больными и ранеными, а также созданием бесплатной клинической базы. В уставе общины было записано: «Твердой ногой стать против напора бедствий, преследующих человечество в виде жалких гигиенических условий нашего быта, ежедневных болезней, эпидемий, а в случае войны облегчить страдания раненых на поле битвы»³. Практические задачи общины состояли в подготовке резерва сестер милосердия, способных к уходу за ранеными и больными в мирных и военных условиях, а также в открытии амбулатории и больницы для всех нуждавшихся в медицинской помощи.

С.П. Боткин, еженедельно посещавший больницу общины, с удовлетворением отмечал, что сестры не только скрупулезно выполняли свои обязанности, но и стремились узнать как можно больше по всем вопросам ухода за больными и методам их лечения. Именно поэтому С.П. Боткин начал каждую неделю читать для сестер практические лекции, сопровождавшиеся демонстрацией больных.

Вначале деятельность сестер была связана с окраинами города — большей частью с Выборгской стороной. Основной контингент больных — рабочие фабрик и заводов, ремесленники, прислуга, рыбаки, приказчики, мелкие торговцы, извозчики. Со временем сфера деятельности

общины расширилась. Летом, когда прием больных прекращался и больница закрывалась, сестры под руководством Е.П. Карцевой работали в Красносельском военном госпитале. Их приглашали также в другие госпитали — Семеновский, Николаевский, в лазареты Московского и Преображенского полков, Мариинскую больницу для бедных, в госпиталь и лазарет Дворцового ведомства.

В 1876 году появилась возможность проверить навыки сестер в боевой обстановке. На Балканы, где тогда началось первое Герцеговинско-Боснийское восстание против турок, в силу чего Сербия и Черногория 30 июня 1876 года объявили Турции войну, был, кроме русских добровольцев, направлен медицинский отряд под руководством доктора В.И. Алышевского. В Историческом очерке общины указано: «...с января по сентябрь 1876 года вся санитарная часть Черногории была в руках отряда Общины Св. Георгия»⁴.

Когда началась Русско-турецкая война 1877—1878 гг., уже два отряда в составе 50 сестер милосердия отправились в действующую армию. Их самоотверженная работа заслужила высокую оценку командования, некоторые из сестер были награждены золотыми медалями с надписью «За усердие». С.П. Боткин как лейб-медик Александра II вместе с ним выехал в действующую армию, где немало сделал для организации работы медсестер в боевых условиях. В «Письмах из Болгарии 1877 г.» он неоднократно касался вопроса уча-

стия женщин в помощи раненым и находил для медицинских сестер слова глубокого уважения.

По инициативе С.П. Боткина на деньги близкой ко двору семьи графов Ольденбургских при общине было открыто трехлетнее фельдшерское училище, по окончании которого выпускницы получали свидетельство на право фельдшерской деятельности. В 1877 году училище окончили первые шесть фельдшерниц. К сожалению, оно просуществовало лишь до 1882 года.

Что касается Георгиевской общины, то ее авторитет и известность постоянно росли, число сестер с каждым годом увеличивалось, на амбулаторные приемы приходило все больше жителей города. В 1879 году Военно-сухопутный госпиталь по приказу военного ведомства безвозмездно пожертвовал общине участок на Сампсониевской набережной, а соседний обширный надел земли общине удалось приобрести в рассрочку на 20 лет благодаря помощи Главного управления Общества Красного Креста и щедрым пожертвованиям благодотворителей. На приобретенном участке были построены двухэтажные больничные бараки на 90 кроватей, а в 1886 году возведен отдельный хирургический корпус.

К 1888 году Георгиевская община превратилась в крупную медицинскую организацию с хорошо налаженным, причем самым большим в городе, амбулаторным приемом больных, вместительным стационаром, отлично подготовленным персоналом, врачебную часть которого почти целиком составляли профессора и преподаватели Военно-медицинской (Медико-хирургической) акаде-

мии. Георгиевская община явилась одним из памятников, созданных С.П. Боткину при жизни, плодом его энергии и организаторского таланта⁵.

Уделяя много сил и энергии Георгиевской общине, С.П. Боткин тем не менее свои усилия по привлечению женщин в медицину считал недостаточными. Он полагал, что женщины могли быть не только сестрами милосердия, но и врачами. Сочувствуя идее высшего женского медицинского образования, С.П. Боткин много занимался организацией Женских высших врачебных курсов⁶.

ВОПРОС о высшем женском медицинском образовании возник в Российской Империи во второй половине XIX века. В 1856—1857 гг. в правительственных кругах начали обсуждаться проекты реформ, направленных на приобщение женщин к такому, в то время сугубо мужскому виду деятельности, как медицина, наука врачевания. При этом важным этапом стало учреждение «курса для ученых акушерок» при Медико-хирургической академии⁷. В 1862 году в академию были приняты М.А. Обручева-Боклова (Сеченова) и Н.П. Суслова. По свидетельству видного государственного деятеля А.В. Никитенко, к 1864 году в Медико-хирургической академии насчитывалось более шестидесяти женщин-вольнослушательниц. Тем не менее путь массе женщин в науку оставался закрытым, а в 1864 году последовал приказ военного министра, запрещавший женщинам занятия и в Медико-хирургической академии. Исключение было сделано только для В.А. Рудневой-Кашеваровой, принятой в 1863 году в академию по ходатайству начальника Оренбургского башкирского казачьего войска в связи с необходимостью подготовки женщины-врача, которая могла бы лечить женщин-мусульманок (они по законам ислама не могли показываться мужчинам). Она стала первой в России женщиной-врачом, получившей высшее медицинское образование⁸.

На приказ военного министра не допускать женщин в Медико-хирургическую ака-

Отправление первого санитарного поезда с 35 сестрами милосердия в действующую армию на Балканы 1877 г.

С.П. Боткин

Великая княгиня
Елена Павловна

Е.П. Карцева

М.А. Бокова-Сеченова

демию С.П. Боткин отреагировал довольно оперативно, посоветовав другой претендентке на высшее медицинское образование — Н.П. Сусловой, слушавшей до запрещения курс в Медико-хирургической академии и занимавшейся в лаборатории И.М. Сеченова, ехать в Швейцарию и поступать в Цюрихский университет, что она и сделала. Вслед за Н.П. Сусловой в иностранные университеты потянулись многие русские женщины, повторившие ее путь.

Разумеется, все понимали, что медицина нуждается в заболтливых женских руках. В 1870 году три члена Медицинского совета (Н.И. Козлов, профессор Н.Ф. Здекауер и А.Я. Крассовский) подготовили записку, в которой предлагалось при Медико-хирургической академии и медицинских факультетах университетов организовать отдельно от студентов «курс для ученых акушерок». Медицинский совет 7 апреля 1870 года одобрил эти рекомендации⁹, решение поддержали С.П. Боткин и ведущие профессора академии А.И. Бородин, И.М. Сеченов, И.М. Балинский, К.А. Раухфус и В.М. Тарновский. Учитывая мнение ученых, военный министр Д.А. Милютин согласился с открытием курса, а в мае 1872 года, по его докладу, Александр II разрешил «в виде опыта учреждение при Медико-хирургической академии женского курса для образования ученых акушерок»¹⁰.

Обучение началось с зимнего семестра 1872/73 гг. и осуществлялось в соответ-

ствии с «Временным положением об особом женском курсе при Императорской Медико-хирургической академии для образования ученых акушерок». В первый же год были приняты 89 слушательниц, несмотря на установленный лимит в 70 человек. Обучение на курсах велось по образцу Медико-хирургической академии, и многие ее ведущие профессора согласились преподавать там. В 1876 году для «ученых акушерок» был установлен пятилетний срок обучения, а занятия стали проводиться при Николаевском военном госпитале. С этого момента «курс для образования ученых акушерок» превратился в Женские врачебные курсы, которые, однако, в 1882 году, хотя уже и состоялось несколько выпусков, все же были закрыты. Сергей Петрович очень тяжело переживал это событие, тем более, что прецедент уже был, и весьма успешный: в 1868 году на родину из Швейцарии возвратилась Надежда Прокофьевна Сулова, «получившая в Цюрихском университете диплом на степень доктора медицины, хирургии и акушерства»¹¹. Она обратилась в Медицинский департамент с прошением «о допущении ее к испытанию в Медицинском совете для приобретения права заниматься медицинский практикой в России». Медицинский департамент обратился в Медицинский совет, который принял решение предложить «иностранному доктору» словесное испытание. В марте 1868 года С.П. Боткин, Ф.В.

Овсянников, Я.Я. Шмидт и Ю.К. Трапп экзаменовали Надежду Прокофьевну по физиологии, фармакологии, рецептуре, общей и специальной патологии и терапии, акушерству, женским болезням и хирургии, и на все вопросы получили четкие и уверенные ответы, о чем в журнале Медицинского совета появилась историческая запись: «Ответы, данные девицею Суловой на упомянутые вопросы, Медицинский совет признал вполне удовлетворительными и положил, на основании доказанных ею весьма основательных познаний и представленной диссертации, ходатайствовать у господина министра внутренних дел об испрошении высочайшего соизволения на разрешение девице Суловой заниматься в России медицинской практикою»¹². Так в 1868 году в России появилась первая женщина-врач со степенью доктора медицины, и к этому событию С.П. Боткин имел самое непосредственное отношение. Надо назвать и еще одну женщину, ставшую первой в России врачом-окулистом: это М.А. Бокова-Сеченова.

НЕ МЕНЕЕ важна для привлечения женщин к работе на медицинском поприще роль С.П. Боткина, связанная еще с одним направлением его деятельности: организацией публикаций результатов научных исследований для ознакомления с ними всех врачей-практиков. С этой целью он испросил разрешение на издание «Еженедельной клинической

Н.П. Сулова

Е.О. Шумова

В.А. Руднева-
Кашеварова

П.Н. Тарновская

газеты»¹³, и в январе 1881 года уже вышел первый 18-страничный номер еженедельника. Таким образом, больничные врачи получили периодическое издание, в котором уделялось внимание не только теоретическим проблемам, но и обмену опытом повседневной врачебной деятельности. Помимо 54 работ самого С.П. Боткина (статьи, некрологи, юбилейные речи и т.п.) на страницах еженедельника публиковались материалы, присланные из всех уголков России. При этом в первый же год выхода газеты С.П. Боткин предоставил возможность женщинам-врачам П.Н. Тарновской и Е.О. Шумовой напечатать в ней свои статьи.

П.Н. Тарновская, дочь главного военно-медицинского инспектора Н.И. Козлова, была одной из активных сторонниц женского медицинского образования и всячески влияла на отца с целью учреждения Женских врачебных курсов.

Е.О. Шумова, получившая, как и Н.П. Сулова, медицинское образование в Швейцарии, вернулась в Россию с дипломом иностранного доктора медицины, была принята С.П. Боткиным в клинику и стала первой женщиной-ординатором в академии, работая вместе с С.П. Боткиным и И.П. Павловым.

В тот же период в Санкт-Петербурге для более эффективной борьбы с эпидемиями была создана новая медицинская организация — институт думских врачей, проще говоря, врачей для бедных, первый отряд которых на треть состоял из женщин¹⁴.

Тифозная эпидемия 1879 года заставила столичную городскую думу прийти к выводу о необходимости создания специальной больницы барачного типа на 300—500 кроватей, получившей название «Александровская городская барачная больница», попечителем которой по врачебной части был приглашен С.П. Боткин. Прием первых больных начался в апреле 1882 года в присутствии городских властей, медицинских чиновников и профессоров Военно-медицинской академии.

Под руководством С.П. Боткина Александровская городская барачная больница сразу же стала научно-практическим центром, способным конкурировать со многими европейскими клиниками по результатам лечения и числу научных публикаций. При больнице был организован амбулаторный прием и открыта клиническая лаборатория с выполнением широкого перечня анализов, ставшая по существу первой городской санитарной станцией. Иностранцы медики, приезжавшие в Петербург, не скрывали своего изумления при посещении больницы¹⁵.

Много часов посвящал С.П. Боткин работе в больнице. Он приезжал сюда каждую неделю для выяснения особенностей той или иной формы заболевания и осмотра больных. В окружении врачей больницы, думских врачей, слушателей Женских врачебных курсов, а часто и академических институтских врачей и студентов академии С.П. Боткин проводил диагностическое обследование больных, читал краткие

пояснительные лекции.

Характерной особенностью Александровской больницы являлось широкое привлечение к медцинской работе женщин. Здесь начинали свою деятельность Ж.Ю. Янушевская, А.М. Долганова, Е.П. Козакевич, С.В. Шмеман, А.В. Полиевктова, С.М. Кричевская, А.И. Нудина, О.Я. Назимова и многие другие женщины-врачи, встретившие самый радужный прием и уважительное отношение со стороны С.П. Боткина и всех врачей больницы.

В 1882 году в столице вспыхнула эпидемия дифтерии и скарлатины. Для борьбы с ней городские власти образовали особую подкомиссию под председательством С.П. Боткина. По его рекомендации на должности школьных врачей были приглашены пять женщин: А.А. Красуская, М.И. Мерцалова, А.Е. Попова, В.Г. Матвеева и А.И. Эккерт, позже — еще шесть женщин-врачей. Несколько раз в неделю они осматривали всех учащихся, выявляли среди них подозрительных на заболевания скарлатиной или дифтеритом, изолировали их и проводили лечение. Посещали они и тех, кто оставался лечиться на дому. Эти посещения больных на дому положили начало так называемой квартирной помощи населению Петербурга.

Уже осенью 1882 года в докладе Комиссии общественно-го здоровья подчеркивалось: «Такое усиленное постоянное и внимательное наблюдение состоящих при школах женщин-врачей за здоровьем имело своим последствием то,

что ни одна из городских школ не сделалась эпидемическим центром, как этого можно было опасаться»¹⁶. По окончании эпидемии 5 женщин-врачей продолжали осуществлять постоянный санитарный надзор за городскими училищами.

Еще один эпизод из жизни С.П. Боткина, связанный с его участием в деятельности женщин на медицинском поприще, касался юридического признания равноправия дипломов, выданных женщинам и мужчинам. Осенью 1886 года в Конференции (Ученом совете академии) обсуждался вопрос, можно ли свидетельствовать, выдаваемые выпускницам Женских врачебных курсов, приравнять к лекарским дипломам, которые получали врач-мужчины по окончании медицинских факультетов или академии. Выступая в октябре 1886 года на очередном заседании Конференции, С.П. Боткин заявил о полном праве женщин-врачей считаться лекарями. Он сказал: «Мне хорошо известна деятельность женщин-врачей по их занятиям в Александровских бараках и во многих других больницах города. Я вынес самое отрадное впечатление как о медицинском образовании женщин-врачей, так и о крайне добросовестном отношении их к своим обязанностям. Городское управление охотно замещает теперь медицинские места женщинами-врачами»¹⁷. После продолжительных дебатов большинством голосов Конференция приняла решение о допущении женщин-врачей к участию на степень доктора медицины, признав, что свидетельства их соответствуют лекарским дипломам.

Таким образом, роль, которую сыграл С.П. Боткин в организации женской медицинской деятельности в России, весьма велика: всю свою жизнь он активно содействовал становлению в нашей стране высшего женского медицинского образования. С.П. Боткин также всячески способствовал привлечению женщин к оказанию медицинской помощи раненым и больным, высоко оценивая их знания, опыт и практические навыки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пирогов Н.И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. Ч. 2. М., 1961. С. 394.

² Будко А.А., Шабунин А.В. Великий Боткин. Сердце, отданное людям. СПб.: Военно-медицинский музей Министерства обороны (ВММ МО) РФ, 2006. 308 с.

³ Исторический очерк Общины сестер милосердия Св. Георгия в С.-Петербурге за двадцатипятилетие (1870—1895). СПб., 1895. С. 2.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Будко А.А., Потапов А.В. С.П. Боткин в фондах Военно-медицинского музея // Сергей Петрович Боткин: 170 лет со дня рождения / Под общ. ред. А.А. Новика. СПб.: Военно-медицинская академия (ВмедА), 2002. С. 92—95.

⁶ Нилов Е.И. Боткин. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 105.

⁷ Шабунин А.В. Хирургическая деятельность женщин-врачей России в XIX веке // Вестник хирургии. Т. 138. № 5. 1987. С. 128.

⁸ По окончании академии назначение в Оренбургский край В.А. Руднева-Кашеварова не получила, поскольку там не было земства, а права поступать на государственную службу женщины не имели. В.А. Руднева-Кашеварова вернулась в Петербург и была принята С.П. Боткиным в клинику в качестве ассистента, где вела научную работу и в 1876 г. получила степень доктора медицины. См.: Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. СПб, 1901. С. 340.

⁹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 22. СПб., 1894. С. 863, 864.

¹⁰ Шабунин А.В. Женские врачебные курсы при Медико-хирургической академии и Николаевском военном госпитале (к 125-летию основания). СПб: ВММ МО РФ, 1997. 68 с.

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1294. Оп. 10. Вн. оп. 3. Д. 128. Л. 293, 294.

¹² Там же. Л. 567, 568.

¹³ Еженедельная клиническая газета. 1881 г. 4 января.

¹⁴ Шварцман А.Л. Письма Сергея Петровича Боткина / Клин. медицина. Т. 30. № 9. 1952. С. 38.

¹⁵ Фицурина М.М. Ленинградская инфекционная больница им. С.П. Боткина. Л., 1961. С. 16.

¹⁶ Отчет городской комиссии общественного здоровья, учрежденной С.-Петербургской городской думой, за 1881—1885 гг. СПб., 1885. С. 8.

¹⁷ «Пушкинский Дом» — Институт русской литературы РАН, отдел рукописей. Ф. 162. Оп. 4. Д. 146. Л. 8.

Н.Г. ЧИГАРЕВА;
подполковник медицинской
службы запаса
М.Д. БЕРГМАН;
Д.А. БУДКО

Иллюстрации предоставлены
Военно-медицинским музеем МО РФ

КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКАОбложка
книгиИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ 1812 года

РЕДАКЦИОННАЯ коллегия в составе Л.Л. Степченкова, Н.Н. Илькевича и Ю.Е. Каштанова предлагает читателям второй выпуск исторического альманаха «1812 год»*, вышедшего в канун очередной годовщины сражения у стен Смоленска защитников города с войсками Наполеона.

Первый выпуск альманаха был замечен научной общественностью Смоленска и столицы, историками, исследователями Отечественной войны 1812 года и журналистами, свидетельством чему — интерес читателей, ожидающих выхода второго номера альманаха, рецензии в «Военно-историческом журнале» (Москва) и журнале «Смоленск», а также письмо в редакцию альманаха сотрудников Государственного исторического музея, давно и всесторонне изучающих тематику 1812 года.

При подготовке к печати второго выпуска издания были учтены все замечания и пожелания, высказанные читателями альманаха, друзьями и единомышленниками редакционного коллектива. Был увеличен тираж, а также объем ежегодника.

Наряду с известным трудом В.М. Вороновского об Отечественной войне 1812 года в пределах Смоленской губернии (публикация глав его фундаментальной книги начата в прошлом выпуске альманаха) редакция поместила во второй номер материалы, которые со временем были совсем забыты или вовсе неизвестны исследователям нашей истории: эти тексты извлечены из труднодоступной теперь периодики конца XIX — начала XX столетия и малоизвестных изданий (брошюры). А многие архивные источники, как и в прежнем номере альманаха, вводятся в научный оборот впервые.

В некоторых разделах альманаха не всегда соблюден строго хронологический принцип подачи текстов. Делалось это намеренно, поскольку именно в такой последовательности приобщались когда-то в архивные дела, документы, публикуемые в настоящем ежегоднике.

Отдельные орфографические ошибки и явные опечатки, вкравшиеся в первоначальные или исходные тексты были исправлены при редактировании альманаха. Пропущенные в оригинале слова, буквы и цифры восстановлены в квадратных скобках. Унификация биографических описаний не проводилась.

В конце выпуска дан перечень материалов, опубликованных в прошлом номере альманаха.

* Степченков Л.Л., Илькевич Н.Н., Каштанов Ю.Е. 1812 год. Альманах. Вып. 2-й. Смоленск: Стил, 2006.

ШКОЛЬНАЯ МОЛОДЕЖЬ ПОМОГАЛА СРАЖАЮЩЕЙСЯ РОДИНЕ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ. 1914-1917 гг.

Устойчивый научный интерес к участию России в Первой мировой войне объясняется стремлением и глубже познать эволюцию общественных настроений, существенно повлиявших на исход войны и судьбу императорской власти, и понять специфику патриотизма участников последующего противостояния, уже внутреннего, в Гражданской войне, точнее, двух сторон — «красной» и «белой». Исследуя эту проблему, автор данной статьи сосредоточил свое внимание на восприятии войны юношами России, существенно дополняя уже опубликованные труды по этой непросто исторической теме¹.

ПАТРИОТИЗМ как присутствующее в народе чувство любви к своему Отечеству, его истории и культуре значительно усиливается и приобретает особую эмоциональную окраску во времена испытываемых страной внешних и внутренних потрясений. Не явилась исключением в этом отношении и Первая мировая война 1914—1918 гг. Обнародование высочайшего манифеста о ее начале вызвало среди школьной молодежи подъем патриотических настроений. Война расценивалась молодыми людьми как продолжение традиционной помощи православным балканским народам, ставшим жертвами австро-германской агрессии. Это в полной мере соответствовало мнению подавляющего большинства русского общества, видевшего в такой помощи не только исполнение общеславянского долга, но и защиту православия от наступления протестантизма и католицизма. Зримым выражением патриотических чувств явились состоявшиеся во многих губернских городах демонстрации, в которых приняли участие гимназисты и реалисты старших классов. В столице гимназисты и гимназистки до хрипоты кричали «Живии!» у сербского посольства и вме-

сте с другими манифестантами восторженно приветствовали появление императорской четы на балконе Зимнего дворца². Причем в отличие от бурных событий 1905 года школьное начальство и учителя с пониманием отнеслись к столь явному нарушению правил для учащихся.

В учебных заведениях в ту пору царило радостное предчувствие скорых и блестящих побед русской армии, в немалой степени подобные ожидания поддерживали газетные публикации о вылазках фронтовых разведчиков и успешных казачьих атаках. В восприятии учащимися боевых действий преобладали юношеский романтизм и мечтательность. Один из писателей отразил эти настроения так: «Гимназистки сходили с ума, мечтая о косынках милосердных сестер; гимназисты готовились добровольцами на фронт. [...] Война издали казалась завлекательным зрелищем: с красавцами генералами на белых и вороных конях, с живописными клубами порохового дыма»³. Резко возрос интерес юношества к книгам по военной истории, чтение и обсуждение фронтовых сводок стали частью ученической жизни.

ПОВЫШЕННАЯ эмоциональность и увлечение героикой войны обусловили стремление попасть на фронт, в первую очередь среди подростков. Побег на фронт стали распространенным явлением, о них постоянно сообщали столичные и провинциальные газеты. Отложившиеся в архивах донесения директоров учебных заведений свидетельствуют, что чаще всего таких несостоявшихся воинов задерживали уже на ближайших железнодорожных станциях. Возвращенные в семьи, они безыскусно объясняли свои поступки желанием «ходить в разведки» и «разносить патроны», подражая персонажам фронтовых корреспонденций⁴.

Иначе, в основном, поступали учащиеся старших классов — молодые люди 17—19 лет. Одни предпочитали разрешенную родителями и учебным начальством запись в действующую армию, т.е. «добровольчество», другие же отстаивали возможность ускоренного поступления в юнкерские училища. Реализации таких планов способствовала ситуация на фронтах: осенью 1914 года кадровые потери русской армии в Восточной Пруссии и Галиции, в Вар-

шавско-Ивангородской операции оказались настолько велики, что пресса среди источников пополнения «выбитого офицерского состава» называла выпускников средних учебных заведений, сдавших выпускные экзамены «не поздней весной, а в рождественские вакации»⁵. Множественные обращения учащихся Владимира, Москвы, Перми, Петрограда, Саратова, Томска, Ярославля, Коломны, Сергиева Посада и других городов, поддержанные попечителями учебных округов и общественным мнением, возымели действие: Министерство просвещения и Святейший Синод разрешили организацию досрочных испытаний. Свой шаг навстречу стремлениям молодежи сделало и военное ведомство. Так, в Виленское военное училище с 1915 года принимались без экзаменов юноши, окончившие 6 классов средних учебных заведений или 2 класса духовной семинарии⁶.

О распространенности движения можно судить по ряду типичных примеров. В Саратовском техническом училище добровольцами пожелали стать целые классы. В Вифанской духовной семинарии (Сергиев Посад Московской губернии) 12 воспитанников обратились в Синод с просьбой разрешить держать выпускные экзамены в декабре 1914 года, «чтобы немедленно вступить в ряды армии». Пятеро воспитанников Оренбургской духовной семинарии оставили учебу после окончания 2-го класса для поступления в военное училище. В Коломенской гимназии, как следует из донесения директора, с октября 1914 по май 1915 года десять старшеклассников поступили в военные училища, а трое стали добровольцами⁷.

Добровольцы-старшеклассники и подростки, которым, несмотря на препятствия, удавалось попасть на фронт, обычно зачислялись во вспомогательные подразделения, но известны многочисленные факты их участия и в военных действиях. Например, гимназист 6-го класса Шавельской гимназии В. Найденев, будучи санитаром, был ранен, подбирая под орудийным огнем и вывозя на телегах других раненых. Коломенский гимназист А. Пробатов получил контузию, поддерживая сообщение между подразделениями, за что удостоился боевой награды. Показали себя храбрыми разведчиками А. Боравский — ученик Виленского химико-технического училища, В. Соболев — гимназист Радомской гимназии, В. Макаров — гимназист Пермской гимназии и другие⁸. Героизм учащихся-воинов благодаря газетным и журнальным публикациям становился общеизвестным, что, в свою очередь, стимулировало патриотический порыв молодежи.

Болезни, увечья и смерть не обходили стороной, как и всех, юношей-добровольцев, хотя взрослые воины по возможности пытались их уберечь. Отражая общественное беспокойство о судьбах молодого поколения, журнал «Гимназист» спрашивал своих читателей: «Должны ли мы помочь Родине... личным участием на поле брани, или для этого мы еще слабы, и не принесем ли мы больше пользы... на местах тем или

иним посильным для нас трудом?». И здесь же давался ответ: «Кругом столько лазаретов, питательных и санитарных пунктов, так часты кружечные и другие сборы... и ваша помощь, сочувствие и поддержка здесь для вас нравственны и обязательны». Та же мысль высказывалась в предназначенном для педагогов «Вестнике воспитания»: «Нельзя всем сражаться», а мирная работа в тылу «бесконечно разнообразна»⁹.

Для учащихся первым и наиболее доступным способом поддержки воевавшей России стала «помощь раненым и увечным». Она стихийно возникла уже осенью 1914 года в связи с созданием в тыловых городах перевязочных отрядов, лазаретов и госпиталей, большинство из которых находились в зданиях средних учебных заведений. Масштабы использования школ для нужд военного ведомства отражены в переписке Министерства просвещения с попечителями учебных округов. Для иллюстрации приведем некоторые сведения из донесений с мест: в школах Петербургского учебного округа в первые месяцы войны были размещены военные лечебные учреждения на 7300; в гимназиях Москвы — на 2115; в учебных заведениях Смоленска — на 1126 мест. Поэтому повседневным стало дежурство юношей на станциях для встречи санитарных поездов и доставки раненых; гимназистки помогали ухаживать за выздоравливающими, а семинаристы проводили в лазаретах учебные занятия с неграмотными и устраивали для солдат религиозно-нравственные и историко-патриотические чтения¹⁰.

В школах постоянно собирались пожертвования для «раненых и увечных», а также в пользу пострадавших от боевых действий сербов и черногорцев; учащиеся младших и средних классов занимались на улицах аналогичными «кружечными сборами». Крупные денежные поступления обнародовались прессой: Союз городов сообщил о взносе 114 рублей от учеников Московской гимназии Шелапутина, а Московская городская управа — о поступлении 465 руб. 49 коп. от 1-й Московской гимназии, «Тамбовский листок» — о сборе в шести учебных заведениях 1242 руб. 31 коп¹¹.

ПОПУЛЯРНОСТЬ в школах приобрели уроки строевой подготовки с овладением ружейными приемами — одиночные и шереножные учения, взводные и ротные перестроения, фехтование на ружьях как «приготовление к исполнению воинского долга». В целом в молодежной среде распространилось стремление к физическому здоровью, и потому получил высокую оценку спорт, искореняющий «недостатки человека, например, вялость, колебания, болезнь». Один из ученических журналов непосредственно увязал занятия спортом и патриотизм: «В такой момент, когда наша Родина переживает все ужасы войны за лучшее будущее народов, ей нужно много сильных, решительных и выносливых людей. Так да здравствует разумный спорт!». Правда, организации полноценных физических упражнений зачастую мешали отсутствие

или теснота спортивных залов. Но преподаватели гимнастики (обычно офицеры расквартированных в городах воинских частей), проводя занятия на школьных площадках или в коридорах, придавали урокам «живой характер» и сами становились примером подражания для юношей. Распространение получили клубы «сокольской гимнастики» и союзы юных разведчиков («скаутов»); в лагерях последних учащиеся занимались спортом, фехтованием, стрельбой, учились оказывать первую медицинскую помощь¹².

Широко распространенной формой помощи фронту стала организованная трудовая деятельность учащихся. Возникнув стихийно в первые месяцы войны, это движение в 1915 году получило одобрение императора и регламентировалось документами Министерства просвещения. Было признано полезным и желательным, чтобы молодежь «отдала часть своего рабочего времени на изготовление предметов снаряжения для армии»: циркуляр рекомендовал перечень таковых (рукоятки для пехотных и кавалерийских топоров, черенки для пехотных лопат и кирок, снарядные ящики, траншейные перископы) с указанием размеров и исходных материалов. Для налаживания производства гимназии, реальные и технические училища использовали помощь земств и городских управ. Все работы производились за счет учебных заведений и во внеурочное время, но это не вызывало возражений учащихся, которые гордились своим участием в изготовлении «предметов государственной обороны»¹³.

Помощь фронту оказывали и сельскохозяйственные ученические дружины, созданные в Архангельске, Воронеже, Ельце, Иркутске, Костроме, Нижнем Новгороде, Пензе, Раненбурге, Рязани, Тамбове, Ярославле и других городах. Выезжая на длительное время в деревню (1—3 недели), дружинники помогали семьям воинов и запасных — косили, убирали сено, пропалывали поля, ухаживали за животными, пилили дрова и пр. Своим усердием они преодолевали недоверие крестьян к городским «барчукам». В Костромской губернии «новых дружинников крестьяне разбирали наперебой», а в Московской — «не удавалось удовлетворить все просьбы крестьян о выделении помощников». Эта деятельность наряду с воспитательной имела и определенный экономический эффект, уменьшая вызванный мобилизациями дефицит рабочих рук в деревне¹⁴.

Однако война со временем внесла в поведение учащихся и те черты, которые не могли не беспокоить педагогов: национальную нетерпимость, излишнюю возбужденность, снижение интереса к учебе, необычную жестокость в играх младших школьников «в войну». Известны случаи, когда ученики требовали удаления учителей-немцев и прекращения преподавания немецкого языка. Неблагоприятные сводки с театра военных действий, железнодорожные составы с ранеными, гибель или увечье близких родственников, появление на улицах инвалидов —

все это отвлекало от учебных занятий, вызывало повышенную тревожность и, как отмечали современники, «крайне нервировало» молодежь. Правда, в большей степени указанные перемены характерны для крупных городов. В провинции же если и отмечался «подъем патриотического духа», то без выраженного шовинизма, а взбудораженность первых месяцев войны постепенно сменялась успокоением¹⁵.

НЕУДАЧИ русской армии и зримые тяготы войны существенно сказались на настроениях в обществе. В семьях учащихся обсуждались газетные публикации об острых дискуссиях в Думе, передавались слухи о предательстве «верхов» и «распутинщине», высказывались недовольства в связи с «министерской чехардой» и материальными трудностями. Все эти будоражащие молодые умы разговоры накладывались на собственные наблюдения за тревожными событиями на фронте и переменами в повседневной жизни.

Гнетущее впечатление произвело отступление русских войск в 1915 году. И дело не только в огромных потерях и оставлении больших территорий. Из западных губерний в центр России были эвакуированы русские учебные заведения, которые размещались на базе действующих средних школ. Рассказы эвакуированных сверстников и беженцев о пережитом разрушали романтические представления о войне; тому же способствовали и картины страданий раненых в тыловых лазаретах, где в качестве помощников выступали старшекласники.

Повсеместно педагоги отмечали среди молодежи падение интереса к учебе. В немалой степени это было связано со снижением доходов семей школьников, вызванным в первую очередь ростом цен на продукты питания и жилье. Это ставило под сомнение продолжение образования для детей из семей не только с низким, но и со средним достатком. Происходило нарушение незыблемого, как казалось, учебного распорядка и воспитательного режима. Эвакуационные мероприятия привели к скученности учащихся, переполнению классов, занятиям в две смены и т.п. Нередки были случаи прекращения уроков и сокращения каникул из-за временного расположения в зданиях учебных заведений госпиталей, интендантских или штабных служб. Преподавание оставили призванные в армию учителя, не имевшие брони, и далеко не всегда замена была полноценной или вакантная должность вообще не замещалась. Значительные изменения принесли в 1915—1916 гг. мероприятия Министерства просвещения, связанные с готовящейся реформой средних учебных заведений: расширялись функции родительских комитетов, смягчался внешкольный надзор за учащимися, гимназиям разрешалось отменять переводные и выпускные экзамены в 1916 году, обсуждалась отмена балльной оценки знаний и др.¹⁶

Как результат — в ученической среде начали формироваться новые настроения. Появились сомнения в целесообразности войны, разоча-

рование по поводу способности верховной власти вывести страну из кризиса, неудовлетворенность постановкой учебного процесса и собственным статусом в школе, ожидание скорых перемен во всем. Падение «тонуса жизни» — так охарактеризовала педагогическая пресса 1916 года новое состояние учащегося юношества, которое не могла преодолеть даже эмоционально насыщенная трудовая помощь фронту. Правда, указанные процессы в большей мере наблюдались в столицах и крупных городах. В провинции молодежь была ближе к прежним оценкам войны, не придавая особого значения скандалам в «верхах». Поэтому «сомневающиеся» не превратились в пользующихся широкой поддержкой «революционеров», а учащееся юношество (в отличие от студентов) избежало идейной конфронтации по вопросу о войне. И хотя в учебных заведениях ряда городов — Воронежа, Коврова, Златоуста, Москвы, Орла, Петрограда, Риги, Тулы действовали нелегальные социалистические кружки, значительным влиянием вплоть до Февральской революции 1917 года они не пользовались.

ПАДЕНИЕ самодержавия в России значительно политизировало школьную молодежь. Созданные в марте—апреле 1917 года ученические внепартийные союзы, определяя свою позицию по общенациональным и академическим проблемам, неизбежно затрагивали и отношение к войне. Анализ резолюций собраний и уставов союзов учащихся, постановлений Всероссийского съезда учащейся молодежи (май 1917 г.) позволяет говорить о господстве настроений «революционного обозорчества» как в крупных столичных организациях (Петроградская и Московская насчитывали соответственно 12 и 15 тыс. человек), так и в провинциальных. Теперь война рассматривалась как справедливая борьба с «германским монархизмом, стремящимся уничтожить свободную революционную Россию». Следствием такой позиции явились публикации в ученической прессе заметок о подвигах на фронте, призывов бороться с лозунгами «Долой войну!» и подписываться на «Заем Свободы». Известность получили такие акции Петроградского союза, как митинг 19 апреля в Михайловском театре с участием А.Ф. Керенского и французского министра-социалиста А. Тома или однодневная трудовая мобилизация почти 1500 учащихся 15 апреля¹⁷. Местные организации создавали трудовые дружины для участия в полевых работах, что получило поддержку Министерства земледелия Временного правительства¹⁸.

Уже к осени 1917 года стало ясно, что благородные порывы молодежи оказались невосребованными новой властью. «Обществу, занятому всевозможными вопросами — аграрными, экономическими, министерскими и пр., — не до нас», — с горечью (и провидчески) констатировала газета петроградских учащихся¹⁹. Действительно, масштабы и результаты деятельности сельскохозяйственных дружин, несмотря на отдельные положительные примеры, оказались

весьма скромными из-за роста преступности и массовых крестьянских волнений, сопровождавшихся погромами и поджогами. Очевидным становилось затягивание Временным правительством реформирования средней школы.

Со своей стороны, бескомпромиссная политическая борьба в стране способствовала партийной дифференциации части молодежи, оформлению групп и союзов учащихся эсеровской, кадетской, большевистской, анархистской ориентации. Соответственно партийным пристрастиям определялось теперь отношение к «политическому моменту» и продолжающейся войне. Однако не следует преувеличивать степень размежевания в ученической среде. Для большинства учащихся базовой ценностью оставалась защита Родины, и после прихода к власти большевиков она соединилась с идеей извращения России от покушавшихся на ее свободу «новых узурпаторов». Многие же, с напряженным любопытством наблюдая за происходящим, находились в полной растерянности, не понимая смысла, значения и последствий событий²⁰, что в целом соответствовало позиции семей учащихся, представлявших городские средние слои, в это сложное и противоречивое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соколов В.И. Патриотическая деятельность молодежных объединений в России в 1914—1917 гг. // Россия в Первой мировой войне. Рязань, 1994; Страхов В.В., Бульчев Н.А. Сельскохозяйственные дружины российских учащихся в годы мировой войны (1914—1917 гг.); Соколов В.И. История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX до XXI века. Рязань, 2002.

² Русские ведомости. 1914. 28 сентября; Чарская Л.А. За царя и Родину // Друг школы. 1915. № 1. Приложение. С. 7; 23—26.

³ Соколов-Микитов И.С. Гимназистки // На теплой земле. М., 1954. С. 129.

⁴ Московские ведомости. 1914. 27 августа, 18, 25, 27, 29 ноября; 2, 3, 10 декабря; Вестник воспитания. 1915. № 4. С. 115; Центральный исторический архив молодежи (ЦИАМ). Ф. 459. Оп. 3. Д. 7481, 7889 и др.

⁵ Московские ведомости. 1914. 1 октября.

⁶ Московские губернские ведомости. 1915. 18 июля.

⁷ Школа и жизнь. 1914. № 48. С. 6; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7899. Л. 11; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 155. Д. 1331. Л. 22.

⁸ Гимназист. 1915. № 5, 10; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7899. Л. 11.

⁹ Гимназист. 1915. № 3. С. 13; Вестник воспитания. 1915. № 4. С. 163. Оп. РГИА. Ф. 740. Оп. 16. Д. 275. Л. 17—20, 23—26 об; Ф. 802. Оп. 15. Д. 1331. Л. 20 об.

¹⁰ Московские ведомости. 1914. 7 октября; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7891. Л. 63.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7886. Л. 8, 9; Юные силы (Ирбит). 1914. № 1; Вестник знания. 1915. № 4. С. 163.

¹² ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7889. Л. 1—4, 24, 25, 46, 46 об, 91, 91 об.

¹³ Страхов В.В., Бульчев Н.А. Указ. соч. С. 158, 159; Вестник воспитания. 1915. № 6. С. 105, 106.

¹⁴ Звягинцев Е. Отношение детей к войне // Вестник воспитания. 1915. № 4. С. 136—141.

¹⁵ Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы. М., 1947. С. 173—198.

¹⁶ Свободная школа. 1917. 13 апреля, 6 мая; Успенский Л.В. Записки старого петербуржца. Л., 1970. С. 262—272.

¹⁷ Соколов В.И. Патриотическая деятельность молодежных объединений в России в 1914—1917 гг. С. 54, 55.

¹⁸ Свободная школа. 1917. 21 апреля.

¹⁹ Успенский Л.В. Указ. соч. С. 303, 304.

Н.С. ВАТНИК

Работа выполнена по проекту Российского гуманитарного научного фонда № 07-01-501 03 А/Ц.

В.И. ДАЛЬ

СЕРЖАНТ ЩЕПОТЪЕВ С ТОВАРИЩАМИ. МАТРОССКИЕ ДОСУГИ

ПОДОЙДЯ к Выборгу в 1706 году, Петр Великий узнал, что шхерами пробираются в море несколько неприятельских купеческих судов. Царь выслал тотчас за ними 12-го октября пять лодок с 48 рядовыми под командой сержанта Преображенского полка Щепотьева, бомбардира Дубасова, да двух флотских унтер-офицеров Скворцова и Наума Синявина.

Ночь захватила лодки эти в запутанных проходах между островками, а сверх того пал такой туман, что наши перед носом ничего не могли видеть и шли, как говорится, ощупью. Они вовсе заплутались и вдруг попали на неприятельский военный бот «Эсперн». Не зная, на кого они наткнулись, наши, не робея, закричали «ура!», бросились всеми пятью лодками на неприятеля, влезли на судно, несмотря на пушечную и ружейную пальбу его, и в одно мгновение переколоты и посталкивали за борт кого застали наверху, а прочих, накрыв и забив люки, заперли внизу.

Только что они успели справиться, очистить палубу и пуститься на завоеванном боте в путь, как другой такой же, стоявший вблизи, услышав пальбу, поспешил на помощь. Но урядники Скворцов и Синявин, взяв под начальство свое пленное судно, так хорошо успели на нем распорядиться, что встретили второй бот пушечной пальбой из первого, между тем как с лодок открыли беглый огонь; второй бот спешно удалился и скрылся в темноте и тумане.

Разобравшись кое-как, наши к утру воротились к своему стану, к берегу, и привели пленное судно. На нем было [перед боем] 5 офицеров, 103 рядовых и 4 пушки: но под люками оказалось налицо всего 30 человек, остальные были побиты. И не мудрено, они оборонялись отчаянно: в нашей команде оказалось, к сожалению, 30 убитых; а из остальных восемнадцати были не ранены всего только 4 человека!

Царь и радовался победе этой и скорбел по ней, потому что, сверх того, все пять лодочных командиров были тяжело ранены и впоследствии четверо из них скончались от ран, а в живых остался один Синявин.

Об этом славном деле царь своей рукой написал Меншикову, Головину, Нарышкину, Шере-

метеву, Репнину, Голицыну, Шафирову, Мусину-Пушкину, Брюсу, Зотову и повелел тела наших убитых, сколько их привезено было, предать земле в Петербурге с офицерскими воинскими почестями, при сопровождении целого батальона.

ТУРЕЦКИЙ ФЛОТ В 1829 ГОДУ. МАТРОССКИЕ ДОСУГИ

В ПРОДОЛЖЕНИЕ последней войны нашей с Турцией флот неприятельский держался в Босфоре под прикрытием сильных крепостей европейского и азиатского берегов пролива. Флот этот показывался только на самое короткое время в Черном море, будто только для славы, держался к Анатолийским берегам и, прежде чем наш флот, находившийся большей частью у Варны и Сизополя, успевал подойти к Босфору, турки давно уже стояли в проливе. Для этих прогулок они выбирали южный ветер, коим могли выйти из пролива и воротиться туда, между тем как для нас ветер этот был встречным.

Английский лейтенант След находился гостем на турецком адмиральском корабле, при одной из таких прогулок и описал то, что слышал и видел при этом случае, таким образом.

«Чтобы попасть на адмиральский корабль капудана-паши, я проехал по всей линии флота: корабли были чисто окрашены, но такелаж болтался, обвиснув слабиной, а ноки реев торчали туда и сюда. «Селимиер», прекрасный стопушечный корабль без юта, с красным шелковым флагом, висевшим от гафеля до воды, окружен был шлюпками. Пушки его смотрели туда и сюда, будто иные готовились сбивать неприятельские брам-стенги, другие — топить шлюпки; одни глядели к носу, другие — к корме. Курильщики сидели в портах, свесив ноги за борт.

Мы взошли; капудан-паша сидел, развалясь с трубкой посреди палубы, на тюфяках и подушках. Его окружала стража и прислуга разного рода в пестрой одежде; матросы сидели и лежали кучками при пушках — кто молился, кто завтракал, кто играл в шашки. Паша поздоровался с нами и пригласил нас в каюту: два офицера подхватили его под мышки и повели. Вся толпа пошла за нами.

Каюты была отделана чисто и красиво. Нас посадили, подали кофе, трубки, шербет, опахалами гоняли мух. Паша объявил, что нынче же идет в море, искать русский флот. Слово «искать» удивило меня; в Стамбуле все знали, где стоял русский флот, и найти его было бы немудрено. Паша при-

К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемые читатели!

Сведения о победителях конкурса и ответы будут опубликованы: на викторины «К 150-летию окончания Крымской войны» (Воен.-истор. журнал. 2006. № 11) — в № 4 (апрель) 2007 года и «К 110-летию со дня рождения Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского» (№ 12) — в № 5 (май).

Ответы на чайнворд «Страницы военной истории (Древний мир — XIX век)» (Воен.-истор. журнал. 2006. № 10): 1. Мегиддо; 2. Орешек; 3. Красс; 4. Сена; 5. Ангон; 6. Нюрн-

берг; 7. Головин; 8. Ништадт; 9. Тигракет; 10. Томарис; 11. Сервантес; 12. Семикнижие; 13. Ермолов; 14. Вид; 15. Даву; 16. Урядник; 17. Корнет; 18. Тохтамыш; 19. Шанси; 20. Ила; 21. Аракс; 22. Сулица; 23. Артикул; 24. Лох; 25. Хорезм; 26. Матюшкин; 27. Наполеон; 28. Наряд; 29. Дрепанум; 30. Милорадович; 31. Черепаха.

Победителем этого конкурса стал **Варфоломеев Александр Борисович**, юрист (г. Тверь). Он получает приз — книгу: Рубежи ратной славы Отечества: люди, события, факты. М.: Издательский дом «Звонница — МГ», 2002. 384 с., ил.

Поздравляем!

гласил меня в свидетели на этот поиск, и я принял это, как гость, с удовольствием.

Я спешно отправился на берег, чтобы взять кое-что с собою, но, возвращаясь, с горестью увидел, что нетерпеливый паша уже снялся с якоря. Некоторые корабли шли под нижними парусами, другие — под брамселями, третьи — под стакселями. Ветер свежел, каик наш отставал, мы были милях в четырех от «Селимиера», и гребцы выбились из сил, но я кричал: «Наляг!» и удваивал плату. Мы выгребли до скал Симплегад, напротив азиатского мыса Калледония — это вход в Босфор, шириною 20 миль. Здесь встретила нас сильная зыбь с отбоем — челнок наш едва не опрокинуло, гребцы начали молиться... мы были еще милях в шести от флота, который начал приводить к ветру*, но отдал марса-фалы, как казалось, увидав меня. Однако гребцы стали поворачивать назад, и точно, одна волна могла бы залить наш каик. Я взял в одну руку пистолет, в другую — горсть серебра: гребцы, пожав плечами, принялись за весла. Наконец мы в четвертом часу достигли «Селимиера», пройдя с утра греблей 38 миль!

Нельзя было пристать из-за зыби и волнения, и гребцы упрашивали меня воротиться, уверяя, что каик тотчас опрокинет. Я кричал: «Концы подайте!» К одному привязал я вещи свои, и их подняли, за другой сам ухватился и, выждав время, когда каику можно было на гребне волны выйти из-под меня, рванулся и выскочил на палубу. «Аферим! — закричали турки. — Bravo!». Я оглянулся — каик уже нырял между волнами вдалеке.

Паша курил, сидя на гакаборте. «Аферим, — сказал и он мне, — как вас не опрокинуло на такой скорлупе?» «Благостию Божьей», — отвечал я. «Велик Аллах, — сказал он, — прошу садиться. Подать трубку». Подняли марсы-фалы, посадили фока-галс, так что только рей трещал, и мы пустились в Черное море по девяти узлов.

«Селимиер» отлично слушался руля и летел, как фрегат. «Какой прекрасный корабль», — сказала я. «Да, — отвечал паша, — по милости Божьей хорош». «Без Бога ни до порога, — сказал я, — но ведь и мастеру заслуга, кто его строил?» «Право, не знаю, — отвечал адмирал». «Надо идти к русскому флоту, — говорил я, — надо отбить у них Сизополь». «Бокалум», посмотрим, — отвечал он спокойно на все это. — Иншаллах, коли Богу угодно; Аллах-керим, Бог милостив».

«Бокалум, Иншаллах, Аллах-керим — вот враги турок», — говорит англичанин След, а я, переводчик, прибавлю от себя, что и у нашего брата есть такие же природные неприятели — это авось, небось, да как-нибудь, — эти неприятели нас часто губят!

«Пройдя миль 20, — продолжает След, — при закате солнца турки пристально смотрели по небосклону на белые облака, не паруса ли это? Но в то же время вдруг на севере показался русский фрегат. Паша велел сомкнуть линию и взял курс к берегу. На совет мой выслать фрегат навстречу идущему паша никак не согласился.

Наступила ночь; имами с крюс-марса каждого корабля приятным напевом приглашали правоверных на молитву. Все палубы в миле покрылись молящимися. Кончив молитву, ложились вповалку, где кому приходилось, коек или постелей не было ни у кого; сам адмирал спал в конуре, за бизань-мачтой, куда надо было лезть ползком. Вах-

тенные мурлыкали гнусливые напевы; в полночь и в 4 часа утра двенадцать барабанов вызывали подвахтенных на смену. С рассветом мы были у самого входа в Босфор. Ни одного чужого судна не было в виду и это очень успокоило весь экипаж. Но у входа встретила нас шлюпка с приказанием султана идти в море. Паша был очень недоволен, но его утешила немного другая шлюпка, которая везла шута паши и лоцмана, не поспевших накануне.

Шут вскочил на палубу, кувырком по воздуху очутился подле своего повелителя и, поцеловав полу кафтана его, сказал: «Вот как перевернется перед тобою русский адмирал!» «Я велю пригвоздить ухо твое к дверям моей каюты, — отвечал паша, — где ты шатался?» «Тогда дурак будет подслушивать тайны мудреца, — сказал шут, — спроси лоцмана, он перед тобою: не возьми он меня в свою лодку, то дураку оставалось разве приплыть к победоносному флоту твоему верхом на морской свинке; перевозчики шуток не знают, а требуют денег».

Это был намек на скупость паши, который рассмеялся и заговорил о другом.

Вышедшая в море турецкая эскадра состояла из шести кораблей, трех фрегатов, пяти корветов и трех бригов. Кроме капудана-паши на эскадре было еще три адмирала. Двое из них были храбрые и опытные моряки, которые командовали кораблями под Наварином. Там, по словам их, пала и вся их сила морская, и матросы, и офицеры, а остались новобранцы, сволочь. Рассказывая, как русский бриг «Меркурий» ушел от них, один из адмиралов, капудан-бей, бесился и говорил: «Заяц был в моих руках, но псы мои сами испугались своего лая! Первое ядро брига отбило их от орудий и они отступились!»

Сделали ученье с пальбой, которое паша поручил мне. Толпа в 1400 человек бросалась кучками туда и сюда — не было никакой возможности сладить с нею и вразумить ее. Комендоры каждый раз позабывали заткнуть запал и стреляли без прицела. Пальники стояли по палубе где и как попало, кадок для этого не было. В числе 120 орудий на «Селимиере» было несколько пушек 110 фунтовых, с огромными каменными ядрами. При этих орудиях состояли особые бомбардиры. Я велел выстрелить из одного, а сам отошел было к носовым портам, чтобы видеть полет ядра: оглянулся — никого нет около пушки, все бежали, подымаясь по трапу из палубы и подхватывая на бегу мотню шаровар. Боялись, что пушку разорвет. Я не хотел отступить от приказа и вынужден был сам приложить пальник.

На другой день я хотел осмотреть крюйт-камеру. «Вы увидите ее, — сказал паша, — когда мы вступим в сражение». «Тогда будет поздно», — отвечал я. Подумав, он сказал: «Хорошо, с Богом, но порох — вещь опасная». И в самом деле опасная — особенно на турецком корабле: огней не только не гасили при этом, но меня провожали четыре простых фонаря, а в крюйт-камере, где повсюду был рассыпан порох и картузы лежали кучами и подавались к заряду без кокор, хотели еще вынуть свечи из фонарей, чтобы лучше видеть этот прекрасный порядок. Не понимаю, как не все турецкие корабли сами себя подымают на воздух.

Главное строгое требование турецкого адмирала было, чтобы все корабли жались теснее и держали линию, да чтобы люди дневали и ночевали безотходно у пушек. Прислуга каждого орудия составляла артель, которая сидела тут же на ковре или войлочке, пила кофе и курила трубки. Для этого в

* Стал занимать подветренное положение.

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ •

каждой деке было по две кофейни, где варили и жарили день и ночь. Все сидело или лежало весь день вповалку, и турки не могли надивиться мне, что я, которого никто не погонял хлыстом или палкой, весь день ходил по кораблю, а когда я однажды полез на салинг, чтобы высмотреть показавшееся издали судно, то вся команда высыпала на палубу, чтобы посмотреть на такое чудо.

Понадобилось взять рифы: для этого с каждого нока марса-рея человек спускался по шкаторине марсея и с большим трудом продевал штык-болт в люферс, в котором не было железного коуша. Впрочем, работы шли изрядно. Я хотел вразумить турок, но мне отвечали, что так водилось всегда, и железного коуша не нужно.

При лавировке эскадры всегда поворачивала последовательно, то есть один корабль за другим; по этому ночью, идя разными галсами, корабли нередко сваливались. Два несчастных корвета, между прочим, столкнулись так, что с трудом доплыли после до Босфора, а в Стамбуле все переполошились, полагая, что весь флот разбит русскими и остались всего только два обломанных корвета.

Эти ломки надоели паше и он просил моего совета. Я предложил, чтобы вся эскадра поворачивала неожиданно ночью: это ему понравилось и он велел было мне внести маневр этот в число сигналов, но обдумав дело, он часа через два прислал за мною и с важностью объявил, что не может согласиться на мою выдумку. Я уверил его, что это вовсе не моя выдумка, но спросил: "Почему?"

— Потому, — сказал паша, — что тогда расстроится линия.

Против этого нечего было сказать.

На шестой день мы зашли в Варну, и страх был велик, чтобы русский флот не отрезал нас от Босфора. Я предложил идти в Сизополь, Варну, даже в Севастополь, разорить и сжечь что можно и воротиться. Паша собрал флагманов и командиров для совета. Совет решил, что предложение мое не годится. Я махнул рукой и поехал с Нурей-беем, командиром фрегата, обедать.

Фрегат этот, как все суда турецкие, был очень чист и опрятен; турки моют палубы ежедневно и притом у них вовсе нет привычки плевать. «Я назидник, — говорил Нурей-бей, — и до назначения меня командиром на фрегат ни в море, ни даже на судне никогда не бывал». Вообще командиры турецких судов, вовсе не зная дела, сидят за кофе и за трубкой, предоставляя офицерам полное распоряжение**, если же их во время работ что-нибудь побеспокоит, то такой командир вскакивает и, отколотив чубуком или рупором первых двух или трех человек, кто попадется, опять садится на свое место и берется за трубку.

Однажды капудан-паша спросил меня, не хочу ли я видеть сухопутную силу его, которая была также на корабле, чего я дотоле и не знал, и тотчас же шесть жалких солдат с барабанщиком и флейтчиком явились перед нами. Они стали делать ружейные приемы, и шут паши, схватив чубук, стал их передразнивать. Все хохотали, и сами солдаты, и паша, и зрители.

В другой раз я вышел чуть свет на палубу: мы несли бом-брамсеи, реи были кое-как обрасоплены, вся команда и все вахтенные спали, а с подветра угрожал шквал. Я разбудил вахтенно-

го офицера, который простодушно спросил: "Да что же теперь делать?" Толковать было некогда; я спешил убрать паруса, обрасопить реи и едва справился, как жестокий шквал разметал весь флот. Паша с беспокоеством вылез из конуры своей; я подошел к нему и, сказав, что даже нижние порты все на ночь оставались незакрытыми, прибавил: "Если впредь мы будем так беспечны, то легко может случиться, что, уснув спокойно на этом свете, нечаянно проснемся на том". Я не успел оглянуться, как вахтенного офицера схватили, чтобы по приказанию паши выкинуть за борт. С трудом я остановил казнь эту и успокоил разгневанного пашу.

Русские фрегаты в течение десяти дней были постоянно в виду. Наконец я уговорил пашу послать за ними погоню. Послали фрегат и корвет; мы шли под малыми парусами и ничем не мог я убедить адмирала идти на прекрасном корабле своем самому в погоню. Он боялся русских, как пугала, и вся команда тоже.

Наступила ночь. Один корабль, флагман "Реал-бей", упал далеко под ветер и не хотел прибавлять парусов. Паша был в нерешимости: строить ли опять линию по этому кораблю или лечь в дрейф и выждать его? И это все делалось при погоне за неприятелем! Стали советовать: одни говорили, что ночью строиться опасно, можно свалиться, другие, зная слабость паши, полагали, что всего важнее выстроиться в одну линию, шут утверждал, что если мы только начнем спускаться, то, конечно, нельзя будет остановить ни одного корабля до самого входа в Босфор, буфетчик заметил, что ночью вообще мудрено что-нибудь сделать, главный чубушник опасался за здоровье паши, а сам паша, измоченный дождем, бегал в сильном раздражении и нерешимости взад и вперед по шкафутам с трубкой в одной руке, с рупором в другой, кашлял, сердился и не знал, с чего начать. Наконец явился главный повар и также начал рассуждать. Выйдя из терпения, я взял его за оба плеча, повернул и оттолкнул; шут расхохотался, капитан тихонько пожал мне руку, повар начал браниться. Наконец отправили тендер со строгим приказанием к "Реал-бею" прибавить парусов, и в одиннадцатом часу линия была выстроена, и все корабли несли огонь.

Порывистые шквалы стали усиливаться; встревоженный паша просил меня обойти весь корабль и осмотреть, все ли в порядке. В деках было великолепное освещение, вся команда сидела по пушкам, но везде встречали меня просьбою присоветовать паше спуститься к Босфору. Утомившись, я прилег в каюте на часок уснуть; вдруг просыпаюсь от шума воды мимо борта, бегу наверх, и вижу, что мы легим в полный бакштаг по 12 узлов!

Я не сказал ни слова — говорить было поздно. Мы пролетали Босфор в тумане и с такою скоростью, что я уверен, будь это русский флот, он проскок бы мимо всех береговых батарей так же благополучно, как и мы. В Буюкдере вся эскадра в удивительном порядке, в одну линию, бросила якорь. Все суда заняли обычные свои места.

Капудан-паша донес султану, что подходил на вид Сизополя и, загнав русский флот в свои порты, остался повелителем Черного моря. Весь Стамбул говорил: "Велик Аллах!" и праздновал победу своего флота».

**Полную свободу действий.

Обложка
книги

ЛИКВИДАЦИЯ ГАУЛЯЙТЕРА В КУБЕ

1100 дней немецкой оккупации Белоруссии принесли не только горе и страдания ее гражданам, но и выявили среди них героев. Книга «Охота на гауляйтера»* В.Д. Селеменова и В.И. Шимолина пытается ответить на многие запутанные вопросы, связанные с деятельностью минского подполья.

В труде подробно исследуется работа советских спецслужб и белорусских партизан по ликвидации фашистского генерально-го комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе, который с первых дней своего пребывания в должности установил политику тотального террора.

После убийства Кубе почти все партизанские отряды попытались приписать себе славу организатора этого справедливого акта возмездия. Однако кто же все-таки уничтожил гауляйтера? Авторы настоящего исторического исследования пытаются пролить свет на происходившие в то время события и разобраться в ряде вопросов, которыми задается уже не одно поколение историков.

Знал бы Кубе, какую роль в его жизни сыграют представительницы слабого пола, относился бы к ним с большей осторожностью. Проявив достаточно сильную волю, четыре женщины — Е.Г. Мазаник, М.Б. Осипова, Н.В. Троян, Г.Н. Калита (последняя официально не значится в списке героев) — хладнокровно привели

* Селеменов В.Д., Шимолин В.И. Охота на гауляйтера. Мн.: НАРБ, 2006. 246 с., ил.

в исполнение вынесенный Кремлем приговор. Несмотря на трудные условия, связанные с охраной немецкими спецслужбами гауляйтера, они шли к реализации своей цели (убийству Кубе) до конца.

В книге несколько сюжетов, которые связывает между собой общая тема — ликвидация Кубе. В конце каждого из них авторы возвращаются к убийству, однако показывают его в разных ракурсах. Имена главных героинь проходят через всю книгу. Женская тема является одной из наиболее часто затрагиваемых в исследовании. Вне всякого сомнения, авторы демонстрируют свое восхищение подпольщицами. Да и как иначе, ведь женщины-патриотки сделали то, чего не смогли сделать даже сильные, специально обученные сотрудники НКВД.

Очень подробно в книге излагается и биография Кубе, рассматриваются его взаимоотношения с другими лидерами нацистской Германии, особенно с представителями СС и СД. Неподдельный интерес у читателя вызовет интервью немецкого журналиста Пауля Коле, взятое им у вдовы Кубе — Аниты. В ее представлении Кубе был чуть ли не эталоном порядочности и справедливости, а ведь по его указаниям были уничтожены сотни тысяч жителей Белоруссии. По мнению вдовы, убийство ее мужа — это происки руководителей СС и СД. Однако авторы, оперируя фактами, показывают читателю совсем другого Кубе.

Не обходят В. Селеменов и В. Шимолин и тему националистических движений в Белоруссии, лидеры которых прибыли на родину уже после ее захвата нацистами, надеясь на то, что после войны станут хозяевами белорусской земли. Им покровительствует Кубе, который использует их в пропагандистских целях.

Несомненно заинтересуют читателей и отрывки из стенограмм допросов в НКВД Мазаник, Осиповой и Троян. Выясняется, что И.В. Сталин дал жесткое указание выявить подлинных исполнителей ликвидации Кубе.

Книга «Охота на гауляйтера» — яркое свидетельство мужества и стойкости советского народа, она не оставит равнодушными как историков, так и читателей.

Р.А. АЛИЕВ

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ А.Н. КОМАРОВСКОГО

Обложка
книги

УВИДЕВШАЯ свет в 2006 году книга посвящена жизни и деятельности генерала армии А.Н. Комаровского*, выдающегося военного строителя XX века. Имя это даже искусственным читателям «Военно-исторического журнала» мало знакомо. Дело в том, что Александр Николаевич долгие годы руководил строительством нескольких секретных объектов, о которых в нашей стране знали единицы. Под покровом тайны оказались и имена военных строителей, которые трудились на этих объектах.

А.Н. Комаровский родился в Санкт-Петербурге, в семье потомственных инженеров. Трудовая деятельность его началась еще во время учебы в Московском институте инженеров транспорта с самых низших должностей: старшего рабочего на строительстве плотины на р. Москве. На предпоследнем курсе он уже выполнял обязанности инженера в проектно бюро Свирыстройа. По его проекту была сооружена бетонная плотина гидроэлектростанции Свирь № 3.

Прорывом в его инженерной карьере стала работа на канале Москва — Волга. Буквально за несколько лет Комаровский прошел путь от заведующего сектором до руководителя стройки. Через полтора года Александра Николаевича назначили заместителем народного комиссара морского флота по строительству. С тех пор и до конца своих дней он находился в своеобразной «наркомовской обойме» — руководство страны, как тогда говорили, бросало его

* Галайко В.М. Я не люблю слово «Нет!». М.: Восток Сервис, 2006. 320 с., ил.

на самые ответственные участки работы.

Под руководством Комаровского были возведены многие оборонные объекты, но не стоит забывать и про прекрасные санатории, госпитали, культурные центры, учебные заведения и жилые дома.

Как инженер-строитель, руководитель крупных строек, как теоретик строительного дела Александр Николаевич многое сделал для выполнения планов экономического развития страны. Вместе с тем как военачальник, генерал армии Комаровский внес большой вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне, сыграл важную роль в укреплении военного могущества родины.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся историей нашей страны.

А.Н. ЧАБАНОВА

* * *

МОРСКИЕ КРЫЛЬЯ ОТЕЧЕСТВА

ПОД ТАКИМ названием в 2006 году в Севастополе вышла книга* военноморского историка, кандидата исторических наук, доцента капитана 1 ранга в отставке В.Г. Симоненко.

В труде на основе историографических материалов, архивных и иных источников показан переход от воздухоплавания к летательным аппаратам тяжелее воздуха, рассказывается о создании и развитии морской авиации в составе Российского императорского флота, о боевом применении морской авиации в Первой мировой войне, а также приведены биографические справки о наиболее известных морских летчиках Черноморского и Балтийского флотов периода 1910—1917 гг. Рассказывая о трудностях и особенностях зарождения и развития морской авиации в России, автор возвращает из небытия не только забытые имена, но и многие факты из непростой истории флотской авиации.

Вместе с тем в целом интересная и полезная книга не лишена ряда недостатков. Так, го-

* *Симоненко В.Г. Морские крылья Отечества. Историческая хроника. 1910—1917 годы. Севастополь: Издатель Кручинин Л.Ю., 2006. 160 с.*

**Обложка
книги**

воря о зарождении авиации, автор пишет, что «успешно воевавшие российские морские летчики заслужили право образования на действующих флотах отдельного рода воздушных сил» (с. 13). Однако на то время такого понятия, как «отдельный род воздушных сил», не существовало, к тому же их создание было вызвано более серьезными объективными причинами, чем просто успехи пилотов в боевой деятельности. Морская авиация стала родом сил потому, что только она могла решать специфические боевые задачи, которые были в тот период времени не под силу надводным кораблям и подводным лодкам. Для решения этих задач флотская авиация имела на вооружении свойственную лишь ей авиационную технику (в первую очередь гидросамолеты) и авианесущие корабли, свою особенную организационно-штатную структуру, использовала специфические формы и способы боевых действий.

К сожалению, в книге имеются неточности и в биографических данных пионеров морской авиации России. Так, Сергей Андреевич Лишин представлен в биографической справке капитаном 2 ранга, в ней говорится также, что в командование воздушной дивизией Балтийского моря он вступил весной 1917 года и дальнейшая его судьба не известна. На самом деле к началу Гражданской войны С.А. Лишин имел чин старшего лейтенанта и в командование дивизией вступил летом 1917 года. Известно также, что в дальнейшем он был первым командиром советской морской воздушной бригады особого назначения, впоследствии воздушной бригады Балтийско-

го флота, в ноябре 1919 года его арестовали по подозрению в принадлежности к белогвардейской подпольной организации и расстреляли. Однако точный день приведения приговора в исполнение не установлен, поэтому во всех источниках указывается ориентировочная дата его гибели: декабрь 1919 — февраль 1920 года.

Известна судьба и другого представителя отечественной морской авиации — Владимира Владимировича Дитерихса, который окончил не офицерскую школу, как утверждает автор, а теоретические курсы авиации при Политехническом институте Петра Великого. Герой Первой мировой войны старший лейтенант Российского военного флота В.В. Дитерихс после революции эмигрировал, жил за границей, умер 28 декабря 1951 года в Париже, где и похоронен.

Допущены неточности и в описании жизненного пути героя балтийской авиации старшего лейтенанта Арсения Николаевича Горковенко, который окончил не Качинскую офицерскую школу, ибо в то время школы с таким названием не существовало, а в начале кампании 1916 года — Бакинское отделение Петроградской офицерской школы морской авиации ОВФ. Тогда же он получил и звание морской летчик. Отметим, кстати, что все эти морские авиаторы были награждены орденами Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием с надписью «За храбрость».

Есть в книге и другие ошибки. Так, например, один из основателей балтийской авиации контр-адмирал Б.П. Дудоров летчиком никогда не был, а если и совершал полеты на летательных аппаратах тяжелее воздуха, то исключительно в качестве пассажира.

И все же, несмотря на эти огрехи, новый труд севастопольского исследователя, на мой взгляд, будет с интересом принят читательской аудиторией, так как объективно способствует воссозданию более целостной картины периода зарождения и становления авиации отечественного Военно-морского флота.

Полковник В.Л. ГЕРАСИМОВ

Сведения об авторах номера

АКСЕНОВ Сергей Николаевич — заместитель начальника отдела Главного ракетно-артиллерийского управления МО РФ, полковник (Москва)

АЛЕКСЕЕВ Тимофей Владимирович — заместитель начальника отдела воспитательной работы Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского, подполковник (Санкт-Петербург)

АЛИЕВ Руслан Аликрамович — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

БЕРГМАН Моисей Давидович — старший научный сотрудник Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ, подполковник медицинской службы запаса (Санкт-Петербург)

БУДКО Диана Анатольевна — старший хранитель Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ (Санкт-Петербург)

БЫКОВСКАЯ Галина Алексеевна — декан гуманитарного факультета, профессор кафедры истории и политологии Воронежской государственной технологической академии, доктор исторических наук (г. Воронеж)

ВАТНИК Нисон Семенович — доцент кафедры истории Коломенского государственного педагогического института, кандидат исторических наук (г. Коломна Московской обл.)

ГАБОВ Михаил Владимирович — начальник кафедры физической подготовки и спорта Военно-морской академии имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, полковник (Санкт-Петербург)

ГАРЕЕВ Махмут Ахметович — президент Академии военных наук, генерал армии, доктор военных наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

ГЕРАСИМОВ Василий Леонидович — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

ГОРИН Юрий Петрович — заместитель начальника факультета Балтийского военно-морского института им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, капитан 1 ранга (г. Калининград)

ГУСАРОВ Владилен Иванович — ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, доктор географических наук, кандидат экономических наук (Москва)

ДАРКОВ Сергей Константинович — директор информационно-издательского центра ДС (Москва)

ЖАРСКИЙ Анатолий Петрович — научный сотрудник Института военной истории МО РФ, подполковник запаса, кандидат военных наук (Санкт-Петербург)

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич — старший редактор редакции «Военно-исторического журнала», капитан 3 ранга, кандидат военных наук (Москва)

КОЛПИКОВА Елена Федоровна — журналист, кандидат химических наук (Москва)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ПОПОВ Виктор Исаакович — участник Великой Отечественной войны и Парада Победы, полковник в отставке (Москва)

РЫЖЕНКОВ Михаил Рафаилович — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

ТОКАРЕВ Александр Васильевич — помощник депутата Государственной Думы, офицер запаса, дипломат (Москва)

ХВОРОСТЬЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ХОХЛОВ Илья Владимирович — старший преподаватель Новгородского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Великий Новгород)

ЧАБАНОВА Анна Николаевна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ЧИГАРЕВА Наталия Григорьевна — старший научный сотрудник Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ, доктор биологических наук (Санкт-Петербург)

ЮСУПОВА Людмила Николаева — заведующая кафедрой истории Карельского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Петрозаводск)

На с. 1 обл. ил. из кн.: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: История и коллекции / В.М. Крылов (руководитель авт. коллектива), С.И. Ефимов, Л.К. Маковская, С.В. Успенская. СПб.: ИИД СПГУТД, 2004.

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук, старший научный сотрудник полковник И.И. Басик (Институт военной истории МО РФ); кандидат технических наук, старший научный сотрудник генерал-лейтенант В.П. Володин (Военно-научный комитет Генерального штаба ВС РФ); заслуженный работник культуры РФ И.О. Гаркуша (Российский государственный военно-исторический архив); кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник запаса А.А. Кольяков (Институт военной истории МО РФ); кандидат исторических наук, доцент генерал-майор И.П. Макар (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат педагогических наук адмирал флота В.В. Масорин (Главное командование ВМФ); доктор военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); кандидат военных наук генерал-полковник А.С. Рукшин (Главное оперативное управление Генерального штаба ВС РФ); кандидат политических наук, доцент генерал-полковник А.С. Скворцов (Генеральный штаб ВС РФ); доктор военных наук, профессор генерал-полковник Н.Е. Соловцов (Командование РВЧН); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи (распечатанный экземпляр и на электронном носителе) объемом не более одного авторского листа, набранного в Word 95,97,2000 через два интервала с постраничными сносками и конечными ссылками на использованные источники. Ответственность за достоверность информации, точность цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За качество полиграфического исполнения журнала и его своевременное распространение несет ответственность Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

В соответствии с действующим законодательством редакция имеет право не вступать с авторами в переписку, о результатах рецензирования не сообщать, рукописи не возвращать, публиковать присланные материалы помимо печатной версии в интернет-приложении «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» (www.mil.ru). Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов. При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется почтовый адрес автора, ученая степень, ученое звание, номера телефонов, указаны полностью его должность, фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — воинское звание, данные паспорта и удостоверение личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

За справками о присланных в редакцию материалах обращаться по тел.: (495) 693-54-10.

Компьютерная верстка — Р.И. ПАРФЕНОВ

Электронные версии «Военно-исторического журнала» и интернет-приложений «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 157-87-19.

Сдано в набор 12.02.2007
Подписано к печати 16.03.2007
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд.л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Тираж 5650 экз. Зак. 506

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

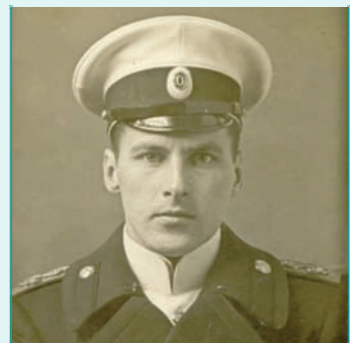
Отпечатано в ООО «Красногорская типография». © «Военно-исторический журнал», 2007.

Из неопубликованных рукописей

Н.А. МОНАСТЫРЕВ: «ПРОЙДУТ ГОДЫ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАРОДЫ МИРА ОЦЕНЯТ НАШ ПОДВИГ»

Иконы с кораблей Русской эскадры

Н.А. Монастырев
Место стоянки русских кораблей в Бизерте

Православный храм Александра Невского в Бизерте

Н.А. Монастырев

Мемориал русским морякам в Бизерте

В ближайших номерах «Военно-исторического журнала»

В «Военно-историческом журнале» за март (№3) 2006 года опубликован материал «Минное заграждение, имеющее важное значение для хода наших операций», в котором рассказывается история награждения капитана 2 ранга Н.А. Монастырева Георгиевским кортиком.

После выхода журнала в редакцию обратились прямые наследники Нестора Александровича, известного подводника, редактора Бизертинского «Морского сборника», историка и летописца русского флота и эмиграции.

Оказалось, что его дело продолжается потомками: по их инициативе на государственном уровне развернута работа по организации в доме Монастыревых в Табарке (северо-запад Туниса) музея русского флота в эмиграции.

Кроме того, благодаря его правнучке — Галли Монастыревой, предоставившей нашей редакции не публиковавшиеся ранее рукописи Н.А. Монастырева, читатели «Военно-исторического журнала» смогут в рамках проводимой журналом акции одними из первых узнать малоизвестные факты истории отечественного флота. Начать их публиковать журнал планирует в ближайших номерах этого года. В полном объеме воспоминания Н.А. Монастырева предполагается опубликовать в «Военно-историческом журнале. Интернет-приложении» (www.mil.ru).

Дом Монастыревых в Табарке, где планируется создать музей русского флота в эмиграции

ДЛЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В МОСКОВИИ»

Герб Российской Империи на кожаной обложке книги из фонда «Кабинет Петра I» XVIII в.

Карта устья Дона с изображением Азовской крепости XVIII в.

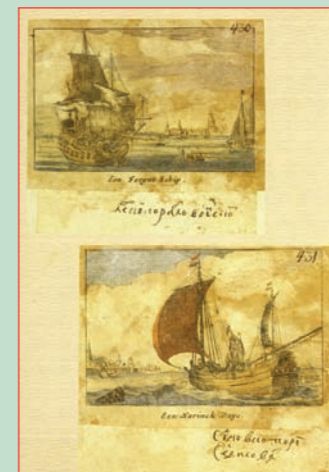

Ф.Я. Лефорт
Гравюра Шенка. 1698 г.

Рисованный портрет Петра I с аллегорическими фигурами на титуле рукописи Ф.И. Соимонова «Экстракт журналов описания Каспийского моря» Первая половина XVIII в.

Герб Российской Империи на кожаной обложке книги из фонда «Кабинет Петра I» XVIII в.

Восемь гравированных изображений разных судов с подписями на голландском языке. Под каждым — собственноручная подпись Петра I на русском языке

военной службы в Московии». Обещание капитанского чина с высоким жалованьем в России определило выбор Лефорта. В последнем письме матери из Нидерландов он писал: «Могу уверить вас, что вы услышите или о моей смерти, или о моем повышении». В начале сентября 1675 года в компании еще нескольких наемных офицеров он прибыл в Архангельск.

В связи с 350-летием со дня рождения Ф. Лефорта между Российским государственным архивом древних актов (РГАДА) и Посольством Швейцарии в Москве достигнута договоренность о проведении совместной культурной акции для ознакомления общественности наших стран с историей их отношений. Этой цели должно послужить изда-

ние сборника*, куда вошли документы из полутора десятков фондов РГАДА, а также документы, представленные швейцарскими коллегами из Государственного архива Женевы. Здесь переписка Лефорта с родителями и братом, первые документы русского происхождения — челобитные на имя государей московских, переписка с Петром, где шуточки чередуются с серьезной политикой, официальные подлинные грамоты Женевской республики к русским царям, отражающие дружественные межгосударственные отношения, установившиеся благодаря влиянию Ф. Лефорта. Особое ме-

сто отводится документам о деятельности Лефорта в качестве первого посла Великого посольства в Европу. Наконец, представлены документы о строительстве Лефортского дворца, выдающегося памятника истории и архитектуры, где ныне расположен Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

О жизни и деятельности Ф. Лефорта в России читайте в статье члена редакционного совета «Военно-исторического журнала» директора РГАДА кандидата исторических наук М.Р. Рыженкова «Франц Лефорт — друг и наставник Петра Великого».

* Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. М.: Древлехранилище, 2006. 586 с., ил.

Публикацию подготовила А.Н. ЧАБАНОВА

В ЧЕСТЬ БЛАГОРОДНЕЙШЕЙ ЕКАТЕРИНЫ

Ордена Российской Империи: орден Святой Екатерины

СВЯТАЯ Екатерина жила в Александрии, была известна своей ученостью, победила в диспуте 50 языческих философов и выступила с осуждением гонений на христиан при императоре Диоклетиане. За отказ отречься от христианства Екатерина в 307 году по приказу императора Максимиана была подвергнута колесованию и обезглавлена мечом. По легенде ангел перенес тело Святой Екатерины на гору Синай, где она и была погребена. На этом месте в 527 году византийский император Юстиниан возвел Синайский монастырь. После Крестовых походов культ Святой Екатерины проник в Западную Европу, где она стала считаться покровительницей философов и всего учащегося юношества, а также колесных мастеров.

Петр I принимал непосредственное участие как в идеологическом, так и в художественном решении при учреждении российского ордена Святой Екатерины. Знаком ордена стал эмалевый крест оригинальной формы — овальный медальон с расходящимися от него в четыре стороны лучами (подробнее см.: Воен.-истор. журнал. 2002. № 1; 2005. № 12).

Предположительно, прообразом геральдического изображения креста ордена Святой Екатерины является икона Святой Екатерины, украшающая иконостас в Синайском монастыре. Эта икона была выполнена мастером Иеремией Палладиусом в 1612 году. На иконе Святая Екатерина изображена на фоне горного пейзажа. В левой части — гора Хорив, на вершине которой — коленопреклоненный Моисей в пламени Неопалимой Купины (ипостаси Бога Яхве) принимает скрижали; в центре горы — образ Марии с младенцем в красном круге — та же Неопалимая Купина, но в христианской, новозаветной традиции: Дева Непорочная, родившая миру Свет Разума. Таким образом, красный диск с буквой «R» означает соединение символов Бога и царя (Rex).

Публикацию подготовил капитан 3 ранга В.Г. КИХНАДЗЕ

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2007. № 2.

Иллюстрации из кн.: Синай, Византия, Русь: Каталог. СПб., 2001; Базалин В.Н. Тайны дома Романовых. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.

▲ Святая Екатерина
Икона. Средиземноморье, начало XVIII в.

Петр I

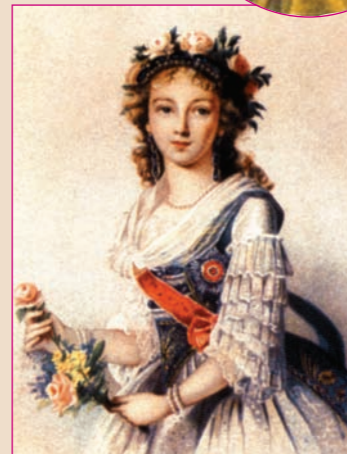

▲ Звезда ордена Святой Екатерины. Принадлежала императрице Елизавете Алексеевне
Россия, конец XVIII — начало XIX в.

▲ Великая княгиня Екатерина Алексеевна

▲ Императрица Елизавета Алексеевна, жена императора Александра I

▲ Знак ордена Святой Екатерины в виде медальона. Принадлежал императрице Марии Федоровне (лицевая и оборотная стороны)
Россия, конец XVIII в.

▲ Звезда ордена Святой Екатерины. Принадлежала императрице Екатерине II
Россия, вторая половина XVIII в.

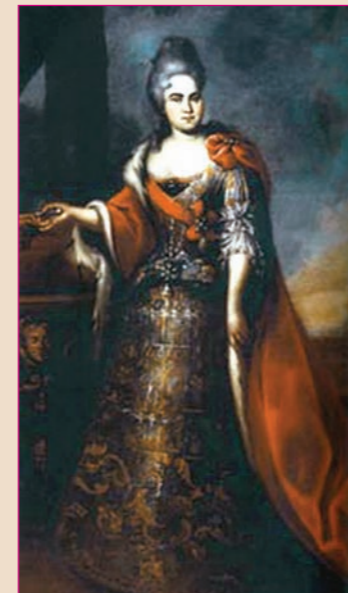

▲ Портрет императрицы Екатерины II
Россия. Неизвестный художник, конец XVIII — XIX в.

И СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ

8 марта —
Международный женский день

▲ Екатерина I
Неизвестный художник, 1724 г.

▲ Портрет царевен Анны Петровны и Елизаветы Петровны
Художник Л. КАРАВАК

▲ Крест ордена Святой Екатерины 2-й степени с бантом
Россия, после 1855 г.

▲ Знак ордена Святой Екатерины
Санкт-Петербург, 1770—1780 гг.

▲ Кубок
Санкт-Петербург. Императорский стеклянный завод, середина XVIII в.

▲ Великая княгиня Наталья Алексеевна, первая жена императора Павла I

▲ Императрица Мария Федоровна, вторая жена императора Павла I

▲ Синайский монастырь Святой Екатерины

▲ Святая Екатерина и философы

▲ Великий князь Петр Федорович, великая княгиня Екатерина Алексеевна и паж-калмычонок
Художник А. ЛИСЕВСКАЯ

▲ Костел Святой Екатерины
Санкт-Петербург

